

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ

Carol Gilligan
and Naomi Snider
Why Does Patriarchy
Persist?

Кэрол Гиллиган
Наоми Снайдер
Почему патриархат
все еще существует?

Перевод с английского
Анастасии Архиповой
под научной редакцией
Артема Смирнова

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2020

УДК 316.62
ББК 60.561.5
Г47

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Гиллиган, К., Снайдер, Н.
Г47 Почему патриархат все еще существует? [Текст] / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 176 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2151-9 (в пер.).

Что позволяет патриархату сохранять устойчивость и сопротивляться переменам? В этой самобытной и убедительной книге Кэрл Гиллиган и Наоми Снайдер утверждают, что патриархат все еще существует потому, что он выполняет определенную психологическую задачу. Требуя от нас пожертвовать любовью ради иерархической структуры, патриархат оберегает нас от уязвимости, связанной с любовью, и становится защитой от утраты. Разоблачая природу весьма эффективных психологических механизмов, лежащих в основе патриархального порядка, авторы показывают, что политика, кажущаяся нам необъяснимой, направляется не осознаваемыми нами силами.

Эта книга, одним из авторов которой является влиятельнейшая мыслительница-феминистка, будет необычайно интересна всем, кого беспокоят наши хаотические психо-политические времена.

УДК 316.62
ББК 60.561.5

Переведено по: *Carol Gilligan, Naomi Snider. Why Does Patriarchy Persist?*
This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge.
First published in 2018 by Polity Press

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2151-9

ISBN 978-5-7598-2151-9 (в пер.)
ISBN 978-1-5095-2912-4 (англ.)

© Carol Gilligan, Naomi Snider 2018
The right of Carol Gilligan, Naomi Snider to be identified as Author of this Work has been asserted in accordance with the UK Copyright, Designs and Patents Act 1988.
© Перевод на русский язык.
Издательский дом Высшей школы экономики, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Введение	8
ЧАСТЬ I	
Загадка	27
Первая подсказка: связь с утратой	36
Соппротивление	43
Утрата	57
Три открытия	88
Краткие итоги	107
ЧАСТЬ II	
Теперь мы знаем. Что дальше?	111
Найти резонанс, исцелить разрывы.	139
Исход из патриархата	142
Каков наш ответ?	156
Литература	168

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга выросла из семинара, посвященного сопротивлению несправедливости, который проводился осенью 2014 г. в школе права Нью-Йоркского университета. Ее созданию поспособствовало приглашение от Института Уильяма Алансона Уайта прочитать лекцию у них на регулярном коллоквиуме осенью 2016 г. — так сложилось, что лекция эта была прочитана на следующий день после избрания Трампа. Ознакомившись с печатной версией лекции, Джон Томпсон предложил нам написать книгу. Мы до глубины души благодарны Дэвиду Ричардсу, который был соведущим семинара по сопротивлению несправедливости, Нэнси Нерее, руководителю коллоквиума в Институте Уайта, и Джону Томпсону из издательства Polity Press. Все они самым деятельным образом вдохновляли и поддерживали наше сотрудничество.

Мы невероятно признательны студентам, чьи голоса вплетались в наше исследование, подталкивая нас к новым открытиям. Мы особенно благодарны Адаму и Джеки, а еще Кристине и Кэти за их вклад в эту книгу. Мы также благодарим участников Проекта радикального вслушивания (Нью-Йоркский университет) — Жаклин Крус, Джессику Эдди, Нур Джонс-Бэй и Тоню Лесли — за то, что они внимательно прочли первые черновики рукописи. Их отклики побудили нас более тщательно продумывать проблемы, над которыми мы работали. Большая благодарность

Нур за ее тонкие наблюдения на тему пересечения расы и гендера. Мы признательны Урсуле Даймонд, Блайт Хоторн-Луазо и Дэйне Кэрин за их отзывы на ранних стадиях нашей работы. Большое спасибо заместителю проректора Линде Миллс. И большое спасибо Бэт Нэш за то, что поддерживала наш проект.

Мы признательны Мири Абрамис, Филиппу Блумбергу, Эухенио Дуарте, Сьюзан Фабрик, Шэрон Кофман, Сью Колод, Рут Ливингстон, Гэри Шлезингеру и Саре Стэмпи из Института Уайта за их вклад в нашу работу. Благодарим Тину Пэкер, Тову Хартман, Донну Киршбаум и Рэйчел Кадиш, Даниэль Кнафо, Бэт Фелдман, Би Джи Клинг, Джуди Уоррен и Вэнди Миллер, Трейси Сайдсингер, Татьяну Лискович и Шуйлера Ханта — их отзывы на рукопись на разных ее стадиях были невероятно ценны и плодотворны. Особая благодарность — редакторам в *Polity Press* за их мудрые советы.

Наоми хочет поблагодарить Рут Имбер и Джеймса Филлипса за то, что выслушивали ее, Элио Вильоне за то, что побуждал ее идти туда, куда она не осмеливалась заходить раньше, и Рейчел Снайдер и Хелен Снайдер за их надежность и любовь. Она будет вечно благодарна своим учителям Кэрол и Дэвиду Ричардс за то, что они выслушивали и поддерживали в ней голос протеста, даже когда он был еще всего лишь шепотом. Кэрол хочет поблагодарить декана Тревора Моррисона за поддержку проекта на ранних стадиях и Питера Фридбергера за его вдумчивую помощь. Она также хочет поблагодарить Джона Томпсона за острый глаз и неизменную поддержку и Джима Гиллигана, который всегда готов ее выслушать.

Введение

В КОНЦЕ осени 2016 г., в то время как американцы пытались освоиться с фактом избрания Дональда Трампа президентом, Адам, студент-юрист третьего курса, вглядывался в себя. В итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости он размышлял о том, как предал любовь. Олли был его закадычным другом с шести лет, они вместе играли в одной футбольной команде. Адам вспоминает, как за годы дружбы они сблизились до такой степени, что «стали братьями» и поверяли друг другу самые сокровенные тайны. Когда ему было девять лет, он поделился с Олли своей мечтой пройти прослушивание для сольного выступления на школьном концерте. Впервые Адам рассказал кому-то вне семейного круга, что любит петь. Для него, культивировавшего свой образ «крутого пацана», такое признание было «очень большим шагом». «Но Олли не стал меня высмеивать, а вместо этого заставил меня целый день репетировать перед ним свое соло на сцене, которую мы смастерили из картонных коробок».

Но с 10-го класса, пишет Адам, он «начал сознательно отдаляться от Олли». «Мои знакомые девочки из его школы подтвердили то, о чем я и сам уже догадывался, — Олли был геем». В разговорах теперь Адам называл Олли «просто приятелем, с которым мы играем в футбол», как если бы их дружба «была всего лишь неизбежным сопут-

ствующим обстоятельством общих тренировок». Своему дедушке Адам как-то раз сказал, что Олли «был раньше его лучшим другом, но теперь это не так». В последний год старшей школы мальчики «по сути, перестали общаться» и с тех пор «выходили на связь ровно два раза в году» — посылая друг другу поздравительные эсэмэски на день рождения.

Теперь, вспоминая прошлое, Адам поражается тому, что решение, которое он принял в 10-м классе, — перестать называть Олли своим лучшим другом — «оказалось не столько отражающим реальность на тот момент, сколько пророческим. Я добился того, чего хотел. Я отдалился от лучшего друга именно в тот момент, когда мальчикам уже не полагается иметь лучших друзей и в особенности таких, кто нарушает законы любовных отношений». И все же Адам испытывал «сильнейшую печаль». Он не хотел рушить узы дружбы с Олли и тем не менее ничего не мог с этим поделать:

Как будто какой-то голос мне говорил, что нужно отделить разум от чувств. Я не знал, что это за голос, но мне не хотелось рисковать и выяснять, что будет, если я его не послушаю. Я думаю, я просто рассмеялся бы, если бы мне тогда сказали, что я нахожусь под влиянием сил, действующих в «Орестее», трилогии Эсхила 450 г. до н.э. Сам того не зная, я прошел патриархальный обряд посвящения в мужчины. В том-то и проблема с патриархатом. Его огромная власть неосязема, ее воздействие совершается не впрямую, но пронизывает собою все. Виновник неуловим, как призрак...

После того как президентом был избран откровенный сторонник патриархата, то, что совершалось неосознанно, вышло на авансцену сознания. Адама стали преследовать призраки прошлого. Силы, повлиявшие на него, — древние патриархальные представления о том, что такое мужественность, — были неосяземы. Но воздействие они

оказали весьма существенное. Законы Любви — так Арундати Рой называет законы, на которых покоится патриархат, законы, «определяющие, кого следует любить. И как. И насколько сильно»¹ — заставили его пожертвовать своей любовью к Олли. «Я очень его любил. Это была скорее братская любовь, нежели сексуальное влечение, но это была искренняя привязанность, которую мне вовсе не хотелось рушить. И тем не менее я пошел наперекор своему чувству».

Джеки, аспирантка-социолог, размышляет над тем, что заставило ее промолчать. На старшем курсе колледжа ее изнасиловал однокашник, человек, которого она «знала с первого курса», которого считала своим другом. Однажды ночью он «показал свое истинное лицо», применив насилие, невзирая на ее крики и мольбы. Сам факт изнасилования под вопрос не ставился («то, что меня изнасиловали, не отрицалось»). Но, как пишет Джеки в итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости, она ощущала, что ее подталкивают «смириться с этим, не гнать волну, не портить Тому жизнь». Она доучивалась, «опустив глаза, стиснув зубы». «Я не хотела ни с чем разбираться, не хотела чувствовать себя жертвой, не хотела верить, что человек, которого я знала больше трех лет, оказался таким бессердечным». Джеки поняла, что она «оберегала его ценой собственных чувств», позволяя ему жить так, как если бы никакого насилия не было. Почему же, спрашивает она себя, она подчинилась социальным мантрам, требовавшим от нее «не знать того, что [она] знала»? Для Джеки виновник тоже оказался неуловимым призраком: его присутствие несомненно, но бесплотное, он могущественный, но неосязаемый. Этот призрак — патриархат. Его характерные приметы — законы мужественности и женственности,

¹ Рой А. Бог Мелочей / пер. Л. Мотылева. СПб.: Амфора, 2005. — *Примеч. пер.*

которые заставили Адама разорвать узы дружбы с Оли, а Джеки — жить в молчании:

Моя женственность превратила меня в объект насилия, собственность мужчины, и она же требовала от меня молчания: быть «хорошей девочкой», оберегать мужчин от их собственных «ошибок». Когда я год спустя сообщила о насилии в полицию и следователь выдвинул ящик с делами других женщин, которые так и не добились справедливости, которым велели молчать, которым университет заткнул рот (даже когда они сообщили о насилии!), я почувствовала себя частью огромной сети из женщин. Все мы, независимо от расовых и классовых различий, были жертвами представлений о том, что сексуальное насилие случается и надо просто с этим смириться. В кабинете следователя я поклялась себе, что больше молчать не стану.

Джеки поклялась, что отныне не станет подчиняться силам, оправдывающим мужское насилие и женское молчание, однако продолжала ломать голову над тем, почему же она все-таки сначала пошла у них на поводу.

Очевидный ответ состоит в том, что неподчинение чревато последствиями. Патриархальный кодекс мужской чести и женской добродетели прочно закреплен в культуре и обществе. Он воспринимается как нечто естественное, а его нарушение — как нечто противоестественное, непозволительное настоящему мужчине или порядочной женщине. Но случаи Адама и Джеки заставляют нас задаться вопросом: нет ли здесь еще и психологического фактора, побуждающего Адама отделить разум от чувства и тем самым не думать о своих чувствах, а Джеки — не знать того, что она знает? Вопрос стоит так: присуща ли патриархату еще и психологическая функция, которая защищает нас от слишком опасных эмоций, от непереносимого знания? Может быть, отчасти именно поэтому мы продолжаем поддерживать патриархальные порядки?

С избранием Дональда Трампа неистребимость патриархальных установок снова вышла на передний план и требует объяснения. Почему патриархат так живуч?

Но сначала надо разобраться, что такое патриархат. Толстой описывает грубую, властную и таинственную силу, которая превращает все естественное и доброе (любовь и чувство умиленного сострадания) в нечто постыдное и недостойное в глазах света. В одном пассаже из «Анны Карениной» говорится о том, как Каренин, муж Анны, чиновник, вроде бы не способный на человеческие чувства, «в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного сострадания, которое в нем вызывали страдания других людей и которого он прежде стыдился, как вредной слабости». И тем не менее «кроме благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или еще более властная сила, которая руководила его жизнью». Он «знал вперед, что все против него и что его не допустят сделать то, что казалось ему теперь так естественно и хорошо, а заставят сделать то, что дурно, но им кажется должным».

Это поразительно точное определение. Патриархат мы определяем как культуру, основанную на гендерной бинарности и иерархии, систему понятий или оптику, которая:

1. Заставляет нас разделять человеческие свойства на «мужские» и «женские», отдавая при этом мужским предпочтение.
2. Отдает некоторым мужчинам главенство над другими мужчинами и всем мужчинам — над женщинами.
3. Проводит различие между «личностью» и «отношениями» таким образом, что у мужчины есть личность, а у женщины в идеале личности нет; при этом женщины находятся в отношениях, которые подспудно обслуживают потребности мужчин.

Патриархат — практически повсеместная, веками складывавшаяся структура, однако же в самом ее сердце таится некоторая непоследовательность, потому что в действительности у мужчины не может быть личности вне отношений, а женщина не может быть в отношениях, если у нее нет личности. Таким образом, патриархат, по сути, вредит и мужчинам, и женщинам, вынуждая мужчин вести себя так, словно отношения им не нужны, а женщин — так, словно им не нужна личность. Но вам не позволено видеть это или говорить об этом.

Патриархальная культура представлена в виде набора правил, ценностей, кодов и сценариев, которые предписывают мужчинам и женщинам, как им жить и действовать в мире. Нарушение этих правил может повлечь за собой серьезные последствия. Но патриархат укоренен еще глубже — он определяет наши мысли и чувства, то, как мы воспринимаем других людей и судим о них, влияет на наши желания, отношения и мир, в котором мы живем. Между двумя этими аспектами, культурным и психологическим, часто существует напряжение: мы бессознательно усваиваем и реализуем те установки, которым на сознательном уровне всячески противостоим. В работе под названием «Гадкие женщины: Разрушение и путь к взаимному признанию», написанной вскоре после избрания Трампа, психолог Трейси Сайдсингер рассуждает о неуловимом, призрачном присутствии патриархальных норм и ценностей: «Даже если на сознательном уровне мы придерживаемся представлений о равенстве, бессознательные идеи о том, какими должны быть женщины, постоянно присутствуют в виде огромной тени, призрака, значительно затрудняя переход к равноправию мужской и женской субъектностей»². Мы можем верить в женское равноправие и

² *Sidesinger T. The Nasty Woman: Destruction and the Path to Mutual Recognition. Conference paper, "Psychology & the Other". Boston, October 13–15, 2017.*

тем не менее, будучи женщинами, испытывать вину, когда мы ставим свои потребности выше чужих, или неловкость за других женщин, если они так поступают; а мужчины, даже если они феминисты, могут чувствовать гнев и стыд, когда их независимости, статусу или власти что-то угрожает и они оказываются уязвимыми.

Так Адам в действительности — слово, которое он все время повторяет, словно подчеркивая, что это и впрямь реальность, — не поддался своему порыву сохранить подлинно глубокие отношения с Олли, а Джеки на какое-то время уступила давлению, не стала «гнать волну и портить Тому жизнь», отказавшись говорить о том, что признал сам Том: он действительно изнасиловал ее. Воздействовавшие на них силы — извне и изнутри — принудили их пожертвовать отношениями, предав любовь или заглушив собственный голос, поддерживав иерархию, в которой мужское выше женского, натурал выше гея, а мужчина выше женщины.

Для Адама и Джеки выгоды подчинения были очевидны, но цена оказалась слишком высока. Поддерживая близкие отношения с Олли, Адам рисковал прослыть «геем» или «ненастоящим» мужчиной, но пожертвовав этой привязанностью во имя мужественности, он отказался от того, что любил, от чего-то необычайно ценного. Если бы Джеки стояла на своем и во всеуслышание заговорила о насильнике, она бы рисковала прослыть бесчувственной, эгоистичной, жестокой в своем стремлении «испортить ему жизнь»; но молчание, в котором она «утонула», оказалось для нее равносильно «предательству всего, во что [она] верила». Спрашивая себя, почему же патриархат так живуч, мы ставим вопрос о том, почему набор психологически непоследовательных и вредных культурных правил и допущений обладает такой огромной властью над нашей душой. То есть вопрос в конце концов вот в чем: где же сопротивление?

Если сформулировать в двух словах: стремление игнорировать голос не только желания, но и опыта вносит психологический нюанс в политическое понимание того, почему патриархат все еще остается силой, с которой нам приходится бороться. Мы имеем дело не только с вопросами престижа и власти, но и с призрачными силами, которые действуют за пределами нашего сознания, так что мы не отдаем себе в них отчета. Или, как показывает Толстой в своем романе, мы сталкиваемся с тем, что выдает дурное за хорошее, а естественного и хорошего принуждает стыдиться.

Мы признаем наличие сложных социально-политических факторов, ответственных за неистребимость патриархата. Есть люди, которым выгодны институты и экономические порядки патриархата, и они заинтересованы в том, чтобы их поддерживать. Но в основе любой политической или социальной теории лежит психология: набор представлений о том, чего хотят люди и что ими движет.

Эта книга начиналась с вопроса: возможно, патриархат так силен не только потому, что власть имущие не желают расставаться со своими привилегиями, но и потому, что он выполняет определенную психологическую задачу? Требуя пожертвовать любовью ради властных отношений (*hierarchy*) (вспомним Авраама, которому Бог повелел принести в жертву своего сына Исаака), патриархат оберегает нас от уязвимости, связанной с любовью, а тем самым и от утраты. В таком свете силы, действующие вне нашего сознательного контроля, предстают как двигатель политики, которая многим кажется необъяснимой.

Если это так, то подобная психологическая динамика может также стоять и за негативной реакцией на всякое движение в сторону равноправия. Любая попытка разоблачить патриархат угрожает не только социальному престижу и власти, но и психологическим защитам, оберегающим нас от наших глубочайших страхов и постыдных

желаний. С такой точки зрения мы, пожалуй, начинаем понимать, откуда берутся вспышки ярости и агрессии, стоит маске мужской неуязвимости и независимости соскользнуть, обнажив потребность мужчины в любви и заботе; и почему некоторые женщины отворачиваются от женщин, которые открыто говорят о своем желании и своей субъектности (agency).

Чтобы заложить основу для дальнейших рассуждений, начнем с того, что, несмотря на все уверения в обратном, патриархат вовсе не естественное состояние для рода человеческого. По своей природе мы — существа общительные, наделенные от рождения голосом, т.е. способностью сообщать другим о своих переживаниях, а также стремлением вступать во взаимоотношения. Специалисты по истории эволюции все чаще дружно говорят о том, что эта способность к взаимопониманию — к эмпатии, угадыванию мыслей и сотрудничеству — стала залогом нашего успешного эволюционного развития и способствовала нашему выживанию как вида³. С точки зрения эволюции патриархат был угрозой. По словам антрополога-эволюциониста Сары Блэффер Хрди, «патриархальная идеология, вращающаяся вокруг женского целомудрия и продления и приумножения наследования по мужской линии, подорвала многовековой обычай ставить во главу угла благополучие детей»⁴.

Это наблюдение ставит под сомнение традиционные представления, которые объясняют устойчивость патриархата исключительно преимуществами социального по-

³ См., напр.: *De Waal F.* The Age of Empathy. N.Y.: Harmony, 2009; *Lieberman M.D.* Social: Why Our Brains are Wired to Connect. N.Y.: Random House, 2013; *Hrdy S.* Mothers and Others. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2011; *Crisis of Connection: Its Roots, Consequences, and Solutions / N. Way, A. Ali, C. Gilligan, P. Noguera* (eds). N.Y.: NYU Press, 2018.

⁴ *Hrdy S.* Mothers and Others. P. 287.

ложения, богатства и власти. Если в стремлении к доминированию нет ничего естественного и оно вступает в противоречие с нашей естественной склонностью к общению, то почему же мы жертвуем радостями и выгодами человеческого общения ради материального достатка и чувства превосходства, которое дают нам власть и социальный престиж? Проблема только усложняется, когда выясняется, что система власти вовсе не отменяет базовых человеческих склонностей. В действительности наше умение общаться (эмпатия, угадывание мыслей и сотрудничество) способно преодолевать властные иерархии. Рискуя своей жизнью и благополучием семьи, Антонина Жабинская, жена смотрителя зоопарка в оккупированной Варшаве, прятала в зоопарке в центре города более 300 евреев, а ее муж, Ян Жабинский, придумал способ вывезти евреев из гетто под носом у нацистов. Когда у Яна спросили, как им удалось это сделать, он объяснил: «Это был не героический поступок, а простая человеческая обязанность»⁵.

Видеоролик на YouTube, в котором психолог Эдвард Троник показывает двухминутный «эксперимент с неподвижным лицом», служит яркой и убедительной демонстрацией того, какой чуткостью мы обладаем в младенчестве: ребенок мгновенно отлавливает малейшие изменения в отношениях и реагирует на них⁶. В начале фильма нам показывают, как мать общается со своим годовалым

⁵ *Ackerman D.* The Zookeeper's Wife. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2007; *Lori A.* Code Name: Fox // Haaretz. 2008. February 21. <<https://www.haaretz.com/1.4994531>> (дата обращения 02.05.2018). См. также: *Hallie P.* Lest Innocent Blood be Shed: The Story of the Village of Le Chambon and How Goodness Happened There. N.Y.: Harper and Row, 1979; *Lidegaard B.* Countrymen: The Untold Story of How Denmark's Jews Escaped the Nazis, of the Courage of Their Fellow Danes and of the Extraordinary Role of the SS. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2013.

⁶ <<https://youtu.be/apzXGEbZht0>> (дата обращения 11.01.2018).

ребенком: они воркуют и обмениваются жестами, наслаждаясь взаимодействием. Затем, следуя указаниям Троника, мать делает неподвижное лицо и перестает реагировать на ребенка. Ребенок тут же замечает утрату контакта. Девочка пытается вновь вовлечь мать в общение, повторяя звуки и жесты, которые ранее обеспечивали ее внимание. Когда мать игнорирует все ее попытки, сохраняя неподвижное выражение лица, мы видим, как удовольствие буквально пропадает из тела ребенка. Почти невыносимо наблюдать за тем, как наступает хаотичный разлад и как радостные интонации общения превращаются в пронзительные вопли. Мы испытываем физическое облегчение, когда эта двухминутка «неподвижного лица» заканчивается и матери позволено отреагировать на огорчение ребенка. Мы переводим дух, когда матери удается восполнить перебой в общении и ребенок вновь вступает с ней во взаимодействие.

За эти две минуты мы узнаем, что доверие в отношениях зависит от возможности восполнить перебой, воссоединиться после перерыва в общении. Как показали Троник и его коллеги, устойчивость в отношениях обеспечивается не отсутствием разрывов и перебоев и не тем, насколько хорошая у ребенка мать. Дело скорее в способности матери и ребенка вновь обрести друг друга после неизбежных перерывов в общении в ходе повседневной жизни.

Видео с экспериментом Троника очень поучительно, потому что мы можем видеть, как в реакции ребенка на перебой в общении исчезновение удовольствия и изменение интонаций сигнализируют об утрате контакта. Мы узнаем о том, что, фиксируя изменения в языке тела и интонациях, мы можем отследить сдвиги в отношениях, вход в отношения / выход из них. Когда удовольствие девочки гаснет и начинают меняться интонации ее голоса, мы становимся свидетелями того, как она утрачивает надежду

на восстановление контакта, и видим, что она движется в сторону выхода из отношений. И тогда можно видеть, что если способность к восстановлению контакта сама под угрозой, если попытки залатать разрыв, восстановить контакт в отношениях бесплодны или высмеиваются, то утрата связи фактически оказывается неисцелимой.

Наша способность транслировать свои чувства и улавливать чувства других, тем самым исцеляя разрывы связи, представляет собой угрозу для властных отношений (hierarchy). Чувство эмпатии и умиленного сострадания, уважение человеческого достоинства — все это очень затрудняет поддержание или оправдание неравенства. Пока те, кто внизу иерархической лестницы, способны транслировать свои чувства, а те, что наверху, способны к эмпатической реакции, нас неизбежно будет притягивать к полюсу исцеления разрывов, создаваемых всеми формами властных отношений. Таким образом, наши желания и возможности в отношениях — стремление к контакту с другими людьми, умение улавливать чувства другого и транслировать свои собственные — обесцениваются, берутся под контроль, обуздываются или приносятся в жертву, для того чтобы поддерживать порядок, в основе которого лежит деление людей на высших и низших, «прикасаемых» и неприкасаемых в зависимости от расы, гендера, класса, касты, религии, сексуальности и т.д. Отношения необходимо приносить в жертву, чтобы поддерживать иерархические структуры власти и положения; поэтому протест нужно задавить в корне, подорвать способность восстановления контакта, исцеления разрыва.

Патриархат так живуч отчасти потому, что он именно этим и занимается.

Мы были поражены тремя открытиями. Во-первых, коды и сценарии патриархальных мужественности и женственности — т.е. патриархальные представления о том, как должны себя вести настоящий мужчина и порядочная

женщина, — совпадают с тем, что психолог Джон Боулби определяет как патологические реакции на утрату: эмоциональное отчуждение и навязчивая заботливость. Во-вторых, патриархальный обряд становления мужчиной или женщиной подрывает способность восстанавливать контакт в отношениях, заставляя мужчину отделять разум от чувства (не думать о том, что он чувствует), а женщину — хранить молчание (не знать того, что она знает). Очень знакомый сценарий. Это не иллюстрация женского и мужского стиля общения, это образец того, как патриархат производит разрыв в отношениях.

Она: Я чувствую, что что-то не так, мы уже целую неделю совсем с тобой не общаемся.

Он: Не понимаю, о чем ты.

Она: Мы не замечаем друг друга, не обращаем внимания на то, что между нами происходит.

Он: Вечно ты чем-нибудь недовольна.

Она: Нет, я просто пытаюсь сказать...

Он: Слушай, я делаю все, о чем ты просишь, я же не могу делать все.

Молчание

Он: Ты что-то хотела?

Она: Да неважно.

Наше третье открытие состояло вот в чем: сопротивление интернализации, внутреннему усвоению патриархальных гендерных кодов (стереотипов) идет по той же траектории, что и реакция на утрату, — на смену первоначальному протесту, который оказывается неэффективным, приходят отчаяние и затем эмоциональное отчуждение. Разрушая способность к восстановлению контакта и исцелению разрыва, патриархат подталкивает нас на путь отчуждения — выход из отношений должен уберечь нас от неизбежной утраты.

Таким образом, мы видим, что устойчивость патриархата проистекает из его способности создать утрату кон-

такта и затем сделать невозможным восстановление этого контакта, исцеление разрыва. Когда эта возможность восстановления и любви исчезает, сила природы, способная разрушить патриархальные структуры, приносится в жертву, чтобы уберечь нас от боли утраты. Принося в жертву любовь, мы способствуем установлению властной иерархии и поддерживаем ее жизнеспособность.

В этом заключается парадокс: мы отказываемся от отношений ради «отношений», т.е. ради места внутри патриархального порядка. В этом смысле, когда патриархат навязывает нам свои стереотипы, культурные коды и сценарии, предписывающие мужчинам и женщинам, что они должны делать, чтобы быть в безопасности (как Бог предписывает это Аврааму), он одновременно становится и причиной утраты контакта, и защитой от дальнейших утрат, источником травмы и защитой от этой травмы. В данном парадоксе, возможно, не слишком много здравого смысла, зато в нем есть своя психологическая логика. То есть психологическое расстройство, само по себе вредоносное, может заключать в себе психологические преимущества — психоаналитики называют их «выгодами». Этот язык позволяет нам понять, каким образом патриархату удастся сохранить свои позиции: он делает утрату отношений невозможной, а в результате принесение в жертву связи с другим человеком (т.е. само по себе вредоносное событие) становится психологически «выгодным» — мы избегаем того, чего хотим, т.е. любви, чтобы не чувствовать себя уязвимыми, не сталкиваться больше с неизбежной и невыносимой утратой.

Язык выгод помогает понять отношения между психологическими движущими силами патриархата и более очевидными и часто обсуждаемыми силами внешними — социальными и материальными преимуществами, предоставляемыми патриархатом некоторым людям, не желающим потом с ними расставаться. Психоаналитики про-

водят различия между внешними выгодами от симптомов (например, внимание и забота, достающиеся на долю заболевших), так называемыми вторичными выгодами, и внутренними, которые и являются причиной возникновения симптомов, — так называемыми первичными выгодами (например, снижение тревоги). Сопоставляя их, Фрейд писал:

В мирное время заболевание может использоваться человеком в качестве защиты, например для того, чтобы скрыть свои профессиональные недостатки или поражение в конкуренции с другими. В семье заболеванием пользуются как средством принуждения других к жертвам и постоянным доказательствам любви или с целью навязывания им своей воли. Все это прекрасно видно; мы это называем «выгода болезни». <...> Существует также другой, более глубокий мотив для того, чтобы обеими руками держаться за болезнь, с которой и без того не очень просто справиться. Однако понять этот момент без еще одного экскурса в психологическую теорию невозможно⁷.

Как и в случае болезни, причины живучести патриархата практически лежат на поверхности, и самые очевидные из них — власть и положение тех, кто на самом верху лестницы. Теории, объясняющие патриархат, в основном сосредотачиваются на вторичных (внешних) выгодах. Однако, подобно Фрейду, который усматривал более глубокие бессознательные причины патологии, мы начинаем понимать, что «существует также другой, более глубокий мотив для того, чтобы обеими руками держаться за» патриархат, — мотив, понять который «без экскурса в психологическую теорию невозможно».

⁷ Фрейд З. Вопрос о дилетантском анализе. Беседы с посторонним (1926) // Фрейд З. Учебное издание: в 10 т. Дополнительный том: Сочинения по технике лечения / пер. А.М. Боковой. М.: Фирма СТД, 2008. С. 313. — *Примеч. пер.*

Мы рассказываем о путешествии, которое привело нас к нашим наблюдениям и инсайтам, в форме диалога, потому что дуэт наших голосов, их обоюдное звучание — ключ к нашим открытиям. Глубоко личная история Наоми, связанная с утратой, стала отправной точкой для того, чтобы связать исследование по психологии развития, которое предприняла Кэрол, с работами Боулби об утрате и привязанности. Именно эта связь подвела нас к нашей главной мысли, что живучесть патриархата обусловлена во многом тем, что он принуждает к отказу от любви и затем делает эту утрату невозможной. Только благодаря умению Кэрол слышать разные голоса и замечать признаки сопротивления мы смогли во всех деталях разглядеть, как работают механизмы, поддерживающие патриархальный порядок, и различить силы, которые нацелены на то, чтобы этот порядок разрушить. Шок от выборов 2016 г. побудил нас написать эту книгу в надежде, что если мы сумеем понять психологические движущие силы патриархата, в том числе и не осознаваемые нами, то сможем избежать участи Эдипа, слепо идущего навстречу тому, что кажется ему (нам) роком.

ЧАСТЬ I ~

Загадка

КЭРОЛ: Отправной точкой для нас стала книга 2002 г. «Рождение Наслаждения», в которой я подвожу итоги 10-летнего проекта, посвященного развитию девочек¹. Слушая, как девочки рассказывали о своих переживаниях, связанных со взрослением, я задумалась над вопросом: а что, если разграничения, которые считаются желательными или естественными, частью нормального развития (разграничение сознания и тела, мыслей и чувств, личности и отношений), более правильно рассматривать как реакцию на инициацию? Эта мысль пришла мне в голову, когда я поняла, что переживания и опыт девочек — это реакция на некую внешнюю по отношению к ним силу. Девочки говорили о кризисе привязанности (connection), о том, что они чувствовали себя обязанными выбирать либо открытое выражение своих чувств и мыслей, либо отношения, — т.е. описывали утрату отношений. То, что было таким привычным — самовыражение не противоречило отношениям, — вдруг стало чем-то необычным. Видя, как некоторые девочки сопротивлялись этому выбору, который представлялся им нечестной сделкой, внутренне противоречивой, я спрашивала себя: откуда берется этот выбор, чьи интересы он обслуживает?

¹ Gilligan C. The Birth of Pleasure. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2002.

Старшеклассница Айрис очень четко сформулировала эту дилемму: «Если бы я честно говорила о своих мыслях и чувствах, никто бы не стал со мной общаться, мой голос был бы слишком громким». И добавила: «Но ведь отношения-то нужны». Что-то вынуждало ее отказаться от отношений — от опыта связи с другими и с самой собой. Такова была цена приобретения «отношений» — заданного сценария, который обеспечивал видимость связи с другими людьми, но требовал отречения от важнейших аспектов ее личности и тем самым блокировал возможность подлинной связи. Я задала ей вопрос, который казался очевидным: «Но если ты не говоришь о своих мыслях и чувствах, то где же *ты* в этих отношениях?» Ее лицо помрачнело, и я поняла, что она тоже видит этот парадокс². Как ни крути, она потеряет отношения — либо она будет откровенно выражать свои чувства и мысли, и тогда никто не захочет с ней общаться, либо она будет утаивать свои мысли и чувства и тогда перестанет быть собой. Утрата связи кажется неизбежной в любом случае. Отсюда и кризис.

Айрис была лучшей выпускницей в старшей школе, и она поступила в престижный колледж — именно туда, куда и хотела. Ее все хвалили, а она оплакивала сделку, на которую ей пришлось пойти. Однако она считала, что такую цену необходимо платить за «отношения» и за свое место под солнцем.

Так Айрис отказалась от отношений ради «отношений». Очень важно здесь подчеркнуть разницу между отношениями и «отношениями», между подлинным опытом привязанности и подобием, видимостью связи, а также отметить, что это принесение отношений в жертву является адаптивным, культурно санкционированным и социально одобряемым. И тем не менее Айрис признает утрату.

² Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 10.

Изучение развития девочек натолкнуло меня на два вопроса: переживают ли мальчики подобный кризис привязанности и происходит ли этот кризис на более ранней стадии их развития? За последним вопросом стоит более чем сто лет исследований, показывающих, что подростковый возраст у девочек характеризуется резким повышением уровня психического напряжения, в то время как у мальчиков подобные признаки стресса, угрожающего психической устойчивости, проявляются на переходе от раннего детства к среднему, приблизительно между 4 и 7 годами³. Тот факт, что эти гендерные различия, касающиеся возраста, в котором проявляется угроза психической устойчивости ребенка, по-прежнему имеют место и в наши дни, свидетельствует о живучести патриархата, который в качестве образа жизни, основанного на гендерной бинарности и иерархическом порядке, по-разному воздействует на мальчиков и девочек.

В своем исследовании, отличающемся необычайной точностью наблюдений, Джуди Чу описывает чрезвычайно близкие отношения между мальчиками 4–5 лет⁴. Эмоциональная восприимчивость и тонкость проявлялись у них в развитой речи, внимательности, искренности и прямоте в отношениях друг с другом и с исследовательницей. Эта исключительная чуткость в отношениях была видна с самого начала. Однажды Джуди сидела на полу рядом с тремя мальчиками, игравшими в кубики. По-

³ См.: *Gilligan C. The Centrality of Relationship in Human Development: A Puzzle, Some Evidence, and a Theory // Development and Vulnerability in Close Relationships / K. Fisher, G. Noam (eds). New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1996; Nolen-Hoeksema S., Girgus J.S., Seligman M.E. Sex Differences in Depression and Explanatory Style in Children // Journal of Youth and Adolescence. 1991. Vol. 20. No. 2. P. 233–245.*

⁴ *Chu J.Y. When Boys Become Boys: Development, Relationships, and Masculinity. N.Y.: New York University Press, 2014.*

дошедшей воспитательнице она объяснила, что пытается побольше узнать об этих мальчиках. Тогда Джейк (один из этих троих) спросил у нее: «Что именно ты хочешь узнать?» Когда Джуди сказала, что хочет узнать, что значит быть мальчиком, Джейк повернулся к Майку, чтобы посоветоваться с ним. Майк заметил: «Ты думаешь, мы можем ей доверять?» «Джейк поглядел на меня, — пишет Джуди, — потом, обернувшись к Майку, с улыбкой медленно покачал головой, словно говоря: нет». С чего бы им доверять ей? Они ее едва знают. В другой раз, когда ее присутствие вновь привлекло внимание мальчиков (она впервые принесла с собой диктофон), один из них спросил у нее: «Зачем тебе эта штука?» Джуди объяснила зачем, и тогда, почувствовав беспокойство своего друга, Дэн решил исправить ситуацию. «Подойдя ко мне, он аккуратно укрыл меня белой кружевной шалью (которую раздобыл тут же, в помещении) и сообщил мне: “Тебя понарошку тут нет”»⁵.

Чу наблюдала за этой группой мальчиков, когда они сначала были в детском саду, потом в подготовительной группе, а затем в первом классе. Она стала свидетелем того, как они постепенно становились все более невнимательными, менее разговорчивыми, менее искренними и открытыми в общении друг с другом и с ней. Они становились «мальчиками», т.е. такими, какими положено быть мальчишкам. В книге «Когда мальчики становятся мальчишками» она ведет летопись инициации, описывая, как мальчики усваивают культурные коды мужественности, требующей от них подавлять эмпатию и скрывать свою уязвимость, чтобы самоутвердиться и избежать отвержения. Без всяких формальных инструкций или особого обряда, словно повинувшись некоему призрачному присутствию, мальчики, которых она исследовала, воспроизводили в

⁵ Chu J.Y. When Boys Become Boys... P. 26–27.

своей игре гендерную бинарность и иерархические структуры патриархального строя, где мужественность определяется в противоположность всему женскому, где быть мальчиком означает не быть девочкой или как девочка, где быть мальчиком означает обладать превосходством, властью и привилегиями.

В исследовании Чу отражено, как в качестве платы за то, чтобы стать мальчиками, некоторые мальчики подменяют подлинное присутствие в отношениях (чуткость, искренность, умение говорить и общаться в открытую) притворством, самоутверждением и позерством. Она отмечает такой парадокс: стремясь стать мальчиками и скрывая с этой целью свою потребность в отношениях, чувствительность и ранимость, эти мальчики жертвуют отношениями ради «отношений»⁶. По сути, они сталкиваются с той же дилеммой, что и Айрис: если они будут говорить о своих истинных чувствах и мыслях и таким образом обнаружат свою эмоциональную уязвимость, то другие мальчики не захотят с ними общаться, потому что настоящие мальчики так не поступают. Однако, скрывая эти стороны своей личности ради того, чтобы их воспринимали как мальчиков, а не как «девчонок» или геев, они добиваются лишь того, что близость с другими мальчиками, которой они ищут, становится невозможной. В любом случае утрата неизбежна. Но Чу также заостряет внимание на сопротивлении мальчиков, показывая, как хитроумно четырех-пятилетки могут обходиться с культурными кодами мужественности, и напоминая нам, что мальчики обычно «знают больше, чем показывают»⁷.

В книге «Сокровенные тайны: дружба и кризис привязанности у мальчиков» Найоби Уэй опирается на свое исследование мальчиков-подростков, затеянное ею с це-

⁶ Ibid. P. 206.

⁷ Ibid. P. 203–207.

люю показать «тайный ландшафт дружбы между мальчиками»⁸. Она разоблачает миф, согласно которому только девочки могут желать эмоциональной близости и быть способными на привязанность. Как убедительно показывают приведенные ею высказывания мальчиков, желание близкой дружбы и чувствительность, отмеченные Чу у мальчиков 4–5 лет, ярко представлены и у мальчиков-подростков, в сочетании с усилением чувства собственного «я» и способностью осмыслять свои переживания и впечатления. В самых разнообразных культурных контекстах мальчики в первых классах старшей школы весьма красноречиво описывают отношения со своими ближайшими друзьями, которым они доверяют свои сокровенные тайны. Как говорит Джастин, 15-летний ученик городской средней школы: «[Мы с моим лучшим другом] любим друг друга... то есть... ну, это глубокая такая штука, глубоко внутри тебя... иногда двое людей по-настоящему понимают друг друга, испытывают доверие, уважение и любовь друг к другу. Это просто есть, и все, так уж человек устроен»⁹.

Любовь мальчиков к своим лучшим друзьям воспринимается ими как нечто хорошее и естественное. И тем не менее к концу старшей школы у большинства мальчиков из исследования Уэй уже больше не было лучшего друга. Они говорили о предательстве, о невозможности доверять другим свои тайны, и они отвергали потребность в эмоциональной близости. Как объясняет Фернандо, он учится «быть мужчиной»¹⁰ в мире, где быть мужчиной означает быть независимым, полагаться только на себя и не показывать своих чувств.

⁸ *Way N. Deep Secrets: Boys' Friendships and the Crisis of Connection.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

⁹ *Ibid.* P. 1.

¹⁰ *Ibid.* P. 242.

Таким образом, в течение всего периода инициации, которая начинается у мальчиков примерно в то время, когда они поступают в школу, затем вступает в свои права у девочек, когда они достигают подросткового возраста и становятся юными женщинами, и далее еще раз проигрывается у мальчиков-подростков, когда они учатся быть мужчинами, женственность начинает ассоциироваться с псевдоотношениями (и заглушением голоса своего «я»), а мужественность — с псевдонезависимостью (и отгораживанием от чувств и потребности в отношениях) — две стороны одной медали, когда личность исключается из отношений, для того чтобы парадоксальным образом облегчить «отношения». Вот что мы подразумеваем под утратой отношений: не столько физическую сепарацию, сколько утрату близости и привязанности. Как и в случае с ребенком в том ролике на YouTube, об утрате отношений сигнализируют утрата удовольствия и перемена в интонациях. Это можно увидеть, почувствовать, услышать, наблюдая за детьми в клинической ситуации и в повседневной жизни.

Этим паттернам поведения уже очень много лет: они настолько древние, что им даже посвящен миф. Как и миф об Эдипе, эта история сохранилась сквозь века, во множестве культур, но ведет она не к трагедии, а наоборот, прочь от наезженной колеи, путем сопротивления. Вместо эдипального треугольника — отец, мать и сын — у нас дочь, ее возлюбленный и его мать: Психея, Эрот и Венера¹¹. Вместе с пересборкой главных действующих лиц драмы мы получаем и альтернативный путь, изначально обусловленный отказом Психеи от того, чтобы с ней обращались как с объектом. Отсюда ее сопротивление псевдоотношениям, что в конце концов приводит к отказу

¹¹ *Апулей.* *Метаморфозы, или Золотой осел* / пер. М. Кузмина. М.: Худлит, 1969. — Примеч. пер.

Эрота от утраты отношений и к его сопротивлению псевдоднезависимости.

Эти древние мифы показывают, что на самом деле нам знакомы оба пути — как в сторону патриархата, так и прочь от него. Когда пересказывают историю Эдипа или превращают ее в залог нормального развития, как это делают психоаналитики, часто забывают, что сей миф укоренен в травме. Царь Лай подверг сексуальному насилию мальчика. Оракул Аполлона предрек ему, что возмездие настигнет его от рук его собственного сына. Рождение Эдипа, сына Лая, запускает ход событий, приводящих в итоге к трагедии: отец хочет пожертвовать сыном ради самосохранения, а мать становится соучастницей в преступлении, калеча и бросая сына на произвол судьбы. Эдип слепо идет навстречу своей судьбе, убивая отца и вступая в брак с матерью; затем в городе случается эпидемия чумы, и Эдип — на этот раз в буквальном смысле ослепленный — призывает своих дочерей, чтобы они были его спутницами в его слепом блуждании. Иокаста, мать Эдипа, «эдипальная мать», хранит молчание до самого конца. Хор комментирует: «Как могла так долго / Отцом засеянная нива / Тебя в безмолвии терпеть?»¹² Когда истина начинает постепенно выходить на свет, Иокаста молит: «Молю богами, не спрашивай» — и затем вешается¹³.

История Эдипа — это история травмы и утраты, насилия и агрессии, слепоты и безмолвия. Это мифологическое изложение трагедии, внутренне присущей патриархату. Если брать данную историю за образец человеческого состояния, как это сделал, например, Фрейд, при этом упуская из виду, что коренится она в травме, то возникает опасный соблазн рассматривать убийство и инцест как естественные импульсы, а не как следствие жестокого об-

¹² *Софокл. Эдип-царь // Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С.В. Ширвинского. М.: Худлит, 1958. С. 55. — Примеч. пер.*

¹³ Там же. С. 47.

ращения и отказа от ребенка. Возникает опасный соблазн рассматривать мужскую культуру насилия и женскую культуру молчания как нечто естественное.

Психея, юная девушка-подросток, не желает играть роль в эдипальной драме. Она не хочет становиться «новой Венерой», слепком с идеализированной матери Эрота. Она не подчиняется воле Эрота, воспрещающего ей видеть его или говорить об их любви, — нарушает условие, которое окутывает их отношения, их близость и уязвимость тьмой и молчанием. Потому что при свете дня Эрот — это Купидон, проказник, мечущий свои стрелы, а ночью, когда он встречается с Психеей, — это чуткий и нежный возлюбленный. И когда она преступает запрет и решает увидеть его своими собственными глазами, когда Психея берет лампу и обнаруживает, что сестры ее обманывали и она на самом деле не живет с чудовищем, она видит то, что до той поры было погружено во мрак и тишину: Эрота, ее возлюбленного, того, кто поставил условием их любви слепоту и немоту, — ранимого и уязвимого юношу.

Вы уже видите, к чему я веду. Если молодая женщина сопротивляется запрету видеть и говорить о своих переживаниях, о любви, о себе, о мужчинах и если молодой человек перестает скрывать свою любовь — как это делает в конце концов Эрот, то история, обреченная стать трагедией, превращается в путь сопротивления и борьбы, который может привести, как в мифе о Психее и Эроте, к браку равных и рождению дочери по имени Наслаждение. А это уже начало новой истории.

Теперь, когда мы видим, что в патриархате нет не только ничего естественного, но и ничего неизбежного или неотвратимого, это лишь заостряет наш исходный вопрос: почему же патриархат так живуч? Если любовь указывает путь, который может нас вывести из царства патриархата, почему мы отворачиваемся от любви?

Первая подсказка: связь с утратой

НАОМИ: Осенью 2014 г. я поступила в юридическую магистратуру Нью-Йоркского университета. Я записалась на семинар «Соппротивление несправедливости», привлеченная его названием. Семинар вели Кэрол и профессор Дэвид Ричардс. Мы начали читать по программе семинара «Рождение Наслаждения», и меня сразу же поразили голоса, которые Кэрол запечатлела в этой книге: голоса девочек-подростков, вынужденных выбирать между собственным голосом и возможностью иметь отношения, и голоса отцов, пытающихся совладать с задачей быть хорошими отцами эмоционально развитым сыновьям. Сыновьям, которые росли в обществе, где, по словам одного из отцов, «мужчина очень рискует, если выглядит слишком ранимым»¹. Особенно выделялся для меня из этого хора голос Айрис, старшеклассницы, которая сказала: «Если бы я честно говорила о своих мыслях и чувствах, никто бы не стал со мной общаться, мой голос был бы слишком громким». Я словно услышала собственные слова, я сама так не раз говорила на сеансах личной психотерапии.

Читая работу Кэрол, я поймала себя на том, что все время вспоминаю своего отца. В рождественский день 25 декабря 1990 г., за пять дней до моего пятого дня рождения,

¹ Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 65.

мой отец умер. В этот день я не только получила подарки (новый кукольный домик и розовую пижамку), но и впервые узнала горечь утраты. Больше двадцати лет я ни разу не упоминала об этом дне, но внимательный наблюдатель заметил бы, что чувство утраты сквозило в каждом моем неверном движении, в каждом взрыве гнева и приступе самоуничтожения, в каждом поступке, свидетельствующем о самоотрицании, самонаказании и ненависти к себе, на протяжении всех этих лет. Это была постыдная тайна, проглядывавшая сквозь все мои отчаянные попытки замаскироваться, превратиться в кого-то другого.

Смерть попирает логику и справедливость. Она выхватывает свои жертвы без разбору, без оглядки на человеческую ценность, богатство, возраст, пол, убеждения, социальную принадлежность. Смерть бросает вызов нашей уверенности в том, что мы обладаем каким-то контролем над любовью, жизнью, утратой. Мне было пять лет, и я отказалась усвоить урок о человеческой хрупкости. Мой отец умер не случайно, есть какая-то причина, кто-то в этом виноват (я?), его можно вернуть назад. Я заглушила в себе потребность говорить об отце, потому что изо всех сил цеплялась за веру в то, что, пока я храню молчание, есть шанс вернуть его назад. Мой голос таил в себе опасность превратить смерть отца в реальность, а мое молчание обладало силой отменить его смерть. Со временем детские фантазии поблекли и появилось осознание того, что отец ушел навсегда, — вместе с решимостью любой ценой избегать потерь в дальнейшем. Моими подручными средствами стали вытеснение, контроль, компромисс, постоянное отслеживание реакций других людей, приспособление; я старалась ни к чему и ни к кому не привязываться слишком сильно, скрывать свои чувства и всегда всем угождать. Я отделила свои истинные мысли, чувства и желания от отношений — пожертвовав привязанностью, подлинной связью с другими, я оградила себя от утраты.

Когда умирает один из родителей, тревога за другого становится всепоглощающей, от ужаса постоянно перехватывает дыхание. Я помню бессонные ночи в гостях у друзей, когда я не могла уснуть от страха, что за время моего отсутствия что-то может случиться с моими родными. Я помню, как походы за покупками превращались в кошмар наяву, когда я, привлеченная яркой оберткой любимого лакомства, на секундочку отворачивалась от мамы, а потом обнаруживала, что она внезапно пропала, затерявшись в колоссальном лабиринте супермаркета. В такие мгновения лихорадочных поисков я ругала себя за то, что утратила бдительность и позволила маме исчезнуть. Я ведь понимала что к чему. Я знала, что любимого человека можно потерять буквально за секунду, не успев даже попрощаться с ним. Я знала, что превратности отношений, опыт потери и восстановления контакта несли в себе угрозу утратить этот контакт навеки. Я хорошо понимала, как опасно упустить контроль, отвернуться, зазеваться, и знала, что единственный способ обеспечить безопасность — пожертвовать свободой близости. Ведь чтобы ничего не терять, нужно ничего не иметь.

Отчаянное желание избежать утраты любой ценой проявляется в страхе, охватывающем меня даже сейчас, когда появляются «опасные» мысли или чувства, которые могут задеть чувства других людей, спровоцировать конфликт, превратить меня в человека, с которым никто не захочет иметь дела. Паника утраты растет, гонит опасные мысли прочь — я словно кукла чревоушателя, я произношу не то, что хочу сказать, а то, что, как мне кажется, хотят от меня услышать другие люди. Печаль, сопутствующая этому компромиссу, напоминает мне, что в этом способе — избегать конфликта, затыкая себе рот, — есть определенная трагическая ирония: устраняясь из отношений, чтобы эти самые отношения не потерять, ты утрачиваешь как раз то, что так боишься потерять. Я остаюсь ни с чем,

у разбитого корыта. Когда я думаю о таких мгновениях, перед моим мысленным взором возникает образ: я держу на ладони красивую бабочку. Я наблюдаю за тем, как трепещут ее нежные разноцветные крылышки. Но внезапно всепоглощающая радость сменяется острым приступом страха. Бабочка может в любую секунду вспорхнуть и улететь! Мне невыносимо хочется сжать кулак. Чтобы не дать ей улететь, чтобы не потерять ее, я готова ее уничтожить.

С детства я усвоила: чтобы человек меня не покинул, нужно стать его тенью — следовать за ним по пятам, отзеркаливать его мысли и чувства. Но мне удавалось быть таким хорошим зеркалом и поддерживать «идеально» синхронизированные отношения только потому, что часть меня всегда отсутствовала. Часть меня всегда оставалась внешним наблюдателем и координатором моих действий. И эта часть должна была навеки остаться незатронутой радостью близости и болью утраты. Я отгородилась от отношений стеной: я устранялась из любых отношений прежде, чем у них появлялся шанс перерасти во что-то такое, что может разрушиться. Оказалось, что стены, не дававшие людям уйти, не позволяли им также и войти.

Я рано в совершенстве освоила язык боли и утраты. Я знаю все оттенки и нюансы утраты, знаю, какие раны она наносит и какие шрамы оставляет, я легко различаю шаги тех, кто бежит от нее прочь. Я улавливала ее отзвук в том, что говорили юные девочки-подростки, когда они описывали свой подлинный, искренний голос, голос субъектности и желания, как «глупый» или «слишком громкий». В их уничижительном отношении к себе я могла расслышать тот же голос, что звучал у меня в голове, — голос опекающий и подавляющий, голос, который велит мне молчать и затаиться, чтобы уберечься от дальнейших потерь. Это голос разума, напоминающий мне, что гораздо безопаснее — когда тебя не видят и не слышат, безопаснее говорить то, что люди хотят услышать,

а не то, что ты на самом деле думаешь. В решении Айрис заглушить свой голос — чтобы быть кем-то другим, чтобы люди хотели с ней общаться — я видела повторение моей собственной реакции на смерть отца, мое собственное решение избежать дальнейших утрат, устранив из отношений свои подлинные чувства, потребности и желания. А в голосах отцов, побуждавших сыновей скрывать свою эмоциональную уязвимость, я слышала отзвуки моей собственной убежденности в том, что эмоциональная отстраненность — самая мощная защита от утраты: чтобы тебя не бросили, нужно, чтобы тебе «не было дела», нужно не испытывать привязанности.

Голоса, которые Кэрол запечатлела в своем «Рождении Наслаждения», — это отражение культурно предписанного движения в сторону женственности, сопряженной с отчуждением от своего «я», и мужественности, сопряженной с отчуждением от своих чувств. Я же двигалась прочь от утраты, но вектор был тот же самый: прочь от подлинной связи с другими людьми в сторону иллюзии отношений. Легко понять, почему я после смерти отца согласилась на столь болезненный компромисс. Но почему же обычное развитие подразумевает, что юные девочки и мальчики должны пожертвовать отношениями? Почему путь развития вплоть до мелочей совпадает с историей травмирующей утраты?

Проследив соответствия между моей личной реакцией на травму и реакцией некоторых мальчиков и девочек на требования инициации, я задумалась над вопросом: не являются ли силы, заставляющие меня отречься от желания подлинной близости, не только психологическими, но также и культурно-политическими? Мой терапевт побуждал меня осознать, что мое стремление затыкать себе самой рот коренится в страхе оставленности — в связанном со смертью отца травматическом опыте, который на самом деле остался в далеком прошлом, — и таким обра-

зом найти путь в отношения. Терапевт был прав — мое уклонение от любви в попытке избежать утраты можно объяснить смертью отца, как понятную и распространенную реакцию на утрату и травму. Но он упустил из виду, что такая траектория была, кроме того, культурно обусловленной и социально поощряемой. Я «отключала» себя от отношений, жертвуя подлинной связью во имя безопасности ложных «отношений»: такая стратегия, нанося мне психологический ущерб, была тем не менее социально адаптивной, поскольку соответствовала нормам патриархальной женственности.

Как и большинство девочек в исследовании Кэрол, я вполне неплохо справлялась. У меня была степень по юриспруденции, бойфренд, я делала карьеру правозащитника. Мое умение завязаться узлом было социально одобряемым. Барьеры, не пропускавшие мои истинные мысли, чувства, потребности и желания в отношения, были не просто психологическими, основанными на травматическом опыте утраты, — они были социальными и основанными на культурных установках, которые требовали пожертвовать своим «я» во имя так называемых «отношений». Мне внезапно стало ясно, что для того, чтобы понять, откуда взялось мое решение отделить свое «я» от отношений — и откуда берется аналогичное решение у бесчисленного множества мальчиков и девочек, — нам потребуется культурно-психологическое объяснение. Нам потребуется понять связь между психологией утраты и политикой патриархата.

Может ли так быть, размышляла я, что моя психологическая реакция на смерть — отказ от любви ради того, чтобы избежать повторной утраты, — высвечивает психологическую динамику, заложенную в культуре, которая вынуждает нас жертвовать подлинной связью ради иерархии? И таким образом сквозь призму личной утраты (потери отца, патриарха) мне удалось разглядеть психологию

ПОЧЕМУ ПАТРИАРХАТ ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЕТ?

ческие функции патриархата. В тени любви и близости таится угроза утраты, и поэтому, если мы боимся любви, потому что утрата ее неизбежна и невыносима, патриархат может восприниматься как убежище, а путь прочь от любви — как путь по направлению к безопасности.

Сопротивление

КЭРОЛ: Я помню, как стою в спортзале вместе с 11-летними девочками — шестиклассницами, участвующими в недельном проекте, посвященном укреплению здорового сопротивления и отваги у девочек¹. Дело было в июне, школа почти опустела, и когда Тэд, их любимый тренер, наконец-то зашел в зал, Сара, конькобежка-призер, стала кричать на него, разгневанная тем, что он всю неделю занимался с мальчиками, а не с нею. Свобода голоса, исходящего из самой сердцевины ее существа, пробудила меня, как звонок будильника. Я помню острые ощущения, волной прокатившиеся по моему телу, и последовавшее за ними прустовское откровение: я узнала этот голос. Это был мой собственный голос.

Я знала этот голос, но я забыла его. Он был знакомым и в то же время неожиданным. Как вкус кусочка печенья, размоченного в чае, звук этого голоса отомкнул сокровищницу воспоминаний. В театральном, литературном и экскурсионном клубах, которые вели мы с коллегами, окруженная девочками 9, 10 и 11 лет, я вновь и вновь переживала ощущение голоса, поднимающегося из глубин моего существа, — свободного от неуверенности и сковывающей рефлексии, озвучивающего мои подлинные мысли

¹ Strengthening Healthy Resistance and Courage in Girls — исследовательский проект, который К. Гиллиган вела в 1989–1992 гг. — *Примеч. пер.*

и чувства. Это было ощущение свободы и в то же время поразительное напоминание о том, что значит присутствовать полностью здесь и сейчас, в этом мгновении, в этих отношениях — с самой собой и с другими. От этого дух захватывало — словно летишь на коньках.

Мы не просто так жертвуем отношениями. Авраам готовится принести в жертву Исаака, чтобы показать, что Бог для него превыше всего. Агамемнон приносит в жертву свою дочь Ифигению, чтобы задул попутный ветер, который понесет греческие корабли в Трою. Любовью жертвуют во имя чего-то: во имя чести или преданности Богу.

Принесение любви в жертву — родовая черта патриархата. Благодаря ей устанавливается и поддерживается иерархический порядок. Патриархат — это порядок, который отдает преимущество одним мужчинам перед другими (натуралам перед геями, богатым перед бедными, белым перед черными, отцам перед сыновьями, этой религии перед той, этой касте перед другими) и всем мужчинам перед женщинами. Политика патриархата — это политика доминирования, рационализирующая неравенство и смотрящая сквозь пальцы на то, что с демократической точки зрения выглядит как угнетение (быть в самом низу, не иметь своего голоса, быть во власти тех, кто наверху). Но кроме политических факторов, объясняющих устойчивость патриархальных институтов и ценностей, существуют также психологические факторы, которые прочно скрепляют патриархальные структуры.

Дело не только в том, что девочки, уступая давлению, заглушают свой подлинный голос (голос истинных чувств и мыслей), а мальчики, под тем же давлением, скрывают свою эмоциональную уязвимость (нежность, сочувствие, ранимость). И не только в том, что девочек привлекает обещание награды, если они станут теми, кем их хотят видеть окружающие (не слишком шумными, не слишком сердитыми, да и, по правде сказать, не слишком искренни-

ми и восприимчивыми), или что мальчики не в силах сопротивляться соблазну привилегий в обмен на отречение от всего женского или материнского (собственные чувства, внимание к чувствам других людей). Дело еще и в том, что, как подчеркивает Наоми, мы жертвуем любовью ради того, чтобы обрести защиту от утраты.

Шестнадцатилетняя Шейла описывает эту защитную стратегию как «классную». Начав с того, что она не слишком высокого о себе мнения, чтобы отстаивать свои интересы, она затем употребила слово «вообще-то» — выражение, которое, как я заметила, всякий раз у девочек сигнализировало о переключении с разговора о мыслях и чувствах на разговор об их настоящих мыслях и чувствах. Так, Шейла, объясняя, как она «вообще-то» заботится о своих интересах, говорит, что ее стратегия состоит в том, чтобы никогда не говорить о своих чувствах и мыслях. В этом случае, подчеркивает она, уже неважно, что люди о ней думают, потому что они не знают, какая она на самом деле. «Классно, да?» — спрашивает она, и я соглашаюсь с ней. «Но, — говорю я, — это все происходит ценой того, чего ты, по твоим словам, по-настоящему хочешь». (Шейла говорила, что она хочет честности в отношениях².)

Можно понять, почему человек отворачивается от любви, пережив смерть близкого человека. Но почему же в ходе так называемого нормального развития, когда никакой необратимой утраты или травмы как будто не наблюдается, девочки, такие как Айрис и Шейла, мальчики, которых исследовала Джуди Чу, или подростки, которых изучала Найоби Уэй, добровольно отказываются от радостей отношений и чуткого, глубокого общения? Задним числом исследование развития проливает свет на вопрос о том, почему общение в игре, которое нам так важно в

² Gilligan C. *Joining the Resistance*. Cambridge: Polity Press, 2011. P. 63.

раннем детстве и которое прокладывает нам путь к удовольствию, блокируется, разрушается.

Психоаналитик Адам Филипс пишет: «Где-то глубоко в душе у нас любовь ассоциируется с предательством, а предательство — с взрослением. И мы прикладываем массу усилий, чтобы не знать об этом, хотя на самом деле знать об этом нужно»³. Миф об Эдипе очерчивает контуры этого предательства любви и его последствий. Тем самым он описывает, как происходит посвящение души в патриархальный порядок, как происходит интернализация табу — у мужчин на нежность, а у женщин на собственный голос. Инициация — это распутье, поворотный момент в развитии, когда предательство любви оказывается не просто адаптивным (ценой за право вписаться в социальный порядок, т.е. обрести отношения), но и совершенно неотвратимым, и об этом нужно знать.

Ничего удивительного — хотя воспринимается это как нечто неожиданное, — что инициация, требующая предательства любви, встречает здоровое сопротивление. Нам обычно рассказывают, что патриархат такой живучий, потому что он дает нам желанные награды: власть и привилегии для избранных мужчин, а для женщин — «честь, богатство, брак желанный»⁴ — дары, которые богини жалуют в «Буре» дочери Просперо Миранде. Таково патриархальное объяснение патриархата: он дает нам то, чего мы желаем. Конечно же, мы отказываемся от отношений ради статуса и власти, материального благополучия и почета. Другими словами, это такое объяснение патриархата, которое преподносит патриархальную иерархию ценностей (власть над людьми, «я» превыше отношений) как нечто самоочевидное и неизбежное.

³ Phillips A. Judas' Gift // London Review of Books. 2012. January 5. P. 14.

⁴ Шекспир У. Буря / пер. М. Кузмина. — Примеч. пер.

Но голос Сары тем утром в школьном спортзале напомнил мне о цене, которую приходится платить. В то мгновение я вновь ощутила удивительную свободу, удовольствие быть собой в отношениях. Да не на какие сокровища мира я не променяю это ощущение!

Здоровое сопротивление отречению от отношений — это сопротивление утрате. Но это также сопротивление отречению от того, что мы по-настоящему любим, — от удовольствия пребывания в отношениях. Адам Филипс напоминает нам, что предательство любви у нас ассоциируется с взрослением — со способностью отделиться, встать на ноги, как двухлетний ребенок, который с гордостью заявляет: «Это я сделал!»

Но для 13-летней Джуди сопротивление утрате контакта — это еще и сопротивление забвению «своего разума»⁵. Джуди, участница одного из исследований развития девочек в рамках гарвардского проекта⁶, сопротивляется утрате разума. Разум (*mind*), объясняет она, указывая на свой живот, «связан с сердцем, душой, внутренними, настоящими чувствами»⁷. Она сопротивляется отделению разума от мозга, который связывает с интеллектом, сообразительностью и образованием. Интуитивно она нащупала то, что обнаружил в своих исследованиях сознания нейробиолог Антонио Дамасио: наши впечатления «записываются» в теле и на эмоциональном уровне (когда мы улавливаем музыкальный мотив или ощущение того, что происходит в данную минуту) и затем проигрываются у

⁵ Gilligan C. *Joining the Resistance*. P. 66.

⁶ Гарвардский проект по изучению женской психологии и развития девочек (the Harvard Project on Women's Psychology and Girls' Development) — проект, который К. Гиллиган основала и вела в 1980-х годах. — *Примеч. пер.*

⁷ Brown L.M., Gilligan C. *Meeting at the Crossroads: Women's Psychology and Girls' Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. P. 137.

нас в сознании и в мыслях⁸. Когда мы отделяем разум от тела или, как сказала бы Джуди, наш телесный разум от нашего интеллектуального мозга, нам грозит опасность «забыть свой разум» — т.е. забыть все, что мы знаем сердцем и душой, наши внутренние, истинные чувства. И делаем мы это во имя интеллекта, сообразительности и образования. В культуре, которая поощряет отделение рациональности от эмоций, в образовательной системе, которая способствует отделению мыслей от чувств, такой шаг расценивается как взросление. Но для Джуди это сродни изнасилованию: «Мне кажется, ты со временем как бы забываешь о своем разуме, потому что тебе все запихивают в мозг»⁹.

Забывая о своем разуме, мы теряем связь с самими собой, а стало быть, утрачиваем способность быть в отношениях. Для Джорджа, старшеклассника, принимавшего участие в исследованиях Найоби Уэй, сопротивление отречению от любви — это сопротивление не взрослению, а безумию: «иначе чокнешься»¹⁰. Без лучшего друга, говорит Джордж, без того, кому можно доверить свои тайны, ты попросту рехнешься. Исследования это подтверждают.

Голос здорового сопротивления — это «другой голос». Ключевое открытие исследования развития состоит в том, что «другой» голос — это голос, исходящий из самой сердцевины человека, уникальный голос отношений. Голос, который объединяет мысли и чувства, разум и тело, «я» и отношения. Этот голос можно расслышать в детской эмоциональной честности и восприимчивости; этот голос таится глубоко внутри нас. Он начинает зву-

⁸ Damasio A.R. *Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain*. N.Y.: Putnam Publishing Group, 1994; Damasio A.R. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. San Diego: Harcourt, 1999.

⁹ Brown L.M., Gilligan C. *Meeting at the Crossroads...* P. 138.

¹⁰ Way N. *Deep Secrets...* P. 2.

чать по-другому только после инициации, которая меняет его тембр, ритм, его полнзвучность, его способность быть услышанным и подхваченным другими. В результате эмоционально насыщенный, восприимчивый, отзывчивый голос начинает восприниматься как «женский» и отныне ассоциируется с отношениями, заботой о других и с женщинами в обществе и культуре, где основная забота о других (детях, стариках, больных) лежит на женщинах. В отличие от такого голоса — и в согласии с гендерной бинарностью и иерархией — голос самоутверждения воспринимается как независимый, «маскулинный», ассоциирующийся с привилегиями и с мужчинами в обществе и культуре, где власть принадлежит главным образом мужчинам. В патриархальном обществе, где человеческий голос оказывается другим голосом, все устроено так, словно отношения и «я» находятся на разных полюсах, и поэтому вскоре мы забываем очевидную на самом деле истину: «я» и отношения взаимозависимы.

Как только гендерная бинарность начинает управлять тем, что мы видим и о чем говорим, становится практически невозможно расслышать голос (или довериться ему), который не является ни эгоистическим, ни альтруистическим, ни себялюбивым, ни бескорыстным. Гендерная бинарность настолько мощно формирует воспринимаемую нами реальность, что в буквальном смысле слова не дает нам увидеть то, что у нас под носом. Как будто мы надели искажающие действительность очки. Мы утрачиваем способность распознать то, что совершенно очевидно для 13-летней Джуди и 16-летнего Джорджа.

Путь развития становится путем сопротивления. Начинается он со здорового сопротивления утрате контакта — мы можем его видеть в протесте и попытках восстановить контакт со стороны маленькой девочки в видеоролике на YouTube. Мальчики находят способы не отказываться от эмоциональной восприимчивости и по-

требности в близости, а девочки находят способы не отказываться от искренности, прямоты и самоутверждения. Но когда это здоровое сопротивление в ответ на угрозу утраты отношений приводит детей к тому, что им приходится вступить в конфликт с гендерной иерархией и бинарностью, которая насильственно отделяет мысли от чувств, разум от тела, а «я» от отношений, здоровое сопротивление перерастает в сопротивление политическое: протест против культуры патриархата.

Здоровое сопротивление детей интернализации гендерно обусловленных расщеплений и иерархий, которая приводит их к забвению того, что знало их сердце, к одиночеству, растерянности и страху безумия, может уйти в подполье и стать стратегией. Нити, замечательная ученица, лидер в своей школе, объясняет, как ей удалось сохранить голос внутренней целостности: «Голос, который выступает за все то, во что я верю, запрятан глубоко внутри меня»¹¹. Спрятан, но не забыт. Однако когда давление, связанное с необходимостью приспособливаться, делается невыносимым, когда желание обрести «отношения» — стать таким мальчиком или такой девочкой, какими хотят вас видеть другие люди, — становится слишком важным, политическое сопротивление может превратиться в то, что клиницисты называют психологическим сопротивлением. То есть политическое сопротивление может превратиться в вытеснение, диссоциацию и отрицание всего того, что стало слишком болезненным и постыдным и поэтому не может быть больше допущено в сознание. Когда политическое сопротивление переходит в психологическое, стремление изменить мир утрачивается и все усилия направляются на то, чтобы как-то встроиться в существующий порядок вещей.

¹¹ *Brown L.M., Gilligan C. Meeting at the Crossroads... P. 40.*

Кэрри, участница проведенного в 2005 г. исследования Лизы Мачоян о депрессии у девочек-подростков, излагает хронику этого постепенного продвижения от стратегического сопротивления — с помощью которого девочка внешне подчиняется культурным условностям, всегда знает, когда заговорить, что сказать, когда промолчать, но при этом не утрачивает представления о своих истинных мыслях и чувствах — к психологическому сопротивлению, когда внутренние барьеры блокируют осознание ею своих чувств и отгораживают ее от тех аспектов ее личности, которые она стала ощущать как неподобающие¹². Когда Кэрри говорит о том, как ее измотало постоянное стремление угодить другим, она описывает свою личность как «стертую» — она становится кем-то другим, не собой, и таким образом теряет представление о том, кто же она на самом деле. Но в то же время где-то глубоко внутри Кэрри знает — что-то идет не так, потому что «все всегда кажется каким-то не таким»:

Это очень изматывает. Как будто тебя стерли. Как будто твоя личность исчезает, когда ты постоянно пытаешься угодить другим людям. Ты не та, за кого себя выдаешь, и постепенно ты перестаешь понимать, кем ты была. Все всегда кажется каким-то не таким, потому что в глубине души ты знаешь, что на самом деле это не ты. Поэтому я никогда не чувствую себя счастливой.

Проследим еще раз этот путь: когда здоровое сопротивление утрате отношений становится политическим сопротивлением патриархальным структурам, оно может привести к открытому протесту — когда все вещи называются своими именами, когда правду говорят в лицо власти. Или же сопротивление может уйти в подполье и стать

¹² *Machoian L. The Disappearing Girl: Learning the Language of Teenage Depression.* N.Y.: Penguin, 2006. P. 40–41.

стратегическим. Или оно может превратиться в психологическое сопротивление, позволяющее нам удерживать определенные аспекты нашего опыта вне нашего осознания и таким образом ничего не знать о том, что мы знаем в какой-то другой части своего существа. О сдвиге в сторону психологического сопротивления сигнализирует момент, когда мальчики начинают разговаривать как «мальчики» — презрительным тоном, демонстрируя полную невосприимчивость к своим и чужим эмоциональным потребностям. А девочки начинают разговаривать как самоотверженные настоящие женщины (мать, которая всегда рядом, дочь, которая всегда добра и внимательна, идеальная ученица, всегда доброжелательная коллега), отрекаясь от своего голоса, который мог бы звучать в защиту их истинных чувств, мыслей, желаний и убеждений. Когда происходит этот сдвиг в сторону психологического сопротивления, многие мальчики начинают демонстрировать все те проблемы, которые мы обычно ассоциируем с мальчиками (проблемы с учебной, расстройства внимания и речи очень хорошо знакомы всем, кто работает в школе; мальчики эмоционально недоступны, неуправляемы, а у подростков возрастает риск суицида и других форм насилия со смертельным исходом), а у многих девочек в подростковом возрасте обнаруживаются признаки депрессии, расстройства пищевого поведения, склонность к самоповреждению, замыкание в себе.

Переход от здорового протеста и политического сопротивления к психологическому сопротивлению в беседах, которые мы проводили в рамках исследования, маркировался появлением частицы «не» (интернализированного запрета): у девочек — между «я» и «знаю», а у мальчиков — между «я» и «интересуюсь» (care). Интернализированная гендерная бинарность предписывает мальчикам знать, а девочкам заботиться (care): в силу этой инициации девочки учатся не знать того, что они зна-

ют, а мальчики — проявлять безразличие к тому, что или кто на самом деле их глубоко волнует. Переход от отношений к женскому безмолвию и мужской холодности — не знать и не интересоваться — необходим для установления иерархии, которая требует, чтобы те, кто находится на ее вершине, утратили эмпатию, а те, кто внизу, — уверенность в себе. Знание и равнодушие (*care*) необходимы для политического сопротивления, и в особенности для сопротивления патриархальным гендерным ограничениям, которые отделяют интеллект (знание) от эмоции (нервнодушие) и лишают мужчин и женщин полноты их человечности.

В еженедельном эссе по семинару, посвященному сопротивлению несправедливости, Кристина, студентка школы права, пишет о том, какой вызов ей бросила ее восьмилетняя кузина Акили. «Акили задала мне вопрос, и я начала свой ответ со слов “Я не знаю”. Она меня перебила, воскликнув: “Перестань говорить: я не знаю!”». «Я даже не осознавала, — размышляет дальше Кристина, — что я все время произношу эти слова, но Акили заметила и хотела мне показать, что она доверяет моей способности полагаться на собственный опыт. Она хотела, чтобы я была с ней откровенна, — она хотела отношений». Кристина, по ее собственным словам, «изображала неосведомленность, используя ее как защитный механизм. Я оберегала себя от потенциального конфликта, скрывая свое потенциально разрушительное мнение».

Кэти, юрист-правозащитник, собиравшаяся получить научную степень, использовала слово «эгоизм» в попытке объяснить, почему она не решается проводить свое исследование в той области, которая ее по-настоящему интересует: есть то, что *она* хочет узнать, а есть нечто, чем *надо* заниматься, «действительно важное».

Кристина скрывает свое потенциально разрушительное мнение, чтобы уберечь себя от потенциального кон-

фликта, но восьмилетняя кузина бросает ей вызов, чтобы вовлечь в отношения, и побуждает ее говорить, опираясь на свой опыт, а не отговариваться незнанием. Кэти называет свои интересы «эгоистическими», полагая, что они не столь важны, но я, ее преподаватель на семинаре по вслушиванию, бросаю ей вызов, побуждая ее прислушаться к самой себе. Адам и Джеки, Кристина и Кэти знают, что есть некие силы, которые заставляют их практически неосознанно поступать отношениями, разводить в разные стороны свое «я» (знания, «способность полагаться на опыт», интересы) и свои отношения, свою работу. Как только они начинают понимать, что они делают, то тут же осознают свое соучастие в поддержке патриархата: Кристина — чтобы уберечься от конфликта, который может разгореться из-за неосторожно высказанного ею «разрушительного» мнения, а Кэти — чтобы не быть «эгоисткой». Все они прекрасно знали, что стоит на кону.

Мы с коллегами могли наблюдать, как некоторые женщины, когда политическое сопротивление переходит в психологическое, присоединяются к заговору молчания (не говорить о том, что видишь, не знать того, что знаешь), а мужчины присоединяются к заговору насилия, отрекаясь от отношений, превращая женщину в объект и переходя к агрессии всякий раз, когда чувствуют себя уязвимыми. Учитывая изменения, которые произошли в жизни многих женщин и мужчин по мере роста осознания, что спектр гендерных идентичностей значительно расширился, устойчивость бинарных кодов мужского и женского, а также порождаемой и поддерживаемой ими культуры мужского насилия и женского молчания кажется еще более поразительной.

Мое внимание привлекли упрямы — те, кто упорствует в политическом сопротивлении, сохраняя свой голос и не отказываясь от отношений. Анна, 14-летняя участница исследований развития девочек, продемонстри-

ровала отказ заглушить свой голос во имя «отношений», написав два сочинения на тему героизма: то, «за которое поставят высший балл» (а это ей, девочке из рабочей семьи, было совершенно необходимо, чтобы получить стипендию на обучение в колледже), и то, которое ей действительно хотелось написать¹³. Она знала, что второе сочинение может разозлить учительницу, у которой были гораздо более нейтральные представления о героизме и героях. Опираясь на опыт жизни с безработным отцом, который бил ее братьев, из-за чего в дом пришли социальные службы, Анна считала представления о героизме опасными, поощряющими мужчин насилием прикрывать свою уязвимость. Сдав обе работы вместе с объяснительной запиской, Анна рисковала не только вызвать гнев учительницы, но и утратить отношения — риск состоял в том, чтобы выразить свое истинное мнение и при этом сохранить отношения с преподавателем. К чести учительницы, она прочла оба сочинения.

За те годы, что я выслушивала девочек и была свидетелем их сопротивления, я научилась по-новому смотреть на свой собственный опыт взросления. Я поняла, что мои ссоры с матерью, когда я была подростком, являлись борьбой не просто за отделение (уйти легче, если ты рассержен), но и еще за что-то. Я стала понимать, что у меня были двойные отношения с мамой: с одной стороны, это была женщина, которую я любила и с которой у меня были отношения, а с другой — женщина, которая являлась женой моего отца, чье существование определялось ролью миссис Фридман. Она пыталась предостеречь меня от того, о чем боялся думать Адам, студент-юрист: что может случиться, если «раскачивать лодку». Я сопротивлялась рамкам поведения, которые навязывались мне по мере того, как я из девочки превращалась в

¹³ Gilligan C. *Joining the Resistance*. P. 134–135.

молодую женщину, стереотипам женственности, которые хорошо описывает Джеки. Задолго до того, как я впервые прочитала миф об Эроте и Психее, я знала, что не хочу превращаться в объект, не хочу молчать о том, что я знаю, не хочу такой ценой платить за любовь. Я боролась за отношения, но лишь много лет спустя, когда начала изучать девочек и стала свидетелем их сопротивления, особенно остро осознала, какое мужество нам требуется и с какими карательными мерами мы сталкиваемся, а заодно и оценила масштабы того, о чем предупреждала меня мама. Как Психея из мифа, мы ставим себя под удар, но при этом демонстрируем удивительную сопротивляемость, не сдаваясь перед лицом столь устрашающих сил.

Утрата

НАОМИ: Теперь уже, когда оглядываешься назад, становится ясно: все дороги вели нас к Джону Боулби и его новаторским исследованиям привязанности и утраты. Мы понимали, что имеем дело с патриархальной системой, навязывающей определенное понимание мужественности и женственности; мы ощущаем воздействие этих сил, «сами того не зная», как сказал Адам. Поскольку речь шла о бессознательном, мы решили обратиться к психоанализу и в особенности к психоаналитической литературе об утрате. Осенью 2015 г. Кэрол предложила мне почитать Фрейда, Мелани Кляйн и Джона Боулби.

Читая Фрейда и Кляйн, я в результате уперлась в тот же тупик. Их теории утраты воспроизводили знакомую патриархальную историю: утрата неизбежна, а эмоциональная отстраненность — единственное здоровое решение, нужно оплакать утрату, отгоревать ее и, как говорится, «жить дальше». Фрейд описывает горевание (печаль, скорбь) как здоровый процесс, с помощью которого, с психоаналитической точки зрения, эго, «я», отстраняется от утраченного любимого объекта¹. Меланхолия, в про-

¹ Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. — *Примеч. пер.*

тивоположность здоровому процессу скорби, описывается как патологическая реакция на утрату: из-за неослабевшей привязанности к утраченному объекту тень этого объекта ложится на эго. «Тень объекта пала на “я”» — так жутковато сформулировано это у Фрейда².

Различение, которое Фрейд проводит между печалью (скорбью) и меланхолией, переворачивает с ног на голову динамику сопротивления у мальчиков и девочек-подростков. С фрейдовских позиций борьба за сохранение привязанности перед лицом утраты — то, что Кэрол описывает как здоровое сопротивление, — выглядит как патологическая реакция на утрату, неспособность эту утрату отгравировать. С этой точки зрения принятие мальчиками утраты близкой дружбы — это признак «зрелости», «взросления»; как сказал один из мальчиков, которых исследовала Найоби Уэй, он учится «быть мужчиной». Говоря языком Фрейда, мальчики разрывают связь с утраченным объектом — это печальный, но в конечном счете здоровый шаг, необходимая часть процесса взросления.

С точки зрения Кляйн, «параноидно-шизоидная позиция» (страх преследования, стремление расщеплять людей на «хороших» и «плохих») представляет собой изначальную стадию, позицию, укорененную в младенческих врожденных агрессивных фантазиях (инстинкт смерти)³. Этот взгляд согласуется с фрейдовской интерпретацией мифа об Эдипе: без облагораживающего влияния цивилизации мы были бы отданы на милость разрушительных желаний и фантазий. Ответственность за разрушение отношений, равно как страх перед другими и расщепление

² Фрейд З. Печаль и меланхолия. С. 219. — *Примеч. пер.*

³ Klein M. A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive States // International Journal of Psycho-Analysis. 1935. No. 16. P. 145–174; Кляйн М. Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний // Кляйн М. Психоаналитические труды. Т. II. Ижевск: ERGO, 2007. С. 139–177.

на «плохих» и «хороших», переносится с культуры и родителей на детей таким образом, что агрессия, страх преследования и расщепление оказываются врожденными — источником травмы и утраты, а не их последствием. Такая картина утраты не соответствовала данным исследования развития, которые показывали, что отчуждение от отношений и расщепление людей на «хороших» и «плохих» (самоотверженных и эгоистичных, эмоциональных и рациональных) навязываются культурой, провоцируя психологический кризис.

А потом я прочла Боулби⁴. Он полностью меняет эту систему координат, описывая привязанность как врожденную человеческую потребность, которая сохраняется на протяжении всего жизненного цикла, а отчуждение (*detachment*) — от самого себя и от других — как неадаптивную реакцию на опыт утраченной связи. Меня поразило его открытие, что в любых отношениях заложено зерно не только здорового развития, но также и чрезвычайно болезненной травмы. Невосстановимая утрата отношений, говорит нам Боулби, это серьезная психическая рана, не менее болезненная, чем физическое ранение, и она может приводить к появлению защит. Эти защиты, которые поначалу просто оберегали нас от отношений, разрушившихся до основания, со временем могут стать неадаптивными и деструктивными — отрезая нам путь к близости и связи, причиняя таким образом вред нам самим и другим людям.

В рассуждениях Боулби я услышала отзвук открытий Кэрол. Боулби говорит о нашей способности создавать отношения как о величайшем источнике силы, необходимом для выживания, — Кэрол считает сопротивление девочек и мальчиков здоровой реакцией на утрату

⁴ *Bowlby J. Attachment and Loss: 3 vols. N.Y.: Basic Books, 1969; 1973; 1980.*

отношений. В наблюдениях Боулби по поводу того, что невозстановимый разрыв отношений приводит к защитному отчуждению от отношений и от части собственного «я», можно проследить сходство с наблюдениями Кэрол: когда давление требований адаптации становится невыносимым, здоровое сопротивление может перейти в сопротивление психологическое — в защитное отчуждение от самого себя и других. Благодаря погружению в находки Боулби я стала отчетливее различать психологические силы, ответственные за переход от здорового к психологическому сопротивлению.

Наблюдая за реакциями маленьких детей на разлуку с теми, кто о них заботится, Боулби выделил три стадии реакции на утрату: протест, отчаяние и отчуждение⁵. Далее в своих работах он выделил две формы отчуждения: уступчивое, послушное поведение (то, что у Боулби называется «тревожная привязанность / навязчивая заботливость») или избегание отношений и эмоциональная отчужденность («избегающая привязанность / компульсивная самостоятельность»).

ПРОТЕСТ

Читая, как Боулби описывает детские реакции протеста⁶ — цепляние, плач, призыв, попытки найти значимого взрослого, — я поразились тому, насколько эти протестные реакции, хоть и на более ранней стадии развития, напоминают то, как Кэрол, Чу и Уэй описывают «здоровое сопротивление» девочек и мальчиков инициации, требующей отказа от отношений, — отказа, который расценивается как шаг в сторону мужской независимости и женской самоотверженности и считается частью

⁵ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1. P. 27–28.

⁶ Ibid. P. 27.

нормального взросления. Трогательный и очень показательный пример протеста — описание у Боулби поведения двухлетней Лоры, которую на восемь дней разлучили с матерью, положив в больницу. Несколько месяцев спустя после своего возвращения она, укоризненно глядя на мать, спросила у нее: «Где ты была, мама? Где ты была?»⁷ В протесте Лоры мне слышится эхо гневного протеста конькобежки Сары, возмущенной тем, что тренер всю неделю занимался с мальчиками, а не с нею и другими девочками в классе. «Где ты был, Тэд?» — таким был, по сути, ее вопрос.

Вслушиваясь в гневные требования и отчаянный плач таких детей, как Лора, Боулби сумел сделать радикальное для того времени открытие: протест против утраты — вовсе не признак эмоциональной незрелости или психологической слабости (распространенный на тот момент взгляд), а врожденная здоровая реакция на боль утраты контакта, реакция, предназначенная для того, чтобы восстановить отношения с тем, кто о тебе заботится, и тем самым необходимая для выживания ребенка. Открытие Боулби подтверждает то, что девочки и мальчики из исследований Кэрол и Уэй знали интуитивно: они сопротивлялись не взрослению, а утрате того, что им представлялось жизненно важной связью — с собственными истинными чувствами и с другими людьми.

Особенно любопытным мне показалось наблюдение Боулби, что подобная реакция возникает в ответ и на физическую разлуку, и на эмоциональную нечуткость (*mis-attunement*)⁸. Таким образом, наша потребность в «привязанности» — это не только физическая безопасность, но

⁷ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 2. P. 246.

⁸ Ibid. P. 201–202. «Объект привязанности по-настоящему доступен, только если он(а) восприимчив(а) и способен(-бна) откликнуться. В дальнейшем слово “доступный” (available) мы будем исполь-

и эмоциональная связь. В концепции привязанности у Боулби я вижу отражение определения, которое Кэрол дает отношениям: опыт живой связи. Боулби обнаружил, что дети протестуют против утраты эмоциональной вовлеченности; Кэрол — что они сопротивляются необходимости пожертвовать отношениями во имя предписанных патриархатом «отношений». Представления Боулби о том, что этот протест является реакцией одновременно и на физическую разлуку, и на эмоциональную нечувствительность, подразумевают, что дети обладают способностью противостоять целому ряду нарушений в отношениях, от самых откровенных форм злоупотребления и несправедливости до мельчайших сбоев в эмоциональной настройке. Дети будут стремиться добиваться того, чтобы даже самые асимметричные (в смысле неравномерности распределения физических возможностей и власти — например, матери и ребенка) отношения соответствовали потребностям самого уязвимого их участника. С такой точки зрения родительско-детские отношения — это модель, которая позволяет увидеть более тонкие различия между иерархией и равенством, авторитаризмом и демократией: различия, связанные с уровнем ответственности и вовлеченности, а не с одинаковым обращением⁹.

Наблюдения Боулби, касающиеся начальной протестной фазы, радикальны и по большому счету недооценены. Они ставят под вопрос распространенное мнение о том, что наша личность и способ взаимодействия с дру-

зовать, имея в виду, что объект привязанности восприимчив (accessible) и отзывчив (responsive)».

⁹ Обсуждение различий между демократией и авторитаризмом см. в: *Gilligan C. Joining the Resistance*; *Gilligan C., Richards D.A.J. The Deepening Darkness: Patriarchy, Resistance, and Democracy's Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; *Gilligan C., Richards D.A.J. Darkness Now Visible: Patriarchy's Resurgence and Feminist Resistance*. Cambridge: Cambridge University Press (в печати).

гими людьми формируются исключительно под воздействием культурной и семейной среды. Боулби показывает, что элемент субъектности присутствует с самого начала и что благодаря ему мы способны противостоять внешнему влиянию и выстраивать отношения так, чтобы они наилучшим образом соответствовали нашим уникальным потребностям и желаниям. Мне кажется, что это чрезвычайно важно и плодотворно для понимания того, почему патриархат так живуч. Ведь это означает, что в каждом из нас есть ростки сопротивления — способность бросать вызов культурным предписаниям, враждебным основополагающей для человека потребности в отношениях. Обратив внимание на плач детей, протестующих против недостатка эмоциональной заботы и контакта со значимым другим в специализированных учреждениях, Боулби стал добиваться радикальных реформ в подобных заведениях — и преуспел в этом¹⁰.

ОТЧАЯНИЕ

Боулби заметил, что, когда протест не достигает своей цели и не приводит к воссоединению, он сменяется отчаянием: отказом от надежды, что утраченное может быть обретоено вновь. Во время этой фазы ребенок не делает попыток восстановить связь. Боулби отмечает, что такая эмоциональная отстраненность — это признак психоло-

¹⁰ Благодаря открытиям Боулби началась волна реформ в педиатрических отделениях больниц: например, продлили часы посещения и поставили в палаты кровати для родителей. См. об этом: *Kozlovsky R.* The Architects of Childhood: Childhood, Modern Architecture, and Reconstruction in Postwar England. N.Y.: Routledge, 2016. P. 141–172; *Hendrick H.* Children’s Emotional Well-being and Mental Health in Early Post-Second World War Britain: The Case of Unrestricted Hospital Visiting // Cultures of Child Health in Britain and the Netherlands in the Twentieth Century. 2003. No. 17.

гического истощения, дистресса, а вовсе не восстановления равновесия, как ошибочно было принято полагать¹¹.

Прослеживая этот переход от протеста к отчаянию, Боулби наблюдал за тем, как сменяют друг друга различные оттенки гнева¹². Протестная фаза сопровождалась функциональным гневом — «гневом надежды», который позволял ребенку мобилизовать усилия по восстановлению контакта со значимым взрослым. Боулби подчеркивает, что такой гнев, часто выражающийся в укоряющем и наказывающем поведении, «имеет своей целью укрепить, а не разрушить связь»¹³. Однако когда протесту не удастся достичь восстановления контакта, «гнев надежды» сменяется дисфункциональным гневом — «гневом отчаяния»: «глубокой обидой», ведущей к ледяной «злобе и ненависти»¹⁴. Гнев, пронизанный обидой и ненавистью, превращается в угрозу отношениям и обычно не выражается напрямую в адрес виновника утраты, а подавляется и перенаправляется на себя или на других — часто на тех, кто слабее¹⁵. Так ребенок защищается от утраты, соглашаясь с разрушением отношений и либо обращая гнев на себя, либо становясь агрессором, причиняющим боль утраты другим людям. Таким образом, сдвиг от протеста к отчаянию маркируется молчанием и насилием.

Фаза отчаяния — стадия тихого бездействия, когда исчезает голос сопротивления. Мы видим, как беспомощность и безволие, характерные для депрессии, соседствуют здесь с утратой удовольствия и изменением интонации, сигнализирующим обычно о потере контакта. Признаки психологического дистресса, наблюдаемые у мальчиков в возрасте 4–7 лет, у девочек 11–14 лет, а за

¹¹ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1. P. 27–28.

¹² Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 2. P. 246–257.

¹³ Ibid. P. 248.

¹⁴ Ibid. P. 249.

¹⁵ Ibid. P. 250.

тем у мальчиков на переходе от среднего к позднему подростковому возрасту, можно рассматривать как проявления отчаяния, которое Боулби зафиксировал у детей, чьи протесты против утраты контакта оказались неэффективными. В таком свете эти признаки психологического дистресса предстают как отражение ощущения бессилия и утраты доверия, которое возникает, когда попытки восстановить разорванные отношения терпят неудачу. Обострение психологического напряжения в период инициации свидетельствует о том давлении, которое оказывает на психику принятие патриархальных гендерных кодов. Утрата отношений сопровождается сдвигом от «гнева надежды» к «гневу отчаяния» — сдвигом, который возникает, когда все надежды на обретение утраченного разбиты.

Ребенок, чьи мольбы оказались напрасны, узнает, что попытки что-то изменить ни к чему не приводят, и сдается, — это наблюдение Боулби натолкнуло меня на мысль о том, что требование «быть храбрыми» (и тем самым отказаться от выражения нежности и потребности в любви), предъявляемое мальчикам, и требование «быть хорошими» (и тем самым отказаться от выражения своих желаний, своей субъектности или гнева, необходимого для отстаивания своей позиции), предъявляемое девочкам, подрывают их способность эффективно протестовать против разрыва отношений и приводит к тому, что они сдаются и переходят от протеста к смирению и принятию утраты отношений.

ОТЧУЖДЕНИЕ

Самое интересное наблюдение Боулби состоит в том, что, если связь не удастся восстановить, отчаяние сменяется отчуждением. Отчуждение — это диссоциативная защита, позволяющая устранить саму возможность невосполнимого разрыва с помощью отщепления от сознания части

«я» — а именно потребности в отношениях. Как пишет психоаналитик Сьюзан Сэндс, «диссоциативные защиты позволяют регулировать отношения с другими людьми. <...> Пациент с диссоциацией поддерживает отношения с окружением ровно настолько, насколько это необходимо для выживания, но потребность в более близких отношениях отрезана от его сознания, хотя и не уничтожена полностью»¹⁶. Эти наблюдения позволяют глубже понять природу внешнего давления и психодинамику перехода от здорового сопротивления к психологическому, в силу чего человеку приходится пожертвовать отношениями ради «отношений».

На стадии отчуждения, пишет Боулби, ребенок ведет себя так, «как если бы общение с матерью или другими людьми не имело для него никакого особого значения»; «постепенно он все больше сосредотачивается на себе и, вместо того чтобы направлять свои желания и чувства на других людей, интересуется исключительно материальными вещами»¹⁷. Такой ребенок «кажется жизнерадостным и вполне приспособившимся к своей необычной ситуации, он ведет себя непринужденно и никого не боится. Но эта общительность поверхностна: все *выглядит* так, словно он больше ни в ком не нуждается» (курсив мой. — Н. С.)¹⁸. Как только запускается процесс отчуждения, мы отказываемся от потребности в любви и привязанности к другим людям; отказ от отношений мы компенсируем сосредоточенностью на себе и повышенным интересом к объектам вместо людей — эту стратегию Боулби называет «компульсивной самодостаточностью»¹⁹.

¹⁶ Sands S.H. What is Dissociated? // Dissociation: Progress in the Dissociative Disorders. 1994. No. 7. P. 149.

¹⁷ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1. P. 28.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 369–370.

Понятие отчуждения, введенное Боулби, переворачивает фрейдовское различие между здоровым гореванием и патологической меланхолией с ног на голову. Тень утраченного объекта, тень потребности в отношениях падает на «я» именно у отчужденного, отстраненного человека. Это значит, что он сохраняет потребность в любви и боль утраты, но вытесняет эти чувства в бессознательное, так что они вечно преследуют его, словно призрачные тени, незримо влияющие на его способность создавать отношения.

Внимательно вслушиваясь в то, что говорят маленькие дети, разлученные со значимыми взрослыми, наблюдая за их эмоциями и жестами, Боулби сумел разглядеть признаки внутренней борьбы за сохранение связи у внешне совершенно самодостаточных детей — попытки, на которые до него никто не обращал внимания. Эти наблюдения опровергали расхожие представления о том, что эмоциональная отстраненность является здоровой реакцией на утрату и признаком восстановления эмоционального равновесия, а также большей независимости и взросления. Один из самых показательных примеров у Боулби — случай Кейт, девочки двух с половиной лет: на второй неделе разлуки с матерью она стала задумчивой, словно грезящей наяву и как-то раз спросила: «Что же Кейт ищет?»²⁰ Боулби отнесся к этому вопросу очень серьезно. Он счел его не признаком когнитивного диссонанса или задержки в развитии, а указанием на то, что Кейт начала постепенно отстраняться от своей тоски и поисков матери, обрывая эмоциональную связь. Есть девочка (Кейт), которая чего-то ищет, но она (та, кто говорит) уже больше не знает, кого или что ищет эта Кейт.

Это трогательное описание, и интерпретация Боулби кажется убедительной. Он показывает, что, когда протест

²⁰ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 2. P. 19.

терпит поражение и не может способствовать восстановлению связи, мы теряем веру в надежность связи между людьми, в то, что ее можно восстановить. Тоска по отношениям сохраняется, но она переживается как прелюдия к утрате и предательству. Тщательные наблюдения помогли Боулби увидеть, что, когда дети ведут себя так, словно ничто их больше не тревожит, это вовсе не означает, что они больше не нуждаются в любви. Это означает, что безнадежное желание стало слишком болезненным, поэтому от него отказываются. А затем все, что могло бы напоминать ребенку о потребности в любви и связи и о том, что эта потребность не была удовлетворена, — будь то эмоция, мысль, образ или воспоминание — устраняется из сознания при помощи защиты, которую Боулби называет «деактивацией»²¹.

Такое понимание скрытых механизмов отчуждения можно проследить в пьесе Анны Дивир Смит «Полевые заметки», в которой среди прочего описывается феномен «прямой дороги из школы в тюрьму». Одна из учительниц в этой пьесе рассуждает о практике исключения из школы тех детей, которые всем своим поведением и действиями настраивают всех против себя, и говорит о том, что таких детей, наоборот, нужно не отталкивать, а приближать. Стараясь привлечь их ближе, а не отогнать подальше, мы тем самым затрагиваем их глубинную проблему и даем им понять, что их желание любви вовсе не безнадежно²².

²¹ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 70. «Деактивация систем-посредников между поведением привязанности, мыслями и чувствами достигается, похоже, за счет защитного блокирования (практически полного) сенсорной информации любого рода, которая могла бы активизировать поведение привязанности и чувства. В результате возникает состояние частичного или полного эмоционального отчуждения».

²² Smith A.D. Notes from the Field. (Режиссер Леонард Фолья. Театр «Second Stage Theatre», Нью-Йорк, 2 ноября 2016 г.)

В статье 1979 г. «Знать и чувствовать то, чего тебе знать и чувствовать не положено»²³ Боулби описывает, как в таком окружении, где детей отталкивают и запрещают им выразить — или даже испытывать — стресс, вызванный разлукой, они «закрываются наглухо от всех чувств, которые вызвала у них утрата»²⁴. Отчуждение проявляется в двух формах: внешняя отстраненность от других людей подпитывается внутренним отчуждением от полноценного спектра эмоций.

Наблюдение Боулби по поводу того, что отчуждение ошибочно принимают за независимость, навело меня на озарение: отчуждение ошибочно принимают за взросление именно потому, что оно в точности соответствует мужской псевдонезависимости, которая в логике патриархата синонимична понятию «настоящий, полностью развитый человек». Поразительно, с какой точностью описание отчуждения, которое дает Боулби, совпадает с идеалом маскулинной автономности: знакомый портрет эмоционально сдержанного мужчины, которого куда больше волнуют вопросы власти и материального достатка, нежели эмоциональной близости и связи между людьми.

Как только я установила это соответствие, я стала различать в описаниях у Чу и Уэй того, как мальчики становятся «мальчиками» и мужчинами, отголоски описаний у Боулби эмоционально отстраненных детей. Например, Фернандо, чуткий пухлощекий 14-летний мальчик, называет дружбу и образование в числе «самых важных» для него ценностей: «Образование — это важно, потому что я хочу чего-то добиться, и когда много друзей, это тоже

²³ Bowlby J. On Knowing What You Are Not Supposed to Know and Feeling What You Are Not Supposed to Feel // Can. J. Psychiatry. 1979. Vol. 24. No. 5. P. 403–408.

²⁴ Ibid. P. 406.

важно, тогда я не буду сам по себе, ну, не буду одиноким»²⁵. Однако ко второму курсу колледжа Фернандо переключился с достижений и друзей на приобретение — одежды, денег, девушек. «Я очень повзрослел. Меня теперь больше девушки интересуют, одежда. Это то, как я живу, мой мир. Одежда, девушки и деньги»²⁶. Приравняв взросление и мужественность к независимости и богатству, Фернандо теперь утверждает, что самое важное для него — это «спорт... ну, я же парень, понятное дело, то есть я люблю спорт... девушек... деньги это тоже важно, ну, я же типа хочу выглядеть круто... и я могу маме купить сережки бриллиантовые и все такое»²⁷.

Как и большинство мальчиков из исследования Уэй, Фернандо считает, что эти перемены и есть взросление. Однако в редкие мгновения уязвимости, ранимости обнаруживается несколько иное положение дел. Он говорит о постоянном желании близких отношений, которое оказалось под угрозой, и поэтому необходимо его сдерживать из-за утраты веры в дружбу и страха предательства. Когда ему было 14 лет, Фернандо так описывал отношения с лучшим другом: «Не могу объяснить. Я не знаю, почему... просто он доверяет мне, а я ему»²⁸. Ко второму курсу это доверие поколеблено. О своем друге Сантьяго он говорит: «Он мне многое рассказывает, доверяет свои тайны. Если он так со мной откровенен, наверное, я тоже должен быть откровенен с ним. Но у моих близких друзей, у них... я не знаю... как будто две стороны личности. Например, Марсело, он весь такой классный, но при этом какой-то скользкий, что ли. Поэтому я держу с ним ухо остро»²⁹. В та-

²⁵ *Way N. Deep Secrets...* P. 231.

²⁶ *Ibid.* P. 233.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.* P. 232.

²⁹ *Ibid.* P. 241.

кие мгновения возникает потребность в выражении своих чувств, но она быстро перекрывается стремлением «быть мужиком». В последнем интервью на вопрос о том, что для него идеальная дружба, Фернандо отвечает: «Ну, наверное, чтобы человек был рядом со мной? Надеюсь, это не слишком по-девчачьи звучит»³⁰. В этих словах выявляется центральный конфликт для мальчиков в позднеподростковом возрасте: он хочет близких отношений, но беспокоится, что открытое выражение этого желания повлечет за собой предательство, потому что его будут считать девчонкой, — в любом случае утрата отношений кажется неизбежной. Таким образом, как замечает Уэй, то обстоятельство, что в жизни Фернандо все меньше места близости, связано не с тем, что он не хочет близких отношений, а с тем, что он боится предательства, разглашения его секретов³¹, и, добавлю я, с тем, что его ранимость будет высмеяна.

Как те эмоционально отстраненные дети, которые в ответ на невозполнимую утрату переключают свое внимание со значимых людей на вещи (подарки), Фернандо переключается с дружбы на приобретение, которое становится для него своего рода сублимацией, а неприемлемое, опасное и явно бесплодное желание близости превращается в поощряемое стремление обладать вещами и «выглядеть круто». Дело не просто в том, что эти «вещи» (спорт, девушки, деньги) более приемлемы: когда он утратил веру в близкие отношения, вещи (или люди-вещи) стали для него тем, что можно контролировать, чем-то более надежным, чем отношения. Заменить потребность в отношениях желанием приобретательства — это, вероятно, и означало для Фернандо «быть мужиком»; но такое конструирование мужественности как самодоста-

³⁰ Ibid. P. 242.

³¹ Ibid. P. 241.

точности может также означать попытку справиться со страхом собственной несостоятельности и избежать возможного разрыва или предательства³². В таком случае то, что воспринималось им как нечто естественное, — мужчина выбирает вещи, а не людей, — на самом деле является ответом на ощущение какой-то нехватки, способом материально компенсировать чувство утраты веры в надежность отношений. Объективация женщин и приобретение вещей — это такие механизмы «спасения лица», с помощью которых «мужик» втайне удовлетворяет свои «женские» потребности. Страсть к вещам становится прикрытием, защитой от одиночества. Таким образом, случай Фернандо демонстрирует нам, что любая угроза социальному положению, богатству мужчины (или его праву обладать женщинами) может стать спусковым механизмом для болезненного, но совершенно не артикулируемого чувства одиночества и утраты, которое «настоящему мужчине» необходимо скрывать.

В этом смысле работа Боулби об утрате и привязанности высвечивает психологическую функцию, которую осуществляет патриархальная маскулинность. Отчуждение — это симптом прошлой утраты и в то же время защита от боли утраты будущей, так же как рубец — это след физической раны и защита от боли и дальнейших повреждений. На месте пореза на коже образуется корочка, защищающая рану от инфекции и позволяющая ей затянуться. Точно так же происходит и с разрывом в отношениях: нарастает внутренний защитный слой, предохраняющий нас от чувства уязвимости, и внешний — между нами и другими людьми.

³² П.М. Бромберг пишет о замещении отношений едой в случае пациентов с пищевыми расстройствами. См.: *Bromberg P.M. Treating Patients with Symptoms — and Symptoms with Patience // Psychoanalytic Dialogues. 2001. Vol. 11. No. 6. P. 891–912.*

В неблагоприятной среде этот слой может выполнять адаптивную защитную психологическую функцию. В окружении, которое не отвечает потребностям ребенка в любви и поддержке или же критикует их, как это происходит с мальчиками в патриархальной среде, ребенок учится сводить свои потребности к минимуму, чтобы избежать отвержения. Как если бы человек думал: «Если я не буду позволять себе надеяться на хорошие отношения, то я никогда больше не испытаю боль отчаяния, если эта надежда не оправдается». Или, как говорит Тайрон, участник исследования Уэй: «Я не хочу слишком сближаться с кем-то, потому что не хочу потерять этого человека»³³. Чтобы избежать боли будущих утрат, дети, воспитанные в атмосфере эмоциональной холодности или враждебности, жертвуют надеждой или же отрицают саму возможность любви. Восемнадцатилетний Шон, один из мальчиков в исследовании Уэй, наглядно демонстрирует эту защитную логику: лучше жить в одиночестве и неизвестности за неприступной стеной, чем показать свою уязвимость и пострадать от других людей.

Вокруг меня что-то типа кирпичной стены... ко мне нелегко пробиться... потому что я вижу, как многие люди ведут себя открыто друг с другом и кто-нибудь может найти способ их сломать. Я не хочу, чтобы кто-то узнал меня по-настоящему и смог бы меня сломать и сделать со мной все что угодно³⁴.

Для таких мальчиков, как Шон, которые боятся, что открытого и уязвимого человека можно сломать, мужественность — или, скорее, псевдонезависимость и эмоциональная отчужденность, которые расцениваются как

³³ *Way N. Deep Secrets...* P. 189.

³⁴ *Ibid.* P. 193.

сила и превосходство и потому как признаки мужественности, — становится убежищем и утешением.

Однако, утрачивая связь с людьми и отгораживаясь от мира эмоций, эмоционально отчужденный человек, изолированный в пустыне, где не пробивается ни единого ростка чувств, заставляет других людей испытывать те же переживания отвержения и пренебрежения, против которых он сам выстроил такие барьеры. Защита отчуждения тем самым запускает порочный круг утраты, особенно когда гнев, враждебность и насилие (по отношению к себе или другим), вспыхнувшие при ослаблении защитных барьеров, не дают боли утраты прорваться на поверхность.

В работах психиатра Джеймса Гиллигана, рассуждающего о причинах насилия и способах его предотвращения, особенно глубоко прослежены связи между утратой, стыдом, маскулинностью и насилием³⁵. Он работал в тюрьмах с мужчинами, осужденными за насилие, и с душевнобольными преступниками и наблюдал эмоциональное отчуждение в его крайних проявлениях; но он также обнаружил, что эмоциональная холодность и жестокость этих мужчин были отражением их собственного экстремального опыта травмы и заброшенности — такого опустошающего отсутствия любви, что порой в это невозможно было поверить. Защита отчуждения, изоляции была у этих людей массивной, а насилие часто служило прикрытием, попыткой защититься от чувства глубокой потребности в заботе. Это такие болезненные, постыдные и глубоко запрятанные чувства, что только очень внимательный взгляд сумеет увидеть, что сам акт насилия, утверждая маскулинность мужчины и маскируя пробудившуюся в нем тоску по привязанности, оказывается средством получить наконец-то эту заботу, пусть и в тюрьме. В этом смысле мужчины, со-

³⁵ Gilligan J. *Violence: Reflections on a National Epidemic*. N.Y.: Vintage Books, 1996.

вершающие насилие, дают нам возможность увидеть со всей отчетливостью сердце тьмы, таящейся в глубинах патриархальной маскулинности.

В дальнейших своих исследованиях Боулби обнаружил, что защита отчуждения (изоляции) может выражаться в прямо противоположной форме, которую он назвал «тревожной привязанностью»³⁶. Такой человек не избегает отношений, а наоборот, слишком сильно привязывается, впадает в зависимость, что зачастую сопровождается избыточной покорностью и тем, что Боулби называет «компульсивной, навязчивой заботливостью», которая заменяет истинные отношения³⁷. Тревожная привязанность как разновидность «уступчивости в отношениях», «угождающего поведения» (*compliant relatedness*)³⁸ характеризуется отказом от инициативы и запретом на свободу самовыражения. Навязчивая заботливость — это род заместительной заботы, с помощью которой такой человек, похоже, пытается приписать тому, о ком он заботится, «всю ту печаль и нужду, которые он не в состоянии или не желает распознать в себе самом»³⁹. В основе такого вида отно-

³⁶ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 2. P. 211–215.

³⁷ О компульсивной заботливости см.: Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 156–157, 206–211, 222–224; тревожная привязанность более подробно рассматривается на с. 203–206, 218–222.

³⁸ Jack D.C. Silencing the Self: Women and Depression. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. P. 40. В этой работе предлагается взгляд на депрессию у женщин, согласно которому высокий уровень депрессии у женщин связан с социальными факторами — социальным неравенством женщин. О международных исследованиях в рамках этой теории депрессии и кросс-культурном подходе, изучающем, как интернализированные культурные представления о том, какой должна быть «добропорядочная женщина», влияют на поведение женщины и возникновение у нее депрессивных состояний, см.: Silencing the Self Across Cultures: Depression and Gender in the Social World / D.C. Jack, A. Ali (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010.

³⁹ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 157.

шений лежит подспудное убеждение, что любимый человек не будет доступен (т.е. не будет отзывчивым и внимательным), если не находится постоянно рядом, пытаюсь ему угодить. Все еще лелея надежду на любовь и заботу, но при этом испытывая глубокую тревогу, что его отвергнут, тревожно привязчивый человек «липнет» к другому, создавая симбиотические «отношения» (в которых двое функционируют как единое целое) и, по сути, сливаясь с другим до неразличимости.

Чтобы достичь такого спасительного состояния единства, тревожно привязчивые дети жертвуют своей самостоятельностью, потребностью в игре и исследовании, а также независимыми мыслями и чувствами. Знания и желания, которые расценивались как недопустимые, и чувства, которые были сочтены опасными, не только утаиваются от внешнего мира, но и не осознаются самим человеком. Боулби описывает этот внутриспсихический защитный механизм как «когнитивный обрыв связи» (*cognitive disconnection*)⁴⁰. Человек буквально разрывает связь между своими чувствами и мыслями, и таким образом чувства обиды и гнева оказываются отщепленными от сознательного понимания того, что стало причиной такой эмоциональной реакции. Поэтому человек начинает истолковывать переживания разрыва, отвержения или невнимания как знак собственной неполноценности, беспомощности, как знак того, что его нельзя любить, и перенаправляет гнев и вину на себя самого (или тех, кто слабее его).

Женщины, приучившиеся не знать того, что они знают, создающие «идеальные» отношения, т.е. отношения бесконфликтные, лишённые свободы самовыражения, напоминают таких детей с тревожной привязанностью. Как отмечает психолог Дана Джек, «покорность в отношении

⁴⁰ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 67–68.

ях — это как страховка на случай возможной утраты: она дает женщине гарантию, что ее партнер будет “внимательным и отзывчивым”, доступным в трудную минуту»⁴¹. Словно она думает: если я стану тем, кем меня хочет видеть мой партнер, мне удастся избежать отвержения и получить защиту; или же, как заметила Шейла, если меня отвергнут, это ничего не значит, ведь отвергли не мое подлинное «я». Слиться с другим, стать в буквальном смысле самоотверженной и бескорыстной — это стратегия, помогающая избежать отвержения, но за это надо расплачиваться подлинной близостью, настоящими отношениями. Разрывая связь с самой собой, самоотверженная женщина выводит из игры взаимность любовных отношений. Таким образом, тревожная привязанность, подобно патриархальному концепту женственности, порождает псевдоотношения.

Я задумалась над тем, может ли описание, которое Болуби дает тревожной привязанности и лежащим в ее основе защитным механизмам, помочь нам объяснить, почему некоторые девочки из исследования Кэрол приучились не знать того, что они на самом деле на определенном уровне знают. Подобно тому как фраза «мне нет дела», «меня не заботит» (*I don't care*), которую часто использовали мальчики из исследования Уэй, сигнализировала о работе защиты деактивации, отключения, с помощью которой эмоционально отстраненные дети «выключали» свою потребность в отношениях и способность в них вступать, фраза «я не знаю», обозначающая у некоторых девочек момент вступления в пору женственности, сигнализирует о когнитивном обрыве связи, с помощью которого дети приучаются не знать, почему они испытывают те или иные чувства. В этом смысле и дети с тревожной привязанностью, за поведением которых наблюдал

⁴¹ *Jack D.C. Silencing the Self... P. 40.*

Боулби, и девочки из исследования Кэрол отказываются от знания и чувств, неприемлемых для других, — потому что они опасаются, что это знание может полностью разрушить отношения.

Когнитивный обрыв связи — это поистине великолепная защита, страхующая от реальной или возможной утраты: она позволяет нам выстроить обманчивый образ отношений и партнера как превосходных (при этом несовершенство исключительно на нашей стороне). Эта защита работает как заслон, отгораживающий нас от болезненного и разрушительного знания о том, что другой человек не заботится о нас и что отношения с ним лишены чего-то очень существенного⁴². Как пронизательно сформулировал психоаналитик У.Р. Фейрберн, «лучше быть грешником в мире, которым правит Бог, чем жить в мире, которым правит дьявол»⁴³.

Боулби бросает вызов распространенным представлениям о том, что маленькие дети, полностью зависящие от заботы своих родителей, предрасположены видеть их исключительно в благоприятном свете, когда любая противоречащая этому убеждению информация игнорируется. Его наблюдения показали, что на самом деле дети склонны отрицать собственное восприятие реальности только в тех случаях, когда «ребенку, который боится, что его разлюбят или даже бросят, дают понять, что он не должен замечать враждебное отношение к нему родителей или во всяком случае считать это отношение закономерной реакцией оскорбленного родителя на его (ребенка) плохое поведение»⁴⁴.

⁴² Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 69–70.

⁴³ Fairbairn W.R.D. Psychoanalytic Studies of the Personality. L.: Tavistock, 1952. P. 66.

⁴⁴ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 71; см. также: Bowlby J. On Knowing...

Читая эти строки, я размышляю о требовании, предъявляемом девочкам в момент вступления в пору женственности: не знать о том, что они знают. В соответствии с моделью Боулби наша первая реакция на несправедливость или предательство в отношениях — это не искажение действительности и не покорность, а протест. Только когда наш протест оказывается бесплодным, когда ясное видение ситуации и жалобы приводят к наказанию ребенка или же попросту ничего не дают, мы начинаем искажать свой собственный нарратив и считать мир справедливым, а враждебное к нам отношение — вполне нами заслуженным.

Следы когнитивного обрыва связи различимы в тех стратегиях, с помощью которых мы сглаживаем эффекты патриархата в нашей жизни. У женщины отказ от своих собственных мнений и взглядов — точнее, от собственного голоса, который ей непозволительно иметь, — неотъемлемая часть самого понятия «добропорядочная женщина». Слияние с другим человеком и соответствующая утрата независимости и автономного существования — явления, наблюдаемые, согласно Боулби, в поведении детей с тревожной привязанностью, — считаются отличительными чертами «добропорядочной женщины». Обладать собственным голосом или мнением в отношениях, быть в отношениях самой собой — это вполне естественная и благая потребность в условиях патриархата объявляется скверной, эгоистической и опасной. Так же как и дети, которых изучал Боулби, женщины сталкиваются с нешуточным требованием считать мир вокруг справедливо устроенным, не замечать враждебного к ним отношения или же расценивать его как вполне ими заслуженное, как закономерную реакцию на их поведение. Так же как тревожно привязчивые дети, некоторые девочки под угрозой того, что их не будут любить или бросят, приучаются ничего не знать о том, что они на самом деле знают.

Кажется удивительным, что нам все еще приходится иметь с этим дело. Такая живучесть патриархата в сознании женщины-миллениала неожиданна. Слово «эгоистичный» мгновенно проскальзывает в речи успешного юриста-правозащитницы, записавшейся на семинар Кэрол и собирающейся получить научную степень в области права, которая признается в том, что не решается писать диссертацию на тему, по-настоящему ее интересующую: ведь это же так «эгоистично» — исследовать то, «что мне хочется знать», а не то, что «действительно важно».

Как же сильно она напоминает (ловлю я себя на мысли, хотя сама эта мысль кажется мне запретной) «Гения домашнего очага» в описании Вирджинии Вулф, воплощение женских добродетелей образца XIX столетия, которая «устроена так, что вообще не имеет собственных мнений и желаний, а только сочувствует желаниям и мнениям других»⁴⁵. Так Вулф писала в эссе 1931 г. «Женские профессии», обратив внимание на то, что, пожалуй, даже еще более губительными, нежели официальные ограничения доступа женщин к высшему образованию и профессиональной карьере, оказываются заложенные в культуре представления и ожидания, которые блокируют женщине доступ к ее собственному мнению, собственному разуму. Благодаря усилиям таких первопроходцев, как Вулф, я (как и многие женщины моего поколения) получила право на образование и финансовую независимость — привилегии, в которых было отказано всем женщинам предшествующих поколений. В университете и в профессиях, право женщин на которые отстаивала Вулф, нас часто побуждают открыто выражать свое мнение и даже иногда поощряют за это. Однако в то же самое время выражение определенных мыслей и чувств, потребностей, желаний или, боже упаси, недовольства, неудовлетворенности

⁴⁵ Вулф В. Женские профессии / пер. И. Бернштейн. — *Примеч. пер.*

или гнева продолжает быть делом довольно-таки «рискованным». Мы рискуем прослыть «сварливыми», «слишком эмоциональными», неразумными, глупыми, рискуем подвергнуться высмеиванию за то, что не понимаем шуток, портим мужчинам все удовольствие, разрушаем их репутации и жизни. В худшем случае мы сталкиваемся с яростными преследованиями или расправой. Преследованиями, которые объявляются закономерной реакцией на нашу неспособность быть очаровательными, на нашу агрессивность или сексуальную раскрепощенность, на то, что мы такие избыточные. Преследованиями, которых — вот ведь парадокс — мы могли бы, нам говорят, избежать, будь мы поувереннее в себе, как если бы понимание ситуации и протест не были сами по себе угрозой для отношений, а тем самым если не для нашего выживания, то, во всяком случае, для карьерного роста. Это совершенно ошеломительное противоречие: женщину винят за то, что она слишком уверена в себе, слишком напориста (слишком требовательная, агрессивная, одним словом — эгоистичная) и в то же время за то, что она недостаточно решительная и напористая (почему ты просто не ушла или не дала сдачи, говорят ей). Оба этих утверждения подкрепляют иллюзию справедливого мира, в котором патриархат давно отошел в прошлое и проблема только лишь в самом человеке. Это ровно та самая тенденция — винить отдельных людей вместо того, чтобы признать несправедливость системы, — которая подвигла трех чернокожих активисток создать движение «Жизни чернокожих ценны» (Black Lives Matter).

Ограничение исследовательского интереса и принесение в жертву собственных мнений во имя так называемых «отношений» по-прежнему имеют место, несмотря на все те перемены, которые произошли в жизни женщин. Самоотверженность до сих пор многими рассматривается как неотъемлемое свойство «добропорядочной женщины» —

антитеза Алой буквы. Нынешний Гений больше не привязан(а) к домашнему очагу. Ей, может, и удалось вырваться из плена навязанной домашней рутины, опутывавшей по рукам и ногам ее викторианского двойника, но ожидания самоотверженности и жертвенной заботливости все еще предъявляются ей на работе, в совете директоров и даже в большой политике. Говоря словами Вулф, представления о том, что женщинам «полагается пленять, мирить или, попросту говоря, лгать, иначе они обречены»⁴⁶, продолжают блокировать способность женщины говорить о том, что она действительно думает, чувствует и знает, и тем самым производить перемены в тех областях деятельности, к которым некоторые женщины теперь оказались допущены.

Так называемая инверсия ролей, подмеченная Боулби в поведении навязчиво заботливых детей, при которой человек скрывает собственную потребность в заботе, компульсивно заботясь о других (это своего рода смещение, но в то же время делается это в надежде, что объект заботы уловит намек), — социально предписанный сценарий взросления, навязываемый девочкам, ощущающим необходимость стать «настоящими» женщинами: сначала в подростковом возрасте, а затем когда они готовятся к материнству. Но этот идеал материнства накладывает ограничения и на тех женщин, которые матерями не становятся. Идеал самоотверженной матери порождает ожидания, что все женщины должны бескорыстно помогать другим людям, будь то члены семьи, коллеги, клиенты, начальники и т.п. От тех, кто профессионально ухаживает за детьми или пожилыми людьми, и вообще от тех, кто избрал своей профессией помощь людям, ждут, что они будут работать за небольшие деньги, просто потому что добродетель

⁴⁶ Вулф В. Женские профессии. — *Примеч. пер.*

тель сама себе награда, а забота о других не нуждается в материальной компенсации.

Утверждение Боулби, что компульсивная заботливость является патологической, потому что мешает нам получать столь необходимые любовь и заботу⁴⁷, эхом отзывается в наблюдении Кэрол, согласно которому женский императив бескорыстно заботиться о других препятствует отношениям, поскольку вынуждает женщину самоустраниться. Приравнивание заботы к самоотверженности — огромное препятствие, лишаящее женщину права на собственный голос: их собственные переживания — чувства, мысли, желания и убеждения — не принимаются в расчет. Поднимая на щит идеал бескорыстной и заботливой женщины, культура патриархата поощряет в женщинах защитное жертвование отношениями во имя «отношений». И в то же время она затушевывает деятельность, которую подразумевает забота о людях, всячески маскируя тот факт, что забота о других абсолютно невозможна, если не находиться с этим человеком или людьми в отношениях. Эта культура замалчивает, затушевывает интеллектуальные качества и таланты, необходимые для заботы о других, оправдывая таким образом низкие зарплаты для профессионалов в данной сфере.

За месяцы работы над этим проектом я научилась вычленять нарратив, вырисовывающийся в бесчисленных

⁴⁷ Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 3. P. 411. «С точки зрения изложенной здесь теории поведение, о котором идет у нас речь, следует рассматривать как альтернативу поискам любви и заботы. Поскольку это такое поведение, которое несовместимо с поисками любви, и также в силу самого того факта, что оно приносит некоторое утешение и обычно в высшей степени одобряется взрослыми, всегда существует риск, что забота о других людях станет таким рутинным способом, к которому прибегают автоматически там, где гораздо более правильной реакцией было бы обращение к кому-то, кто мог бы позаботиться о тебе самом».

беседах с друзьями о романтических отношениях: умные преуспевающие женщины жалуются на то, как сильно их личность и привычки меняются в отношениях с мужчинами. Эти гетеросексуальные женщины начинают задаваться вопросом, кто же они на самом деле, а потом начинают мечтать о мужчине, который сумеет увидеть и полюбить их такими, какие они есть, и своей любовью поможет им вернуть себе утраченное ощущение собственного «я». Я сама очень часто проигрывала такой сценарий в своих мечтах. Я стала размышлять обо всех тех способах, которыми нам, женщинам-миллениалам, прямо или косвенно дают понять, что, самоотверженно заботясь о нуждах других людей, мы в ответ получим от них заботу о наших потребностях и что чувство собственного «я», которым мы пожертвовали ради «отношений», можно будет вернуть себе посредством любви и признания со стороны более могущественного другого.

Поверить не могу, что я все еще повторяю этот патриархальный сценарий. Несмотря на все важнейшие завоевания женщин-профессионалов, таких как я сама, несмотря на все успехи феминизма, высмеивание правдивого, подлинного голоса женщины — голоса «эгоизма», «заикленности на себе», слишком громкого, избыточного, а также никуда не девшаяся идеализация женской самоотверженности, пусть и в новых обликах, провоцируют вынужденное оборонительное поведение. Потребность в отношениях по-прежнему приносится в жертву ради «отношений» в надежде, что, может быть, таким образом желания, потребности и взгляды, которые нельзя озвучивать, будут в какой-то мере удовлетворены. Патриархальный сценарий функционирует так же, как и заместительная модель, описанная Боулби в связи с феноменом навязчивой заботливости. Боулби заметил, что объект заботы является заместителем самого заботящегося; точно так же женщинам дают понять (хотя и более тон-

ким способом), что удовольствия, в которых они себе отказывают, можно будет испытать косвенно, через супруга и/или детей или же через других людей или дело, которому они себя «бескорыстно» посвятят.

Это подводит нас к более серьезным и глубоким наблюдениям. Сторонники теории привязанности заметили, что две защиты против утраты — тревожная привязанность (или компульсивная заботливость) и избегание привязанности (компульсивная самодостаточность) — могут работать в тандеме, порождая систему взаимных проекций: например, среди ровесников избегающие привязанности обычно становятся агрессорами, а тревожно привязчивые — их жертвами. Каждый проецирует на другого отщепленную, непризнанную часть собственного «я», не в силах забыть о ней и завидуя другому. Агрессор проецирует на жертву собственные уязвимость, потребность в признании и печаль, в которых он не смеет себе признаться; а жертва проецирует на обидчика уверенность в себе и силу, на которые она не смеет претендовать⁴⁸. Отношения взаимности — краеугольный камень близости — таким образом подменяются отношениями взаимодополнительности, т.е. такими отношениями, при которых каждый бессознательно ищет в другом то, чего не может увидеть или принять в самом себе.

Я была поражена тем, до какой степени патриархат — гетеронормативная культура, основанная на предполагаемой взаимодополнительности мужчин и женщин, — опирается как раз на такую систему взаимных проекций. На женщин оказывается давление, чтобы они стали таким контейнером, куда мужчины могут проецировать свои отчужденные и непризнанные эмоции, потребность в заботе и ранимость. Чтобы сохранять статус контейнеров

⁴⁸ Holmes J. Attachment, Intimacy, Autonomy: Using Attachment Theory in Adult Psychotherapy. New Jersey: Rowman & Littlefield, 1996. P. 100.

для мужской ранимости и зависимости, женщины должны отказаться от способности позаботиться о самих себе. А идея могущественного неуязвимого мужчины становится контейнером, куда женщина может поместить все свои желания и таланты, от которых она была вынуждена отказаться. Это объясняет, почему любая попытка сопротивления или отказ быть контейнером со стороны как мужчин, так и женщин либо, если уж на то пошло, отказ встраиваться в гендерную бинарность провоцируют ответную ярость, интенсивность которой не перестает нас удивлять.

Когда я пишу эти строки, я размышляю о том, что в патриархальной культуре каждый следующий шаг к освобождению женщин может расцениваться мужчинами как угроза утраты. Пока женщины довольствуются положением самоотверженных опекунов — удовлетворяя потребность мужчин в заботе и одновременно скрывая, что они это делают, поддерживая тем самым иллюзию отсутствия такой потребности в принципе, — мужчинам не надо иметь дело со своим страстным желанием любви и заботы, потому что мы начинаем осознавать свои потребности только тогда, когда они не удовлетворены. Продвижение женщин на пути к свободе может, таким образом, пробуждать в мужчинах чувства, которые они всегда считали постыдными, — желание любви и нежного сочувствия, которое им пришлось отринуть в момент взросления. В таком свете ярость и ненависть по отношению к феминизму не только отражают страх мужчин, что, если женщины освободятся, мужчины утратят свое положение, власть или честь; они также показывают, что женщины служат контейнерами, скрывающими в себе потребности, которые мужчины вынуждены были в себе отринуть. В этом смысле насилие или угроза насилия становятся способом избавиться от постыдных чувств уязвимости и тоски по любви, а также отчаянной попыткой удержать женщину,

чтобы она не ушла. Самый опасный ход, который может сделать женщина, находящаяся в абьюзивных отношениях с мужчиной, — ход, который очень опасен для нее самой, — это попытка уйти.

Если подвести итоги, исследования Боулби показывают, что переживание отчаяния — утрата веры в возможность возобновления отношений после опыта разлуки — может привести к возникновению двух защитных механизмов: симбиотической привязанности и отчуждения, того, что мы называем псевдоотношениями и псевдонезависимостью. Эти защитные стили отношений, в спектре от слияния до отстранения и отчуждения, в конечном счете призваны уберечь человека от одной и той же беды: невыносимой угрозы невозполнимой утраты. В основе и того и другого механизма — отказ от подлинной связи в попытке оградить себя от боли утраты, которая кажется неизбежной. Отсюда и стремление пожертвовать отношениями ради «отношений». Отсюда связь между психологией утраты и живучестью патриархата. Теперь, когда мы это знаем, мы переходим к нашим трем открытиям.

Три открытия

КЭРОЛ: Наше первое открытие вытекает из наблюдения, что траектория сопротивления, которую мы с коллегами проследили в ходе наших исследований развития, параллельна траектории описываемых Боулби реакций на утрату. Переход от здорового сопротивления к сопротивлению политическому, а затем к психологическому сопротивлению, или диссоциации, соответствует у Боулби переходу от протеста к отчаянию и отчуждению. Такой вывод кажется очевидным: инициационное посвящение в патриархальную систему влечет за собой столкновение с утратой. И мы видели, что это за утрата: отречение от отношений во имя «отношений». Такова цена вхождения в патриархальный порядок вещей.

Механизм также вполне понятен. Гендерная бинарность, отделяя разум (мужское), сознание и мышление от чувств и эмоциональных переживаний (женское), разрывает, как показали Дамасио, Леду и другие нейробиологи, жизненно важные связи между нашими мыслями и чувствами, — связи, существующие на неврологическом уровне (при условии отсутствия травмы)¹. Разум от чувства отделяется в результате травмы, а не нормального развития, объясняет Дамасио в своей книге «Ошибка Декарта». То, что принималось за необходимое условие ра-

¹ Damasio A.R. *Descartes' Error...*; Damasio A.R. *The Feeling of What Happens...*; LeDoux J.E. *The Emotional Brain*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.

ционального мышления (рассудок, не замутненный эмоциями), оказалось, наоборот, признаком повреждения, травмы.

Так же дело обстоит и с расщеплением на «я» (мужское) и отношения (женское). Желание и способность откликаться на другого, вступать с ним в отношения присутствуют, по крайней мере в рудиментарной форме, практически с рождения — поэтому отделение «я» от отношений, которое принято было рассматривать как признак независимости и эмоциональной зрелости, на самом деле свидетельствует о столкновении с травмой утраты. Огромный вклад Боулби состоит в том, что он подтверждает это предположение.

Как в случае с мифом об Эдипе никогда не говорилось, что в основе его лежит травма, так и здесь, до того как были сделаны эти открытия в области неврологии и создана теория привязанности, травма маскировалась под естественный порядок вещей или же ошибочно считалась этапом нормального развития. Патриархат с его гендерной бинарностью и иерархической структурой рассматривался как часть естественного порядка вещей, до тех пор пока исследования развития не пролили свет на сопротивление у девочек. То, что раньше считалось сепарационными проблемами девочек, при ближайшем рассмотрении оказалось проблемой, которую девочкам навязывает патриархальная культура, вынуждающая их отказаться от своего голоса, от честного и прямого мнения, заплатив такой ценой за возможность иметь «отношения». Эти исследования выявили психологическое противоречие в самом сердце того, что считалось нормальным психическим развитием: выбор между собственным голосом (своим «я») и отношениями не имеет никакого смысла. Более того, самые смысленные и самостоятельные девочки даже сумели это противоречие описать. Например, когда слушаешь, как 13-летняя Нура описывает «идеальные от-

ношения» как такие, в которых «никогда не ссорисься... ну, типа не споришь никогда, типа “да-да, полностью с тобой согласна”»², то понимаешь, что говорит она с иронией и фигой в кармане.

Как выяснилось, это ни для кого не секрет. Нужно щадить чувства других людей, со всеми ладить и «не рассказывать лодку», не конфликтовать, не быть эгоисткой, не быть резкой, грубой и необаятельной — во имя всего этого от девочек, превращающихся в молодых женщин, требуется не спорить, не ссориться и быть «полностью согласными». Им на все лады твердят, что они должны устраниться (устранить свой голос, искренне выражающий их подлинные чувства, мысли и желания) из отношений, а в обмен на молчание и отречение от настоящих отношений им обещают всяческие награды: честь, богатство, брак желанный (как Миранде в «Буре»), работу, стипендии — список можно продолжать до бесконечности. Но это тоже никогда не было секретом. Как писала Эмили Дикинсон, «Так столкнется с собой, испугавшись / Собственной тени»³. В своем дневнике Анна Франк записала: «...моя душа как бы раздвоена», а чуть ниже добавила: «...я не высказываю вслух того, что чувствую»⁴.

«Прожектор» исследований, направленный на девочек, позволил и в мальчиках распознать ту же стратегию устранения из отношений: они скрывают свою эмоциональную восприимчивость, свой эмоциональный интеллект (о чем пишет Джуди Чу), выходят из близких отношений с другими мальчиками, с которыми раньше делились самыми сокровенными тайнами (о чем довелось узнать

² Brown L.M., Gilligan C. Meeting at the Crossroads... P. 119.

³ Dickinson E. Poem 670 (1863, excerpted) // The Complete Poems of Emily Dickinson / T.H. Johnson (ed.). Boston, MA: Little, Brown, 1960. P. 333; Dickinson E. One need not be a Chamber. (Пер. с англ. Е. Айзенштейн. — *Примеч. пер.*)

⁴ Пер. Ю. Могилевской. — *Примеч. пер.*

Найоби Уэй). Сокровенная тайна на самом деле тайной не являлась. Нужно было просто задавать вопросы и затем очень внимательно слушать, стараясь уловить то, о чем не говорится, пытаясь распознать культурные стереотипы, не позволяющие нам увидеть то, что прямо перед носом, или услышать то, на что понадобились бы всего пара вопросов и терпеливое заинтересованное присутствие, — одним словом, не дающие нам уяснить вполне очевидные вещи.

И все же даже сейчас, когда я пишу эти строки, мне не очень хочется говорить о патриархате. Словно о нем стыдно упоминать. А возможно, дело в том, что, говоря о патриархате, рискуешь увязнуть в болоте недопонимания и неверного истолкования.

В этом отношении наше открытие многое прояснило. Соппротивление детей инициации, движущими силами которой являются гендерная бинарность и иерархия (строительные блоки патриархального порядка), воспроизводит ту же траекторию, что и реакции детей на утрату: протест, сменяющийся отчаянием и отчуждением. Главный вклад патриархата состоит в том, что он способствует переходу от протеста к отчуждению, т.е. приводит к утрате отношений, предательству любви или отказу от своего «я», своего голоса, и это устраняет главную помеху на пути сохранения (из поколения в поколение) иерархического порядка.

Еще конкретнее: когда мальчик плачет и подвергается за это насмешкам и бойкоту или когда девочка открыто выражает свои мысли и чувства и подвергается за это остракизму, их столкновение с кодами и сценариями патриархальных мужественности и женственности происходит в виде разрыва отношений. Если повнимательнее приглядеться к детям в такой момент, можно различить, как меняются интонации их голоса и как исчезает наполнявшее их удовольствие. После целого ряда такого рода стол-

кновений, когда инициация наконец приходит к завершению, всякая попытка установить подлинные отношения будет ставить под угрозу их мужественность или женственность.

Утрата отношений рационализировалась и оправдывалась как необходимая жертва, как цена взросления. Ее называли переходом от зависимости к независимости, от необузданного поведения к вежливости и внимательности. Но это требование подчиниться гендерным кодам патриархата встречает сопротивление, потому что, уступая им, мы теряем отношения, в которых действительно нуждаемся, отношения, которые, как показывают тысячи современных исследований, напрямую связаны со здоровьем, долголетием и даже отсутствием «страха перед математикой» (math anxiety)⁵.

Однако здоровое сопротивление утрате связи у детей вступает в противоречие с факторами, которые отвечают за стремление у мальчиков пожертвовать отношениями, а у девочек — стать уступчивыми и самоотверженными. Тогда протест, связанный со здоровым сопротивлением, превращается в политическое сопротивление, которое в отсутствие отклика или перед лицом какой-либо угрозы уходит в подполье, становясь психологическим сопротивлением, т.е. нежеланием знать о том, что знаешь, — что, в свою очередь, прокладывает путь от отчаяния к отчуждению.

В таком свете понятным становится внезапное повышение уровня психологического дистресса у мальчиков в возрасте от 4 до 7 лет, у девочек приблизительно от 11 до 14 лет и у мальчиков среднего и позднего подросткового возраста. Это согласуется с представлениями о том, что

⁵ *Umberson D., Karas Montez J. Social Relationships and Health: A Flashpoint for Health Policy // Journal of Health and Social Behavior. 2010. Vol. 51. No. 1 (supplement). P. S54–S66; Bosmans G., De Smedt B. Insecure Attachment is Associated with Math Anxiety in Middle Childhood // Frontiers in Psychology. 2012. Vol. 6. P. 1596.*

именно в эти периоды происходит гендерная инициация, создающая психологическое напряжение для детей, потому что она угрожает отношениям. Подобные признаки или симптомы знакомы всякому, кто живет или работает с детьми: у мальчиков 6–7 лет уплощается эмоциональная отзывчивость и одновременно внезапно обостряются расстройства, связанные с обучением, вниманием и речью; у мальчиков в доподростковый период депрессия более распространена, чем у девочек; а в подростковый период уровень депрессии у девочек внезапно резко повышается и сопровождается расстройствами пищевого поведения, самоповреждением и другими формами разрушительного поведения; у мальчиков среднего и позднего подросткового возраста растет уровень суицидов и других видов опасного для жизни поведения. Эти симптомы психологического дистресса могут рассматриваться как признаки отчаяния и отчуждения, проявляющиеся, по наблюдениям Боулби, у детей, когда их протест против утраты оказывается неэффективным.

Открытие № 2. Две формы отчуждения, которые Боулби описывает как патологические защиты от утраты, — это и есть патриархальные идеалы мужского и женского поведения. Тревожная привязанность, или навязчивая (компульсивная) заботливость, — это псевдоотношения, в которые вовлекается самоотверженная настоящая женщина; а отчуждение, или навязчивая самодостаточность, — псевдонезависимость героического мужчины. Согласно наблюдениям Боулби, в окружении, враждебно относящемся к проявлениям уязвимости, — именно таковы патриархальные нормы для мальчиков — отчуждение будет принимать форму псевдонезависимости. А в ненадежном или нарушающем границы, «засасывающим» окружении, враждебно воспринимающем проявления свободы, — таковы патриархальные нормы для девочек — отчуждение принимает форму псевдоотношений.

Таким образом, то, что традиционно считалось здоровым этапом в нормальном, или нормативном, гендерном развитии, правильнее было бы рассматривать как патологическую реакцию на утрату. Такой выход из отношений, обусловленный гендерными стереотипами, не только является культурным фактором, сохраняющим структуры и политику иерархического порядка и оправдывающим или маскирующим угнетение, но также выполняет психологическую функцию: он защищает нас от переживания невыносимого чувства утраты, которая кажется невозполнимой. Более того, именно во имя нравственности — женской порядочности и мужской чести — эти защитные реакции на утрату позволяют сохранять в неприкосновенности структуры подчинения и господства, молчания и насилия, лежащие в основе патриархального порядка.

В этом обряде посвящения в патриархальный дуализм как в зеркале отражается характерное для обоих защитных механизмов — отчуждения и тревожной привязанности — расщепление между мышлением и чувствами, «я» и отношениями. Подобное расщепление не дает нам видеть вред, который причиняет нам тревога по поводу нашей мужественности или женственности, препятствующая честным и открытым отношениям с другими людьми. Это очевидным образом проявляется в том, как мы воспринимаем — точнее, в том, как нам не дают распознать, — влияние, оказываемое патриархатом на нашу жизнь. Неспособность почувствовать или осознать раны, наносимые нам патриархатом, — это своего рода анестезия, делающая нас нечувствительными к боли, которая приходит вместе с осознанием, но цена этой нечувствительности заключается в том, что мы ничего не делаем, чтобы противостоять живучести патриархата.

«Я думаю, я просто рассмеялся бы, если бы мне тогда сказали, что я нахожусь под влиянием сил, действующих в “Орестее”, трилогии Эсхила 458 г. до н.э.», — размыш-

ляет Адам. Это наблюдение, сделанное сразу после избрания Трампа, показывает, насколько сложно распознать несправедливость в мире, в котором мы живем, насколько тревожным и опустошающим подобное осознание может быть даже перед лицом, казалось бы, неопровержимых доказательств, таких как расизм, женоненавистничество и гомофобия Трампа. Тем из нас, кто, подобно Джеки и Адаму, ломают голову над тем, откуда возник разрыв между нашими желаниями и нашими реальными действиями, приходится иметь дело с внутренним и внешним давлением, и мы стремимся избежать конфликта, примиряясь с социальным дискурсом. Рационализируя свое поведение и считая, что мы поступаем так в наших собственных интересах — не надо гнать волну, изнасилование не стоит того, чтобы преследовать Тома по суду и испортить ему жизнь, а утрата дружбы — это всего лишь нормальный этап взросления, — мы закрываем глаза на знание, которое неопровержимо доказало бы нам, что патриархат по-прежнему живуч и опасен.

Есть люди, которые, как и дети в исследованиях Боулби, упорно держатся за идею, что мир справедлив, неравнодушен и готов откликнуться на их нужды. Им кажется, что патриархальные коды мужественности и женственности давно устарели, вышли из употребления. Или же они рассматривают их как естественный порядок вещей, как проявление Божьей воли. Даже тем, кто сознательно отвергает патриархальный дискурс, трудно противостоять самообвинениям. Любое несоответствие идеалу им проще объяснить своими недостатками, с которыми они должны разобраться самостоятельно, нежели признать, как это пришлось сделать Адаму и Джеки, что они действовали под давлением социальных норм, заставивших Адама разорвать узы, которые он не хотел разрывать, а Джеки — молча принять неприемлемое. То есть отказываясь видеть влияние на их поступки того, что Адам называет

основой патриархата и мужественности, а Джеки называет женственностью.

Многим моим читателям проще было воспринимать «другой голос», о котором я пишу в своих работах, как женский, нежели понять, что это — человеческий голос, который начинает звучать как «женский», только когда в игру вступает патриархат. Им проще было наклеить на мои работы ярлык эссенциалистских и тем самым не разглядеть в них культурной критики, которая лежит в основе моих размышлений. Проще сосредоточиться на раздорах между девочками и считать, что такое соперничество для них нормально, нежели увидеть, как в тот момент, когда они становятся юными женщинами, они пытаются сопротивляться культурному дискурсу, который отделяет их друг от друга и от самих себя. То есть — сопротивляться патриархальному порядку, основанному на том, что женщины враждуют друг с другом и подстраиваются под мужчин. Обесценивать всегда проще, чем примкнуть к сопротивлению.

Но еще более коварно — и это наше третье и самое удивительное открытие — патриархальные гендерные роли, коды и сценарии мужской чести и женских добродетелей действуют, когда закрепляют переход от протеста к эмоциональному отчуждению, парализуя нашу способность к восстановлению отношений. Они обесценивают те наши свойства, которые жизненно важны для исцеления разрывов связи, и таким образом лишают нас способности сохранять отношения и преодолевать разногласия. Патриархальные конструкции мужественности и женственности разрушают способность к восстановлению отношений, высмеивая протест как то, что недостойно мужчины и непозволительно женщине. Они искажают реальность таким образом, что искренние голоса девочек кажутся пронзительными, грубыми, глупыми, эгоистичными, противными или безумными, слишком громкими или слишком агрессивными; а робкие голоса чувствительных,

отзывчивых мальчиков — голоса любви, заботы и умиленного сострадания — презрительно высмеиваются, потому что это ребячество, слабость, зависимость, пассивность, это девчачьи или гейские голоса.

В своей работе «Разобраться в патриархате» bell hooks очень точно описывает, как именно патриархальному концепту мужественности удастся создать неустранимый разрыв⁶. Чтобы посвятить мальчиков в правила патриархата, объясняет она, «мы принуждаем их испытывать боль и отрицать собственные чувства»⁷. То же самое можно сказать и о девочках: мы принуждаем их испытывать гнев и при этом отрицать его. В качестве примера работы этого механизма она приводит впечатляющее описание личного опыта, показывая, как патриархальные гендерные коды оказали значительное влияние на их с братом воспитание и на «формирование [их] идентичности»⁸:

[Моего брата] научили, что мальчик не должен выражать свои чувства. Меня же научили, что девочка может и должна выражать свои чувства, по крайней мере некоторые из них. Когда я стала яростно возмущаться, что мне не дают желанную игрушку, мне, девочке, росшей в патриархальном доме, объяснили, что ярость — неподобающее чувство для женщины, ее не только нельзя выражать, но нужно полностью в себе истребить. Когда мой брат яростно возмущался, что ему не дают игрушку, ему, мальчику, росшему в патриархальном доме, объяснили, что выражать ярость — это хорошо, но что свои враждебные чувства он должен выра-

⁶ bell hooks. *Understanding Patriarchy*. Louisville: Louisville Anarchist Federation and Louisville Lending Library, 2013. (bell hooks — псевдоним американской писательницы и активистки Глории Джин Уоткинс. Пишется именно так, с маленьких букв, поэтому при переводе мы решили оставить оригинальное написание в латинице. — *Примеч. пер.*)

⁷ Ibid. P. 2.

⁸ Ibid. P. 1.

жать в других обстоятельствах и другой обстановке. Нельзя яростно сопротивляться желанию родителей; но позже, когда он вырос, его научили, что ярость мужчине позволительна и что насилие, к которому его побуждает ярость, может ему защитить свой дом и свою страну⁹.

Этот пронзительный пассаж напоминает нам о том, что все патриархальные семейства похожи друг на друга, невзирая на расовые и классовые различия.

Исследования Боулби показывают, что в тот момент, когда наша психика перестает сопротивляться утрате связи, когда мы жертвуем отношениями ради «отношений», протест начинает казаться нам безнадежным, а утрата — неизбежной. Протестовать можно только тогда, когда есть надежда на восстановление; а без этого здоровое сопротивление, ставшее сопротивлением политическим, уступает место отчаянию и затем отчуждению, эмоциональной изоляции.

Но протестный потенциал не исчезает. Одиннадцатилетняя Тесси, участница исследований развития девочек, объясняет, что «ссора помогает отношениям продолжаться», потому что благодаря ссоре ты начинаешь понимать, «что человек чувствует», и учишься «не задевать его чувства»¹⁰. Вопреки стереотипным представлениям о девочках, которые либо «милые», либо «злые», девочки в предподростковом возрасте, такие как Тесси, склонны действовать как натуралисты в мире людей. Тесси описывает отношения как активные и связанные с процессом исследования. Ты узнаешь, что чувствует другой человек, и таким образом учишься не задевать его чувства, но верно и обратное: ты должен выразить свои чувства и мысли, чтобы другой человек научился не задевать твои чувства. И это взаимосвязанные вещи: чем честнее ты выра-

⁹ *bell hooks*. *Understanding Patriarchy*. P. 1.

¹⁰ *Gilligan C.* *Joining the Resistance*. P. 132.

жаешь свои мысли и чувства, тем честнее будет с тобой другой человек. Правда, так можно заодно научиться, как обижать другого, но, похоже, Тесси это не особенно шокирует. Наверное, она бы просто объяснила, что, если хочешь сохранить отношения, нужно стараться не задевать чужие чувства.

Благодаря Тесси мы выяснили, что для сохранения отношений исключительно важно уметь выразить свои настоящие мысли и чувства, в том числе гнев. Но обратившись к литературе о женщинах, мы получим совсем другую картину. В исследовании 2008 г. под названием «Могут ли сердитые женщины сделать успешную карьеру?» делались выводы, что гнев мужчин поощряется, в то время как гневающиеся женщины воспринимаются и мужчинами, и женщинами как некомпетентные и не заслуживающие властного положения на работе¹¹. В данном случае исследователи не рассматривали факторы расы, класса или религии, но мы знаем, что гнев небелых женщин осуждается даже еще более сурово, воспринимается как взрывоопасный и неприемлемый¹². Это исследование напоминает нам о том, что даже в культуре, которая признает равенство женщин и право женщины на то, чтобы с ней обращались так же, как с мужчинами, может активно проявляться дискриминация женщин. И в особенности женщин, которые считаются сердитыми и гневливыми.

Это особенно верно в политическом контексте. Гарвардское исследование 2010 г. показало, что те его участники, которые считали женщин-политиков амбициозны-

¹¹ *Brescoll V.L., Uhlmann E.L.* Can an Angry Woman Get Ahead? Status Conferral, Gender, and Expression of Emotion in the Workplace // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19. No. 3. P. 268–275.

¹² См., напр.: *Morris M.* Pushout: The Criminalization of Black Girls in Schools. N.Y.: The New Press, 2015; *Ritchie A., Davis A.Y.* Invisible No More: Police Violence Against Black Women and Women of Color. Boston: Beacon Press, 2017.

ми и тем самым обладающими субъектностью и самостоятельностью, в то же время полагали, что у них отсутствует чувство принадлежности к какой-то общности (т.е. что они не заботливые и равнодушные) и потому они подлежат моральному осуждению¹³. Иначе дело обстояло с восприятием амбициозных мужчин-политиков, которым приписывались самостоятельность, решительность и компетентность. С точки зрения патриархальной культуры самостоятельность и независимость женщин, их способность выражать свой гнев, отстаивать свои убеждения и добиваться своих целей — то, что, по мнению Тесси, позволяет «отношениям продолжаться», — это, наоборот, проявление эгоизма, препятствующее отношениям. Несмотря на все перемены, несмотря на значительное продвижение в сторону равенства полов, самоотверженность все еще продолжает считаться основной женской добродетелью. Женщина, добивающаяся властных позиций и таким образом демонстрирующая свою независимость и самостоятельность, все еще рискует прослыть эгоистичной, равнодушной и тем самым нравственно ущербной.

Размышляя о своей президентской кампании, Хилари Клинтон заметила: «Как только я перестала служить кому-то — мужчине, президенту — и стала сама добиваться этой должности, на меня тут же обрушился шквальный огонь непристойных намеков, негатива, агрессии, которые всегда выпадают на долю женщины, желающей двигаться вверх по карьерной лестнице»¹⁴. Очень легко забыть, что до своей президентской кампании, когда она

¹³ Okimoto T.G., Brescoll V.L. The Price of Power: Power Seeking and Backlash Against Female Politicians // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. No. 7. P. 923–936.

¹⁴ Цит. по: Traister R. Hillary Clinton Is Furious. And Resigned. And Funny. And Worried // *New York Magazine*. May 26, 2017. <<http://nymag.com/daily/intelligencer/2017/05/hillary-clinton-lifeafter-election.html>> (дата обращения 14.01.2018).

была госсекретарем при Бараке Обаме, Клинтон считалась самоотверженным государственным служащим с безупречной репутацией¹⁵.

Очернение и принижение женщин, осмеливающихся сопротивляться и публично выражать свое мнение, особенно на политической арене, всегда было отличительной чертой патриархальной культуры. В книге 2017 г. «Женщины и власть: манифест» специалист по античной культуре Мэри Бирд прослеживает эту траекторию от Древней Греции до наших дней, проводя параллели между мифом о Филомеле, которую изнасиловали, а затем отрезали ей язык, и историей сенатора Элизабет Уоррен, которую лишили слова, показывая, что «затыкать женщинам рот в западной культуре принято уже не одно тысячелетие»¹⁶. Мы хотим внести в это исчерпывающее исследование культурных факторов, ответственных за унижение и принуждение женщин к молчанию, психологическое измерение: чтобы существование патриархата продолжалось, необходимо заглушить голос протеста, гнева и надежды.

Мужчинам предоставлено гораздо больше свободы действия в публичном поле, но их голоса — что и в каких именно выражениях им позволено говорить — также подвергаются культурным ограничениям, прежде всего любое проявление того, что считается «женским», особенно ранимости и потребности в отношениях. Многие маль-

¹⁵ На момент ухода Клинтон с поста госсекретаря в январе 2013 г. рейтинг одобрения ее деятельности составлял 69%, что делало ее самым популярным политиком в стране и вторым по популярности госсекретарем с 1948 г. См.: *Doyle S. America Loves Women Like Hillary Clinton — As Long As They're Not Asking For a Promotion // Quartz. February 25, 2016. <<https://qz.com/624346/america-loves-women-like-hillary-clinton-as-long-as-theyre-not-asking-for-a-promotion>>* (дата обращения 15.01.2018).

¹⁶ *Beard M. Women & Power: A Manifesto. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2017; Бирд М. Женщины и власть: манифест. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.*

чики из исследования Найоби Уэй использовали выражение «не гомик» (no homo), чтобы откоститься от эмоциональной близости с другими мальчиками¹⁷. Некоторые мальчики отличались тем, что стремились выразить потребность в эмоциональной близости, но в целом, по наблюдениям Уэй, преобладала одна тенденция. В раннем подростковом возрасте три четверти мальчиков из ее исследования говорили, что хотят близких отношений с другими мальчиками и выражали уверенность, что друзья не предадут их, не выдадут их секретов и не будут над ними смеяться¹⁸. Эти мальчики были знакомы с маскулинными стереотипами — и часто твердили мантры типичных мачо, — но тем не менее они противостояли этим мантрам, поддерживая доверительные дружеские отношения с другими мальчиками и открыто выражая потребность в эмоциональной близости¹⁹. Доверие играло важную роль в этом сопротивлении. В позднем подростковом возрасте все менялось. Голос, который мальчики расценивали как естественное выражение любви — как сказал Джастин о своей привязанности к лучшему другу, «так уж человек устроен»²⁰, — теперь начинает восприниматься как «гейский». Простое желание близости с кем-то теперь считается «девчачьим», «для слабаков». Им хотелось той близости, которая у них когда-то была, но теперь они знали, что эмоциональные качества, необходимые для такой близости, стали опасностью, помехой отношениям. В ответ на такой, по всей видимости, неразрешимый кризис в отношениях многие мальчики просто «прикрывали солнце ладонью» и заявляли, что утрата была неизбежной, что им нет дела, плевать, они ничего такого не чувствуют и во-

¹⁷ *Way N. Deep Secrets...* P. 220–221.

¹⁸ *Ibid.* P. 92.

¹⁹ *Ibid.* P. 93.

²⁰ *Ibid.* P. 1.

обще им никто не нужен»²¹. Этим отказом от веры в то, что отношения можно восстановить, маркируется сдвиг от здорового сопротивления к психологическому. Голос, необходимый для устранения разрывов в отношениях, заглушается во имя мужественности и женственности.

Так гендер порождает разрывы, которые невозможно залатать. Маскулинное табу на нежность, как и фемининный запрет на самовыражение, открывает путь целому ряду предательств и патологий в отношениях. И в то же самое время, высмеивая проявления не только ранимости, но и нежности у мальчика, запрещая девочке выражать свои истинные мысли и чувства, запрещая ей знать, чего она на самом деле хочет и чего не хочет, эти гендерные коды разрушают саму нашу способность видеть разрывы в отношениях — не только те, от которых мы страдаем, но и те, которые мы сами создаем.

Утрата того, что мы называли подлинными, или аутентичными, отношениями, — как, например, игра матери и младенца в том ролике на YouTube — оказывается неизбежной, когда голоса, необходимые для восстановления отношений, становятся, наоборот, угрозой для отношений. То, что Боулби называет функциональным гневом, — гневом, связанным с надеждой, который служит топливом для усилий по восстановлению связи, — это протест против утраты отношений, выражение здорового сопротивления. Но все же это гнев. И поэтому важно расслышать в этом гневном голосе надежду, не сбрасывая ее со счетов как что-то неподобающее мужчине, как выражение нужды; важно не воспринимать гневный голос женщины как истерический, безумный, разрушительный и опасный.

Разрыв отношений становится необратимым, когда голос надежды остается без ответа. Протест, оказавшийся неэффективным, закладывает основу для сдвига от «гнева на

²¹ Ibid. P. 209.

дежды» к «безнадежному гневу», а затем к «гневу отчаяния» — дисфункциональному гневу, который претерпевает искажения и смещается прочь от источника утраты. В работе под названием «Гнев надежды и гнев отчаяния: как гнев связан с депрессией у женщин» Дана Джек описывает исследование, в котором приняли участие 60 женщин, показывая, как культурные установки, требующие от женщин самоотверженности, способствуют тому, что гнев от надежды и здорового протеста смещается в сторону отчаяния и «безнадежной обреченности, ключевого элемента депрессии»²². В качестве примера того, как часто женщина направляет свой гнев на саму себя, Джек приводит историю Дженни, 34-летней белой замужней женщины с двумя маленькими детьми. Дженни говорит о гневе, возникающем из-за попыток соответствовать невозможным стандартам самоотверженности. Но «вместо того чтобы рассматривать этот гнев как сигнал к действию — к тому, чтобы пересмотреть распределение ролей в семье или открыто заговорить о своих чувствах, она старается устранить сам сигнал»²³. Направляя гнев на саму себя за то, что была недостаточно самоотверженной, Дженни пытается спасти свой брак от чувств, которые, как ей внушили, могут его разрушить²⁴.

Может происходить и обратное: гнев отчаяния, таящийся под сенью мужской чести, часто выражается в ярости и выплескивается наружу²⁵, находя себе более уязвимую мишень²⁶. Эта ярость, скрывающая собственную ранимость, отталкивает других людей. Как говорит Ник,

²² Jack D. The Anger of Hope and the Anger of Despair: How Anger Relates to Women's Depression // *Situating Sadness: Women and Depression in Social Context* / J.M. Stoppard, L.M. McMullen (eds). N.Y.: NYU Press, 2003. P. 62–87.

²³ Ibid. P. 65.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Way N. Deep Secrets...* P. 185, 189.

²⁶ Ibid. P. 222. Эта яростная агрессия обычно направляется вовне. Однако в чрезвычайных обстоятельствах она может быть перена-

один из мальчиков из исследования Уэй, «меня бесит не то, что ты меня достал, меня бесит, что я по тебе скучал, но тебе я покажу, что я взбесился, потому что ты меня достал, но на самом-то деле бесит меня то, что я тебя люблю и скучаю по тебе». Ник знает, что агрессия и озабоченность вопросами социального статуса и уважения — это часто прикрытие для печали и озабоченности вопросами близости и предательства²⁷. Таким образом гнев — сигнализирующий о разрыве связи и побуждающий предпринять усилия, чтобы устранить разрыв, созданный иерархической структурой отношений, — становится орудием подавления для тех, кто наверху иерархии, и орудием самоотрицания для тех, кто внизу.

Наше третье открытие позволило нам понять, что неспособность восстановить отношения связана с неспособностью сопротивляться несправедливости. Поскольку мужчины и женщины так или иначе сталкиваются со всеми формами несправедливости — расизмом, сексизмом, гомофобией и т.д., — высмеивание протеста с позиций гендера подрывает способность человека выявлять утрату связи и сопротивляться ей.

В этом свете гендер предстает как ключевой момент всех форм подавления. Обесценивая способность к восстановлению связи, гендер отрезает все пути здоровому сопротивлению несправедливости. Когда протест оказывается неэффективным, нашим уделом становятся отчаяние и отчуждение, и нам остаются лишь воспоминания о том, от чего нам пришлось отказаться.

Гендер — это не просто перформанс. Патриархальные гендерные роли оберегают нас от риска утраты и отвержения, который всегда сопутствует настоящей близости, от страха, что нас не любят. «Настоящие мужчины», об-

правлена на собственное «я» — явление, стоящее за огромным ростом числа самоубийств среди мужчин.

²⁷ Ibid. P. 113.

рывая связь со своим желанием любви и нежности, тем самым избегают опыта предательства и боли, который у них ассоциируется с близостью, а их отношения все менее связаны с выражением эмоциональных потребностей и проявлением уязвимости. «Порядочные женщины», отстраняясь от своих истинных мыслей и чувств, избегают переживания боли, сопутствующей отношениям, не отвечающим их желаниям и интересам.

Трагическая ирония состоит в том, что защиты против утраты еще больше ослабляют нашу способность к восстановлению подлинной связи. Отказавшись от своего настоящего голоса, девочка или женщина не может поведать о разрыве в отношениях или протестовать против переживаемой ею утраты; без голоса, напрямую связанного с ее желаниями (а не с желаниями других), она не может рассказать об утрате удовольствия; ее молчание становится причиной разрыва, превращая ее в мать с неподвижным лицом, как в том видеоролике, которая формально присутствует, но на самом деле не находится в отношениях, — в человека, с которым невозможно установить подлинную связь. Но отказ от подлинного голоса, связанного с ее переживаниями и желаниями, — это также способ защититься от утраты, которая кажется неизбежной.

И точно так же, когда мальчик или мужчина отгораживается от собственной эмоциональной восприимчивости и отзывчивости, он уже не в состоянии заметить разрывы в отношениях, от которых страдают другие люди, он не может ощутить даже свою собственную утрату и в результате действует и страдает молча и вслепую. Таким образом, интернализация патриархальных гендерных кодов запускает непрерывный цикл утраты, который описывает Боулби: человек, страдающий от утраты, сам становится причиной утраты. А благодаря защитным механизмам молчания и насилия, добавим мы, сохраняются в неприкосновенности устои патриархата.

Краткие итоги

НАОМИ и Кэрол: Патриархальные гендерные роли выполняют защитную функцию — но в то же время они являются проводниками патологии. Патриархальные коды мужественности и женственности поддерживаются психологией утраты (переход от протеста к отчаянию, а затем к отчуждению), но верно и то, что психология утраты, в свою очередь, способствует сохранению политического строя. Чтобы уберечь себя от утраты, которая кажется невозполнимой, мы парадоксальным образом отказываемся от способности устанавливать отношения, необходимой для исцеления разрывов, порождаемых патриархатом и всеми видами иерархических структур. Женщины, выбирающие путь «самоотверженного» отчуждения (или тревожной привязанности), отказываются от своего подлинного голоса — голоса опыта — и тем самым дезактивируют свою способность замечать насилие и протестовать против него, а не подчиняться ему. Мужчины, выбирающие путь «самоутверждающегося» отчуждения (или компульсивной самодостаточности), отключают свой эмоциональный радар и тем самым дезактивируют свою способность сопереживать и заботиться, а это приводит к тому, что они утрачивают способность замечать то, что происходит вокруг них, и не могут устранять повреждения, от которых страдают сами и которые причиняют другим людям. Психологическая патология

ПОЧЕМУ ПАТРИАРХАТ ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЕТ?

превращается в политическую проблему, потому что, повреждая способность к восстановлению отношений, эти дисфункциональные защиты от утраты не только препятствуют любви, но и разрушают способность противостоять несправедливости.

ЧАСТЬ II ~

Теперь мы знаем. Что дальше?

НАОМИ: Прочитав работы Боулби, я стала лучше понимать свой собственный опыт утраты — как он связан с тем, каким образом я приспособлялась к патриархату и в то же время ему сопротивлялась. Смерть — это неустрашимый разрыв. Протест был бесполезен — он не мог вернуть мне отца. Поэтому протест сменился отчаянием и молчанием, которые в конце концов переросли в отчуждение. Я приспособлялась к температуре отношений, словно эмоциональный хамелеон, чтобы меня снова не отвергли или не бросили. Поскольку в моей семье и моей культуре умение приспособляться к обстоятельствам расценивалось как признак сильной и добродетельной натуры, я подавляла в себе малейшее желание протеста против утраты.

Мне постоянно твердили, какая я хорошая девочка, что не создаю проблем и не даю маме лишнего повода для беспокойства. Не помню, чтобы кто-то хоть раз спросил у меня — а как мои дела? А если бы меня и спросили, я, скорее всего, ответила бы, что все в порядке, — настолько хорошо я улавливала настроения взрослых и понимала, каким должен быть «правильный» ответ. Я довольно легко подстроилась под патриархальную модель женской добродетели, поскольку годами только и делала, что заглушала свой голос, заботилась о других, а не о себе, цеплялась за отношения, стараясь быть такой, какой меня хотели видеть другие.

Патриархат обещает добродетельным женщинам награду в виде «отношений» при условии, что они откажутся от себя ради других, — и это давало гарантию, что тебя не бросят, а этого-то я как раз и боялась больше всего на свете. Это была та самая защита от утраты, которую я создавала все свое детство. Приспосабливаясь, я снижала риск отвержения и утраты; кроме того, это была еще и страховка. Если на самом деле не вполне присутствовать в отношениях, то тебя невозможно бросить, ведь утрата приключилась бы в таком случае «не со мной».

Отключаясь от ощущения собственного «я» — своих подлинных желаний, мыслей, чувств, — я начала забывать свою личность, человека, который все время оставался как бы за пределами любого разговора. Вытесняя свои истинные желания за пределы осознания, я превратила их в загадку даже для самой себя: на каком-то уровне я перестала замечать психический ущерб, который мне причиняли «отношения», совершенно не соответствующие моим собственным потребностям. При этом, с точки зрения окружающего меня мира, я демонстрировала блестящие успехи: высшее юридическое образование, бойфренд — привлекательный юрист-итальянец; я делала успешную карьеру в качестве специалиста по международным нормам в области защиты прав человека и поступила в магистратуру школы права Нью-Йоркского университета.

В соответствии с наблюдениями Боулби моя потребность в подлинной связи с другим человеком, а вместе с ней и способность протестовать против ложных отношений были подавлены, но не утрачены навсегда. Это превращение из ребенка в «добродетельную женщину» ощущалось, с одной стороны, как убежище, а с другой — как тюрьма, из которой я мечтала сбежать. По мере того как росло ощущение плена, несвободы, усиливалось и чувство гнева. Гнев все больше напоминал ярость — а вместе с этим рос страх, что самовыражение может быть только

разрушительным. Чем больше я осознавала свой гнев по поводу утраты подлинной связи, тем больше стыдилась своих истинных чувств — настолько они противоречили моему желанию выглядеть хорошей, доброй и любящей.

Боулби считал гнев здоровой реакцией на утрату, чья задача — восстановить связь. Но в культуре, в которой женский гнев считается глубоко негативной реакцией, агрессией, угрожающей отношениям, его принято рассматривать как нечто постыдное, токсичное и опасное. Одним словом, чем больше я испытывала протест против утраты отношений, тем больше чувствовала необходимость подавить свой протест, чтобы сохранить «отношения». Я не могла вырваться из порочного круга.

Потребность в связи и протест никуда не делись, но, поскольку не было возможности выражать их открыто, они проявлялись в депрессии и тревоге, а это признаки психологического сопротивления. В результате в 25 лет я пришла к психотерапевту. Как я уже упоминала выше, мой терапевт подталкивал меня к тому, чтобы привести в отношения мои собственные мысли и чувства. Он хотел, чтобы я увидела, что мое молчание, укорененное в страхе оставленности, — это реакция на смерть моего отца, утрату, которая на самом деле произошла очень давно. Но я продолжала заглушать свой голос в отношениях — даже в отношениях с терапевтом. Почему? Потому что ощущение, что у меня «слишком громкий» голос, «слишком резкие» мнения, слишком опасные желания, было не просто «переносом» прошлого опыта на текущую реальность. Оно было весьма точной оценкой мира, в котором я живу.

Оно было реакцией на жизнь в мире, где женщины делятся на хороших и плохих и где искренний голос женщины воспринимается как слишком громкий или как безумный и может и в самом деле ставить под угрозу отношения. Понимание этого приводило к возникновению протеста у девочек на пороге взросления — часто зама-

скированного, если только не начать задавать вопросы. Так, например, когда Кэрол в ответ на реплику 13-летней Трэйси (участницы пятилетнего гарвардского проекта по изучению развития девочек) «В 9 лет мы были очень глупые» заметила, что ей и в голову не пришло бы назвать их, девятилетних, «глупыми», потому что они так много всего знали, девочка поправилась. «Я имею в виду, — сказала она, — мы были честными». Так она, по сути, сообщила исследовательнице, что в возрасте между 9 и 13 годами честный и искренний голос девятилетних девочек, который такое сильное впечатление произвел на Кэрол, начинает казаться «глупым»¹.

Под сенью кода добропорядочного женского поведения я заглушила свой честный, искренний голос и, подавив в себе способность сопротивляться и протестовать против разрывов в отношениях, добилась того, что утрата стала безнадежной, невозполнимой. Эта утрата, которая, как показал мне психотерапевт, осталась в далеком прошлом, тем не менее продолжала быть актуальной. Отчуждение в отношениях (в силу молчания и навязчивой заботливости) было, с одной стороны, патологическим (потому что не допускало близости, которой мне так хотелось на сознательном уровне), а с другой — выполняло функцию психологической защиты, поскольку, блокируя возможность подлинной близости, оно оберегало меня от утраты, которая в таком культурном контексте была неизбежной и невозполнимой. Отказавшись от подлинной близости (заблокировав свое истинное «я»), я бы не почувствовала боли отчаяния в тот момент, когда надежда на воссоединение неизбежно потерпела бы поражение.

Утрата, которую я так остро ощущала, в глазах окружающего мира утратой не была, потому что ведь у меня

¹ Gilligan C. Recovering Psyche // The Annual of Psychoanalysis. 2013. Vol. 32: Psychoanalysis and Women. P. 134.

были «отношения». А если утрата не считается утратой, то и протест твой никто не услышит. Не получая никакого отклика, мой протест казался мне глупым и постепенно сменился молчанием. Мы начали этот исследовательский проект, чтобы понять, почему патриархат — система, которая блокирует формы отношений, в которых мы так нуждаемся, — столь живуч. Мы нашли ответ на свой вопрос. Навязывая нам утраты, высмеивая протест, искажая ответную реакцию, патриархат толкает нас на путь, ведущий от протеста к отчаянию и отчуждению — психологическому защитному механизму, отгораживающему нас от тех частей нашего «я», которые необходимы для исцеления разрывов в отношениях, в том числе для устранения различных форм несправедливости (расизм, сексизм и другие виды угнетения), возникающих из-за этих разрывов.

Но это еще не конец истории. Не получая отклика, мое желание подлинной связи, мой гнев, порождаемый культурой, столь нечувствительной к моим потребностям и чувствам, тем не менее не исчезли полностью, а просто «заснули». В то время как страх утраты парализовал мою способность к сопротивлению и не давал мне громко и отчетливо выражать свои истинные мысли, сильнейшая потребность в подлинной связи тянула меня в противоположном направлении. И она притянула меня к Нью-Йоркскому университету (под тем предлогом, что я должна продолжать свою карьеру в сфере международного права, хотя в глубине души я знала, что дело не в этом) и подтолкнула записаться на семинар по «сопротивлению несправедливости».

Именно здесь, прочитав исследование Кэрол про то, как девочки сопротивляются утрате и как это связано с политикой сопротивления, я наконец-то получила отклик на протест против культурно одобряемого и замаскированного под норму опыта утраты. И только сопоставив мой личный опыт утраты — смерти отца — с политикой

несправедливости, я смогла вновь обрести свой голос и найти способ сделать то, что раньше казалось совершенно немислимым: восстановить разорванную связь с отцом.

Решив писать о смерти отца, я внезапно осознала: отец был писателем, а значит, начав писать о нем, я смогу вновь установить с ним отношения. Эта работа стала выражением моего протеста против утраты — здоровым сопротивлением утрате связи и одновременно политическим сопротивлением культуре, всячески поощряющей умение приспособливаться к обстоятельствам, не грузить других своей болью, гневом или горем.

В августе, в самый разгар работы над нашей с Кэрол книгой, я вернулась в Лондон, на свадьбу сестры. Это событие — счастливая веха в жизни нашей семьи — было тем не менее окрашено невысказанной печалью. Отсутствие нашего отца — и тем самым в каком-то смысле его присутствие — пронизывало всю праздничную церемонию. Отец не мог повести свою дочь к алтарю, чтобы «вручить ее жениху», и не мог произнести речь «отца невесты». Все это лишний раз напоминало о том, что из-за смерти отца мы с сестрой стали отличаться от других людей — у нас не было того, чему общество приписывает такое важное символическое значение. Я увидела то, о чем не задумывалась раньше. До сих пор нам удавалось скрывать эту нехватку от мира: мы не желали никому ее показывать, чтобы не видеть в глазах людей жалость или еще того хуже — непонимание. Я безумно боялась разоблачения.

За несколько дней до свадьбы я искала в маминой спальне шкатулку с украшениями, в которой лежало ожерелье бабушки с отцовской стороны. Мама хотела подарить его сестре в соответствии со свадебной традицией «старое, новое, взятое взаимы, синее». Ища шкатулку, я наткнулась на записную книжку. В детстве я часто рылась в мамином шкафу и во всех уголках отцовского кабинета в поисках подсказок, ключей, которые помог-

ли бы мне разрешить загадку — кем был мой отец? Кем был человек, которого я потеряла? Это были захватывающие и в то же время устрашающие поиски. Что я найду? Насколько сильной будет боль, когда я выясню, кем он был, и осознаю всю безмерность утраты? Мой взгляд, изучающий горы отцовских бумаг, сразу выхватывал ценные предметы: письмо от старого друга, открытка-валентинка для мамы, неоконченный роман... все это были мои сокровища. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что все эти мои «поисковые экспедиции» всегда оставляли у меня чувство разочарования и опустошенности. Я так и не нашла то, что бессознательно искала: какого-то знака, что отец думал обо мне, понимал и любил меня, что я была важна ему и он не хотел меня бросить. Меня мучило чувство, что я ничего не значила для него, что наша связь не имела никакого значения и теперь разорвана навсегда.

За годы поисков я ни разу не находила этой записной книжки. Практически шестым чувством я поняла, что держу в руках нечто невероятно важное. Это был дневник моего отца. Дневник, в котором запечатлелись дни, прошедшие от диагноза до смерти, — всего лишь шесть коротких месяцев. Занося в дневник бытовые мелочи и значимые моменты, отец отчаянно цеплялся за жизнь («глоточки здоровья», как он называет их на потрепанных страничках старой тетрадки), пытаюсь справиться с ужасным страхом и гневом, обидой на весь мир и всех, кто был здоров, в то время как он умирал. Эти гнев и печаль были мне очень понятны — это были мои гнев и печаль. Кто посмел отобрать у меня моего доброго и чуткого папу? Как несправедливо, что он должен умереть, хотя все остальные живут себе дальше. Как могло случиться, что такому настоящему, ярко чувствующему, полному жизни человеку предстояло сгореть буквально за несколько недель? На этих страницах отец делился со мной своими самыми сокровенными надеждами, страхами и желаниями. По

мере приближения смерти его жажда жизни становилась все сильнее, все осязаемее. Мой отец протестовал против смерти, не желая покидать меня. «Наоми». Я нашла собственное имя, выведенное неровным почерком на странице дневника. Он пишет об одном моем забавном поступке — «глоточке здоровья». В этих строчках снова оживал мой отец, оживала наша с ним связь.

Поразительное совпадение: ровно в тот момент в моей жизни, когда во мне растет протест против утраты отца — утраты, как справедливо заметил мой терапевт, оставшейся в прошлом, — мне в руки попадает его дневник и я читаю слова протеста против утраты, которая еще впереди. Эти слова, записанные в дневнике, не спасли отца от смерти, и все же его протест не пропал втуне: он восстановил связь, которую даже смерть не смогла разрушить. Краткое мгновение встречи. Путешествие во времени. Слова, написанные больше 25 лет назад. И все же в это мгновение я была вместе с отцом — та же печаль, те же страхи, те же вопросы. И то же сильнейшее желание не утратить связи.

И так я начала понимать, что общий опыт утраты, которая нас разъединила, был также и связью, вновь нас соединившей. Выяснилось, что даже смерть — самая необратимая из всех утрат — не в силах разрушить отношения. Моя способность к протесту помогла сохранить связь, которую я считала невозстановимой, пока не начала писать о ней.

Когда я вновь соприкоснулась с болью утраты, на поверхность всплыло чувство беспомощности: от отчуждения я вернулась назад, к отчаянию. Это был болезненный шаг назад, потому что мне пришлось вновь столкнуться со всеми страхами и болью, от которых я отключилась много лет назад. Но теперь я была не одна: мое отчаяние нашло отклик в отчаянии моего отца. Только когда я сумела по-настоящему пережить печаль утраты, вернулась надежда на воссоединение, и я смогла восстановить нашу

связь. Эта связь была восстановлена не на основе иерархии — всезнающий авторитетный отец, человек, который, будь он жив, защитил бы меня или наставил на путь истинный, — но на основе нашей общей человеческой природы, благодаря тому, что я открыла для себя подлинный голос отца — и свой собственный.

Этот переход от психологического сопротивления к здоровому помог мне восстановить не только отношения с отцом, но и связь с миром, от которого я была отчуждена. Смерть отца стала моей «алой буквой» — знаком отличия от других, знаком стыда. На терапевтических сессиях я сравнивала свое чувство отчуждения и потребность скрывать его с чумой. На дверях дома, где жила зараженная семья, рисовали крест — знак остальным, чтобы держались подальше. Смерть отца была крестом на двери — показывающим, что я другая, что я неприкасаемая. Боль, если бы я осмелилась ее выразить, только подтвердила бы мою чуждость. Мое пятилетнее «я» поклялось никогда больше не доверять миру. В следующие 25 лет я буду изо всех сил бороться с этой клятвой, побуждаемая сильнейшим желанием восстановить связь с миром, разделить с ним мои истинные мысли и чувства. Но всякий раз я была обречена налетать на невидимую стену. А потом я прочла работу Кэрл.

Я словно нашла спасительную нить Ариадны. Опыт утраты не разъединял меня с миром, а, наоборот, помогал с ним воссоединиться. Голоса девочек, сопротивляющихся утрате связи, стали откликом на мою собственную борьбу. Благодаря этому отклику я сумела осознать положение вещей на политическом уровне — то, что я не в состоянии была увидеть в качестве юриста-правозащитника. В центре патриархата находится утрата, которую не позволено видеть, о которой не позволено говорить, — она погребена под веригами стыда и замаскирована под нормальный ход вещей. В культуре, предписывающей коды мужской чести и женской добродетели, которые созда-

ют неисцелимые разрывы в отношениях, где мы под воздействием огромного давления вынуждены отказаться от подлинных отношений ради ложных, никто из нас не свободен от утраты, вне зависимости от того, какое место мы занимаем в социальной иерархии.

Сопротивление разрыву связи и отчуждению привело меня к политическому сопротивлению — против всех тех сил, что столько лет заставляли меня молчать, превращали мой протест в каприз, а желание восстановления связи — в нечто безумное и наивное. Когда я вновь выбрала знание, основанное на контакте с собой и другими людьми, то оказалась в конфликте с культурой незнания и разрыва контакта. Проследившая связи между утратой отца и социально и культурно предписываемой и одобряемой утратой отношений, я внезапно наткнулась на культурный запрет, не позволяющий рассматривать утрату связи как утрату.

Мой протест против утраты был актом сопротивления против культуры, в которой принято считать, что различия — гендерные, сексуальные, расовые или классовые — это непреодолимая преграда для отношений; что желание господства — это закон природы и потому всякий протест бесплоден. Мой здоровый протест был актом сопротивления моей матери, поддерживающей культуру «волевого преодоления».

Нас критиковали за этот переход к политическому сопротивлению культуре патриархата. А что же насчет расы, спрашивали у нас. Это хороший вопрос. Системы угнетения накладываются друг на друга, и патриархат, во всяком случае в США, всегда был по большей части белым патриархатом². Вначале мы задались вопросом: почему систе-

² Более подробный разбор пересечений расы и гендера см. в: *Collins P.H. Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*. N.Y.: Routledge, 2000; *Collins P.H., Bilge S. Intersectionality*. Cambridge: Polity, 2016; *Critical Race Theory: The Key Wri-*

мы угнетения так устойчивы, несмотря на то что людям свойственно стремиться к отношениям? Мы осознали, что должен существовать какой-то механизм, подрывающий эту способность устанавливать взаимоотношения и открывающий путь расизму и любым другим видам угнетения, и пришли к выводу, что этим механизмом является патриархат.

Тут важно подчеркнуть, что мы не считаем сексизм более губительным, чем расизм, или что гендер функционирует отдельно от расы и класса. Мы пытаемся показать, что гендерная бинарность и иерархическая структура, лежащие в основе патриархата, подтачивают отношения между людьми и, что еще важнее, разрушают нашу способность исцелять разрывы и сопротивляться несправедливости. Как именно эта диверсия осуществляется, зависит от конкретных условий — расы, класса, пола, этноса, национальности и т.п. А противостоит этим различиям человеческое желание образовывать связи с другими людьми, обладать собственным голосом, замечать разрывы и выражать протест против них.

Нам говорят, что патриархат давно отошел в прошлое. Что наше основное утверждение не имеет никакого смысла — мы воображаем утраты, которых на самом деле не существует. А если они и существуют, то все уже давно сказано до нас и наш протест бесплоден. Наш протест против утраты связи — утраты, обусловленной самой культурой, — столкнулся с системой, которая способствует такого рода утратам, делая их невидимыми или объявляя естественными, необходимыми и невозполнимыми.

Когда я столкнулась с подобной критикой, я осознала, до какой степени я была раньше, словно коконом, отгоро-

tings That Formed the Movement / K. Crenshaw et al. (eds). N.Y.: The New Press, 1996; *Taylor K.-Y. How We Get Free: Black Feminism and the Combahee River Collective*. Chicago: Haymarket Books, 2017.

жена от мира своим отчуждением и молчанием. Внезапно выражение моего истинного мнения оказалось делом рискованным и небезопасным. Я вновь ощутила ту боль, которую когда-то испытала пятилетняя девочка (я в детстве), когда поняла, что горе изолировало ее от остальных людей, а свой гнев ей не позволено выразить. Отрицание реальности, которая у нас прямо перед носом, — реальности неистребимости патриархата — приводило меня в ярость, и временами мне хотелось от всего отключиться и замкнуться в себе.

Когда стыд заставлял меня умолкнуть, между мной и моими мыслями снова возникала стена: я не могла найти слов, все они не годились. И все же, несмотря на критику, наша работа нашла отклик у многих людей. А этот отклик помог мне обрести силы, найти правильные слова и не утратить надежды на то, что протест против утраты расшатает сконструированные социумом и укрепленные психологическими защитами стены отчуждения перед лицом несправедливости.

Рассказав об опыте личной утраты в книге о патриархате, я осуществила акт политического сопротивления в обществе, которое проводит резкие границы между личным и политическим. Обучаясь на юриста, я привыкла отделять разум от эмоций и скрывать свою уязвимость. Меня учили, что эмоции — слишком личное отношение к делу — мешают отправлению правосудия. Чтобы быть справедливыми, мы должны быть слепыми. Мы должны применять закон беспристрастно и объективно.

Но это отграничение личного от политического отрезало меня от внутреннего чувства справедливости, которое и подвигло меня когда-то стать юристом. Как только я перешла к здоровому сопротивлению — сопротивлению против этого отделения разума от чувств, — я внезапно вспомнила, что до того, как стать «пай-девочкой», я была «бой-девочкой», которая не боялась выражать свое мне-

ние и всегда готова была постоять за себя и за других. Я вспомнила, что до отчуждения был протест, а до всепоглощающего страха утраты — ненасытная жажда подлинной связи.

Боевой дух проявился у меня рано. В младенчестве я часто не желала засыпать, и однажды, когда мне было 15 месяцев, мама по совету отца отважилась на решительный шаг — не реагировать на мой плач в надежде, что мне надоест капризничать, я устану и засну. Наутро они обнаружили, что я не лежу, крепко уснув (на что они рассчитывали), а стою, вцепившись в прутья кровати, с широко раскрытым, словно в крике, ртом. Моя сестра любит вспоминать эту историю, ей кажется, что она отлично меня характеризует — я не сдаюсь и борюсь до конца. Примерно в это же время папа стал нежно называть меня «боец Сьюзан» (Сьюзан — мое второе имя).

Демократия осуществлялась в повседневных актах бунта: я требовала, чтобы к моим мнениям, потребностям и желаниям относились серьезно. Несправедливость не была всего лишь философским абстрактным понятием: я не выносила, когда с людьми обращались несправедливо (наверное, потому, что на собственном опыте испытала, как тяжело быть обделенным тем, что есть у других). Говорить правду в глаза людям, наделенным властью («Так нечестно!» — восклицают дети в таких случаях), означало просто поступать хорошо и правильно, в интересах тех, кто был мне небезразличен, — и в моих собственных интересах. Смерть отца я восприняла как огромную несправедливость, и этот опыт научил меня остро чувствовать боль и страдания других людей, а сопереживание побуждало к немедленным действиям. Когда мне было 6 лет, мама как-то раз застала меня за тем, что я доставала одежду из шкафа, чтобы отнести ее детям из моего класса: у них не было спортивной формы и они вынуждены были заниматься в белье. Несправедливость этого требования

поразила меня в самое сердце — я не могла вынести мысли о том, что с некоторыми детьми обращаются не так, как с остальными, и что они должны стыдиться своей бедности. В детстве я отказывалась воспринимать несправедливость как естественный порядок вещей.

Теперь, оглядываясь назад, я с глубокой печалью думаю о дружеских отношениях, которые я предала ради того, чтобы стать «добропорядочной женщиной». Отрекшись от собственного голоса, я отдалилась от девочек, которые отказались это сделать, — их гнев казался мне опасным, самоутверждение эгоистичным, а их желания постыдными. Стремясь стать «настоящей женщиной», я не только предала саму себя, но и отдалилась от других бесстрашных, боевых, сердитых и решительных девочек, которые когда-то были моими союзницами.

В конце концов я поняла, что для того, чтобы реализовать свою жажду справедливости, которая и заставила меня выбрать юриспруденцию, я должна изучить не только политические, но и психологические факторы, ответственные за существование в мире несправедливости. И так я начала изучать психоанализ.

Кэрл: Оглядываясь назад, я вижу момент решающего поворота в моей жизни и работе. В моей первой книге «Другим голосом» уже заложены вопросы: как могло получиться, что голос, столь узнаваемо общечеловеческий, оказался «другим»? Другим по отношению к чему? И как так вышло, что голос, соединяющий разум с чувством, а «я» с отношениями, голос не абстрактный, голос во плоти принято называть «женским»?

Написав «Другим голосом», я занялась тем, что на тот момент показалось мне самоочевидной задачей. Я решила заполнить пробел в психологической истории, соединив женщин с девочками. Этот пробел был уже подмечен Джозефом Эдельсоном, под чьей редакцией в 1980 г. вышла книга «Пособие по психологии подросткового возраста»:

«Девочек-подростков никогда особенно не изучали. <...> До недавних пор под литературой в рамках психодинамического подхода о подростковом возрасте подразумевалась литература о мальчиках-подростках»³.

Что упускалось из виду при отсутствии интереса к изучению девочек? Эдельсон пишет, что в психологическом исследовании подросткового возраста заложены неявные, но вездесущие «маскулинные предрассудки», которые выражаются в чрезмерном акценте на сепарации, самоутверждении и соответственном невнимании к проблемам заботы, близости и любви⁴. Но психология подросткового возраста была не просто психологией мальчиков-подростков. Она коренилась в культуре, построенной на гендерных различиях, культуре, где сепарация и самоутверждение рассматривались как мужская сфера, а любовь и отношения — как женская; где мужское превозносилось, а женское идеализировалось и одновременно обесценивалось. Психология подросткового возраста была психологией патриархата.

Весной 1981 г. вместе с группой аспирантов я начала то, что стало «Гарвардским проектом, посвященным психологии женщин и развитию девочек» — серией исследований, продолжавшихся на протяжении 10 лет. Проект, в котором приняли участие сотни девочек от 7 до 18 лет, был нацелен на осмысление опыта взросления у девочек и исследование отношений между женщинами и девочками в этот период. Исследование осуществлялось в школьной и внешкольной среде, частном и общественном, городском и сельском пространстве, при участии девочек из самых разных этнических и социальных групп. Мы с аспирантами стали соавторами и соредакторами пяти книг, по-

³ *Adelson J., Doehrman M. The Psychodynamic Approach to Adolescence // Handbook of Adolescent Psychology / J. Adelson (ed.). N.Y.: Wiley, 1980. P. 114.*

⁴ *Ibid.*

священных нашим находкам, в том числе «Встреча на распутье» — книги 1992 года по версии *New York Times*, в которой речь шла о встрече женщин и девочек на распутье подросткового возраста; а также «Между голосом и молчанием», где освещались проблемы девочек из рабочего класса — риск ухода из школы и ранней беременности. В этой книге мы описываем также семинары «Женщины и раса», которые проводились параллельно с основным исследованием: их задачей было устранять, а не укреплять барьеры между женщинами, особенно теми, кто работает с девочками. Девочки — половина населения в каждом поколении, как заметила одна из участниц семинаров.

Слушая, как девочки рассказывают о своем опыте взросления, я задумала книгу о сопротивлении. Сначала я была озадачена тем, что мне довелось обнаружить, — тем, что казалось таким знакомым и в то же время совершенно удивительным. А потом я поняла: то, что упускалось из виду при отсутствии исследований психологии девочек, — это было сопротивление. Видя сопротивление девочек, я все четче видела культуру, которой они сопротивлялись. В самом начале взросления девочки сопротивлялись культуре патриархата, которая принуждала их выбирать между собственным голосом и отношениями.

Именно этот культурный контекст неявно присутствует в книге «Другим голосом» — контекст, в котором подлинно человеческий голос звучит как «другой». Другой по отношению к голосу, который считается естественным или объективным. Другой — потому, что он соединяет «я» и отношения, мысли и чувства, разум и тело; «женский» — потому, что с точки зрения патриархата с его гендерными кодами отношения и эмоции — это удел женщин.

Девочки дали мне ответы на три вопроса. В патриархальной культуре человеческий голос становится «другим», «женским» голосом, а также голосом сопротивле-

ния. Таков был самый значительный результат исследований, посвященных девочкам.

Я навсегда запомнила женщину, которая впервые привлекла мое внимание к этому культурному контексту на самой заре моих исследований. Я как сейчас вижу, как она склоняется ко мне с неуловимо заговорщицким видом и спрашивает: «Вы хотите знать, что я думаю, или вы хотите знать, что я на самом деле думаю?»⁵ Я задала ей вопрос про некую моральную дилемму, и ее реакция дала мне пищу для размышлений на несколько лет вперед: она приучилась думать о нравственных вопросах не так, как она на самом деле о них думала. Она прошла обряд посвящения в особый образ мыслей, не совпадавший с тем, что она на самом деле думала, и она отлично осознавала эту разницу. Какой голос я хотела услышать? Голос, озвучивающий ее мысли о нравственности, или другой голос — излагающий ее подлинные мысли?

Самое удивительное, что я мгновенно поняла, что она имеет в виду.

В середине 1980-х, когда я претендовала на постоянную работу в Гарвардском университете, одна рассудительная и осторожная коллега с моей кафедры как-то раз отвела меня в сторонку. Она сказала, что комиссия, оценивающая мою работу, хочет поговорить со мной о моих исследовательских методах. Они считают, что мне не вполне доступно статистическое понятие регрессии к среднему. Когда я начала было объяснять, что я отлично понимаю, что такое регрессия к среднему, но что мое исследование не статистическое, она прервала меня. «Позвольте им вам помочь», — посоветовала она мне.

Обсуждая этот разговор с моим деканом (и хорошим другом), я недоумевала: *они*, мои коллеги по изучению развития и психологии человека, хотят поговорить со

⁵ Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 9.

мною о методах? Люди, которые проигнорировали в своих исследованиях половину доступного материала? Декан явно была на моей стороне. «Не поднимай эту тему», — сказала она мягко. Она советовала мне мыслить стратегически и говорить обдуманно — отчасти именно потому, что хотела, чтобы мой голос был услышан.

«Не говори этого... Людям это не понравится... Ш-ш-ш...» Когда я общалась с девочками, я постоянно слышала, как женщины советовали им не высказываться. Не говорить о том, что они на самом деле чувствовали и думали, но чутко улавливать то, что хотят услышать от них другие. Девочки проходили посвящение в женственность под руководством женщин, которые по собственному опыту знали, какова цена откровенного высказывания. Но в процессе инициации девочки, покидая твердую (хотя временами и каменистую) почву, вступали в царство неопределенности, неуверенности. В расшифровках наших бесед с девочками постоянно встречается фраза, маркирующая этот переход: «Я не знаю». Девочки оказывались в системе культурных установок, всячески побуждающих их не говорить о том, что они видят, не слышать то, что слышат, и не знать о том, что знают. Эта система держится на женщинах, отказавшихся от своего «я», чутко откликающихся на желания других, но не обладающих собственным голосом и своими желаниями. В этой системе женщина, открыто выражающая свои интересы, объявляется «эгоисткой» или легкомысленной авантюристкой.

Книга «Другим голосом» получила большой отклик, ко всеобщему (в том числе и моему) удивлению. Но исследования, посвященные девочкам, оказались куда более радикальными, потому что благодаря им обнажился корень проблемы: разлад и напряжение между развитием человека и культурой патриархата.

Ваша работа — это поэзия, а не научное исследование, сказала мне моя зав. кафедрой в Гарварде. Я решила при-

нять это как комплимент, проигнорировав колкость. Я занимаюсь феминизмом, а не психологией, политикой, а не наукой — сообщили моим аспирантам члены аттестационной комиссии, отвергшей темы их диссертаций. Это было в середине 1990-х. К тому времени я уже 10 лет занимала постоянную должность в университете, но моя работа все еще рассматривалась ровно в том культурном контексте, который она разоблачала и ставила под вопрос, — контексте, в котором «другой голос» считался не общечеловеческим, а женским голосом, потому что он был слишком эмоциональным (и слишком вдумчивым), полнокровным, чутким, нацеленным на отношения, а не отстраненным.

Весной и летом 2000 г., во время президентской гонки Гора против Буша, гендерный разрыв в голосовании был очень ощутимым. Он стабильно нарастал начиная с 1980 г., по-видимому являясь отражением того значения, которое придавал голосу феминизм второй волны, призывавший женщин не просто требовать свои права, но и прислушиваться к себе. В 1996 г. впервые со времен суфражизма женские голоса привели к победе президента.

В мае 2000 г. в заглавной статье журнала *Atlantic* философ Кристина Хофф Соммерс, ставшая научным сотрудником в консервативном Американском институте предпринимательства, обвинила меня в том, что я развязала «войну против мальчиков» (так называлась ее книга, вышедшая в следующем году)⁶. Проявив недюжинную изобретательность, она подговорила одного гарвардского студента позвонить в мой университетский офис и под предлогом того, что ему нужно написать работу по одному из учебных курсов, попросить у моего ассистента разрешение взглянуть на расшифровки моих бесед с девоч-

⁶ Hoff Sommers C. The War Against Boys // The Atlantic. May 2000. <<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2000/05/the-war-againstboys/304659>> (дата обращения 14.01.2018).

ками. Я ничего не знала об этом разговоре. Вообще-то, доступ к этим расшифровкам можно было получить в Исследовательском центре Мюррея в Рэдклифф-колледже Гарвардского университета — правда, давали его квалифицированным исследователям, а не первым попавшимся студентам. Как бы там ни было, я очень удивилась, прочитав в *Atlantic*, что у меня нет никаких научных данных, что мои притязания ни на чем не основаны, что моя работа — это политика, а не наука. С точки зрения Кристины Хофф Соммерс, увеличивающийся гендерный разрыв среди голосующих на американских выборах был свидетельством того, как феминистки сбивают женщин с истинного пути.

Одна женщина отослала мне в Гарвард экземпляр книги «Другим голосом» вместе с письмом, в котором требовала вернуть ей 5,95 доллара, потраченных на мою книгу.

Я видела политику в действии накануне выборов. Если убедить женщин не слушать другой (т.е. не патриархальный) голос, если заставить их поверить в то, что феминистки развязали войну против мальчиков, тогда, вероятно, гендерный разрыв исчезнет. Голоса женщин не будут ничем отличаться от голосов мужчин, и, учитывая склонность мужчин голосовать за республиканцев, победу одержит Буш. Время для публикации статьи Хофф Соммерс выбрала как нельзя лучше. Если ей удастся расшатать уверенность женщин в себе и поселить в них страх, что, действуя в своих интересах и отстаивая права девочек, они наносят вред мальчикам, то соотношение голосов избирателей изменится ровно настолько, чтобы обнулить завоевания женского движения и восстановить патриархальный порядок.

2000 год стал водоразделом в американской политике. Учитывая, как мы, американцы, гордимся своими демократическими институтами и ценностями, оспаривание результатов выборов и политически предвзятое решение Верховного суда оказались настоящей занозой в боку. Как

можно было продолжать считать себя демократией, зная то, что мы знали? Эта неприятная ситуация была чревата отчуждением и диссоциацией.

Меня немало удивляло то, что, несмотря на положительный отклик стольких людей на мою работу, культурные установки, которым она бросала вызов, по-прежнему оставались нетронутыми. В самом начале книги «Другим голосом», на второй странице введения, я пишу: «Другой голос, который описывается в этой книге, определяется не гендером, а темой»⁷. На первых страницах «Встречи на распутье» мы с Лин Майкл Браун пишем: «Важно подчеркнуть, что примерно 20% девочек в нашем исследовании — из рабочего класса и учатся на стипендию, а около 14% — небелые девушки»⁸.

Но это ничего не меняло. Система была слишком могущественной. Проще было описывать отличие женских голосов от мужских, чем на самом деле услышать женские голоса, расшатывающие систему. Проще было сосредоточиться на барьерах, разделяющих женщин, и видеть, что белые девочки ослеплены своим привилегированным положением, чем расслышать голоса девочек, сопротивляющихся культуре, которая отделяет их друг от друга и от самих себя.

Я оказалась на распутье. Я могла продолжать делать то, что делала. Проект с девочками и женщинами, исследование мальчиков и их отцов, работа с парами в кризисе — все это ставило вопросы, требовавшие дальнейшего изучения. Но меня гораздо больше занимало противоречие между тем откликом, который вызвала моя работа у читателей, и устойчивостью системы, которой она бросала вызов.

⁷ Gilligan C. In a Different Voice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. P. 2.

⁸ Brown L.M., Gilligan C. Meeting at the Crossroads... P. 5.

Весной 1998 г. я отправилась на год в Нью-Йорк в качестве приглашенного профессора в школе права Нью-Йоркского университета. В Гарварде я преподавала на кафедре развития и психологии человека. В психологии понятие сопротивления имеет отрицательные коннотации: сопротивление психотерапии, сопротивление учебе в школе, сопротивление процессу сепарации, необходимой для взросления, сопротивление правде и принятию реальности. Например, сопротивляясь, ты не желаешь признать, что твой отец умер или что ты злишься.

Возвращаясь в Нью-Йорк, в город, где я выросла, я понимала, что все будет по-другому. Я собиралась увидеть не мельком, а во весь рост систему, с которой столкнулась в своей работе. Это легче всего было сделать в школе права, потому что здесь существование нормативной этической системы не было предметом обсуждения. В первый год в Нью-Йоркском университете я преподавала вместе с Пегги Купер Дэйвис, в чьей книге «Забытые истории»⁹ речь идет о 14-й поправке и о том, как после Реконструкции в Конституцию были внесены изменения, обеспечивающие неприкосновенность брачных и семейных уз, разрушавшихся во времена рабовладения. Моим коллегой был также Дэвид Ричардс, чья книга «Женщины, геи и конституция»¹⁰ познакомила меня с аболиционистским феминизмом. В таком контексте было проще увидеть, что система может меняться, и заняться изучением политических последствий того, что с точки зрения психологии было здоровым сопротивлением утрате отношений.

В книге «Другим голосом» я нарушила молчание. Обретя отклик в голосах женщин — участниц моего иссле-

⁹ *Davis P.C. Neglected Stories. N.Y.: Hill and Wang, 1998.*

¹⁰ *Richards D.A.J. Women, Gays, and the Constitution: The Grounds for Feminism and Gay Rights in Culture and Law. Chicago: University of Chicago Press, 1998.*

дования, обрета отклик в голосах творцов (книга начинается со сцены из «Вишневого сада» Чехова), я сумела обрести способ выразить то, что я действительно думаю о нравственности и развитии человека. От отчуждения я перешла к участию, вовлеченности, от диссоциации, расщепления личности — к здоровому сопротивлению.

К 2002 г., когда вышла моя книга «Рождение Наслаждения», мое сопротивление стало безусловно политическим. К тому времени мне уже было ясно, что «другой голос» является другим по отношению к голосу патриархата, мужской привилегированности — не столько голосу, сколько непреложному утверждению истины и морального авторитета. На первых страницах «Рождения Наслаждения» я впервые использую слово «патриархат», противопоставляя его не матриархату, а демократии¹¹, и цитирую строчки из стихотворения Джори Грэм: «На какую глубину / В яму, в глубочайший ров / Может взор уйти без слов / Весь — по-прежнему — любовь?»¹², потому что мое исследование развития человека, начинавшееся как поиск истины, превратилось в вопрошание о любви.

Проект, посвященный девочкам и женщинам, и последовавшее за ним исследование маленьких мальчиков и их отцов ярко, во всех подробностях высветили, как, когда и почему мы приучаемся думать по-другому, не так, как мы на самом деле думаем и чувствуем. Теперь я понимала, что, когда меняется жизненный контекст, вступает в игру механизм диссоциации, расщепления и мы в буквальном смысле приучаемся не видеть того, что у нас прямо перед глазами, и не знать того, что на самом деле в глубине души мы отлично знаем. Так я стала рисовать новую карту, соз-

¹¹ О патриархате как об угрозе демократии см. также: Gilligan C., Richards D.A.J. The Deepening Darkness...; Darkness Now Visible...

¹² Пер. Н. Муравьевой (см.: Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 6). — *Примеч. пер.*

давать радикальную географию любви, где любовь — это видение и знание, а не слепота и молчание.

От того времени у меня осталось два наблюдения. Оба застали меня врасплох. Первое — открытие, состоявшее в том, что, когда задаешь вопросы по поводу, казалось бы, незыблемого порядка вещей, можно услышать голос, который и представить себе нельзя было. Человеческий голос, заглушенный культурно обусловленным голосом патриархата, — чуткий к отношениям, эмоционально восприимчивый, — этот голос словно ждал, когда его позовут. Изучая девочек, я научилась прислушиваться к невысказанному, таящемуся под слоем поверхностного разговора. «Правда?.. Ты действительно так считаешь?.. Ты правда так чувствуешь?» — спрашивала я у девочек-подростков, когда в ответ на мой вопрос они сообщали что-то заученное, банальное или же горькое, как, например, Шейла, которая сказала: «Я не настолько высокого о себе мнения, чтобы отстаивать свои интересы». И вот тогда они произносили: «Вообще-то...» — словечко, сигнализирующее о том, что девочка собирается поведать мне о своих подлинных чувствах и мыслях или о том, как в случае Шейлы, что она на самом деле заботится о своих интересах.

Но так было не только с девочками. Когда Фил, переживавший кризис в браке, сказал мне, что «самый ужасный кошмар» для него — это представлять «ее в объятиях другого мужчины», я спросила: «Почему это самый ужасный кошмар?»¹³ Мой вопрос пробудил голос, который я не ожидала услышать, — не совпадавший с предписаниями патриархальной культуры. И тут тоже о сдвиге про-сигнализировало выражение «на самом деле». «На самом деле самый ужасный кошмар для меня — если у меня не будет возможности показать ей, что я на самом деле чув-

¹³ Gilligan C. The Birth of Pleasure. P. 53.

ствую, открыть свое сердце и просто любить ее»¹⁴. Меня поразило, что Фил отлично понимал, что происходит с его браком.

Теперь я вижу, что, когда я ставила под вопрос патриархальный сценарий, предписывающий девочке чувствовать свою неполноценность, или же пыталась понять, правда ли, что самый ужасный кошмар мужчины — это неверность его жены, сам факт вопрошания создавал отклик, высвобождавший голос, который мог бы так и остаться неслышанным и само существование которого казалось маловероятным. Я осознала, как легко было изблечить эту систему и в то же время как легко было упустить голоса, которые эта система объявляет постыдными и заставляет умолкнуть. Я также осознала, насколько часто то, что в исследовании выдается за объективность (или за нейтральность исследователя), на самом деле способствует сохранению статуса кво. Оставляя доминирующие культурные установки нетронутыми, не ставя их под вопрос, такое «объективное» исследование только укрепляет существующий порядок.

Второе наблюдение также меня поразило. За 10 лет исследований развития девочек я очень тесно сотрудничала с женщинами. Работа, которую мы вместе проделали, привела к множеству преобразований. Семинары «Женщины учат девочек / Девочки учат женщин», организованные учителями и администрацией Лорел-скул в Кливленде, стали в дальнейшем проводиться учителями и директорами средней школы в государственных школах Бостона и положили начало сообществам, поддерживающим женщин и помогающим им перейти от эмоциональной изоляции к участию, от диссоциации к здоровому сопротивлению. В ходе Гарвардского проекта возникло пять книг, в которых мы за-

¹⁴ Ibid.

фикси́ровали все, что нам удалось узнать от девочек и женщин о человеческом уделе и развитии человека. Семинары «Женщины и раса» сосредоточились на непростом вопросе барьеров между белыми, черными и темнокожими женщинами, и прежде всего на вопросе: где вы были, когда на меня напали ночью? Голоса темнокожих, черных и белых девочек подтолкнули нас к тому, чтобы переключиться с прошлого на будущее: от взаимных упреков перейти к преобразованиям, от изоляции, отчуждения и диссоциации — к протесту и восстановлению связи.

Во всех трех случаях — обучающие семинары, исследовательская группа Гарвардского проекта, семинары «Женщины и раса» — в тот момент, когда преобразовательный потенциал стал буквально осязаемым, когда перемены не просто носились в воздухе, но уже стали реализовываться на институциональном уровне, эти группы внезапно распались. И дело было не просто в конфликте между женщинами. Нам уже доводилось справляться с конфликтами. Дело было в том, что на этот раз мы не могли поговорить о том, что случилось. В каждом из трех случаев раскол произошел по следам того, что было сочтено предательством: возник вопрос, могут ли женщины рассчитывать на поддержку других женщин в трудных ситуациях и могут ли они доверять собственному опыту¹⁵.

Я чувствовала настоятельную потребность сделать следующий шаг. Я знала, как воззвать к здоровому сопротивлению, но не знала, как поддерживать это сопротивление, когда оно становится политическим и сталкивается с внешними и внутренними факторами, которые заставляют его заглухнуть, погрузиться в молчание. Я знала,

¹⁵ См.: *Dorney J.A. Splitting the World Open: Connection and Disconnection Among Women Teaching Girls // Way N. et al. Crisis of Connection: Its Roots, Consequences, and Solutions. N.Y.: NYU Press, 2018.*

что могу начать процесс преобразования практически где угодно, создав то, что моя коллега Норми Ноэль, которая работает в театре, называет «миром виолончели» — пространство, резонирующее с твоим голосом, побуждающее тебя вслух высказать то, что ты втайне всегда считал правильным. «Я не хочу, чтобы она это утратила», — сказал отец живой и искренней 11-летней девочки, которому дороги были отношения с ней. «Значит, вам нужно участвовать в социальных переменах», — ответила я ему. Потому что к тому моменту мне было совершенно очевидно, что девочки на пороге подросткового возраста и 4–5-летние мальчики, чьи голоса обладали подлинно человеческим звучанием, внезапно сталкивались с некоей реальностью — грубой, властной и таинственной силой, описываемой у Толстого, патриархальной системой, которая, как сказал Адам, старше «Орестей»: мы действуем под ее влиянием, «сами того не зная».

Вопрошание Наоми об утрате привело ее к работам Боулби, в которых этот механизм описывается с такой поразительной точностью, что у меня буквально дух захватывало. Перед моим мысленным взором возникает тончайшей работы настольный фонтанчик XIV в., который я видела в Кливлендском музее искусств. Я не могла надивиться на его хитроумное устройство. На вершине фонтана вода выбрасывалась струйками, заставлявшими вращаться колесики внизу, благодаря которым начинали звенеть крохотные колокольчики. Поскольку человеку изначально свойственно желать отношений с другими людьми — эта способность заложена в самой нашей природе, — для того чтобы создать и поддерживать иерархическую структуру, необходимо эту способность парализовать или каким-то способом воспрепятствовать ее развитию. Вспомним видеоролик на YouTube с маленькой девочкой и ее мамой с неподвижным лицом: при нормальном положении вещей мы мгновенно регистрируем утра-

ту связи и стремимся залатать разрыв. «Гениальность» патриархата, если можно так выразиться, и психологическая функция его гендерных кодов оказываются шитыми белыми нитками, как только мы обнаруживаем, что, навязывая разрыв отношений и затем высмеивая и осуждая попытки этот разрыв устранить, гендерные коды делают утрату отношений невозможной.

По наблюдениям Боулби, в среде, где отсутствует возможность чуткой ответной реакции в отношениях, отчуждение становится механизмом адаптации. И точно так же мы адаптируемся к культуре патриархата, эмоционально выключаясь из отношений: либо демонстрируя самодостаточность, независимость и отсутствие потребности в другом; либо усваивая жертвенный стиль поведения, отказываясь от собственных потребностей, желаний и мнений. Мы можем сколько угодно твердить себе, что это правильный и благородный выбор, но в глубине души мы остаемся той маленькой девочкой из ютьюбовского ролика, которая знает, что все это неправда.

Когда я размышляю о том, что в ретроспективе мне видится эпохой тектонических сдвигов, — о том времени, когда я перебралась из Кембриджа в Нью-Йорк, — я отчетливо вижу, что столкнулась тогда с феноменом, на осмысление которого у меня ушли годы. Я не переставала удивляться тому, как мало нужно, чтобы высвободить голос из плена. Это переворачивало с ног на голову все, чему меня учили про человеческую психологию и методы исследования. Но вместе с тем я обнаружила поразительно слаженную работу факторов, обеспечивающих несокрушимость системы, которая не дает нам видеть очевидное и открыто говорить о том, что в глубине души мы считаем истинным.

Найти резонанс, исцелить разрывы

НАОМИ и Кэрол: Чтобы надежно оградить себя от утраты, мы должны заплатить большую цену — пожертвовать любовью и демократией, которая, как и любовь, держится на равенстве голосов и эмоциональном участии. И все же в психологии утраты, способствующей незыблемости патриархата, есть семена сопротивления и преобразования. Протест — это естественная реакция на утрату. Откликнуться на голос протеста, расслышать в гневном голосе надежды голос здорового сопротивления — человеческий голос, в чьих гневных проявлениях нет ничего «неженского», а в проявлениях уязвимости и привязанности ничего «немужественного», — вот залог исцеления разрывов в отношениях, разрывов, лежащих в основе патриархата и всех форм несправедливости.

Под резонансом мы имеем в виду эффект деки музыкального инструмента, которая усиливает звук и делает его более объемным, а также то влияние, которое оказывает на наши слова полученный нами отклик. Откликаются ли люди на наши слова или остаются к ним глухи — все это оказывает воздействие на то, что мы говорим или могли бы сказать. Когда отклик отсутствует или же настолько искажает наши слова, что мы сами их уже не узнаем, мы не просто сталкиваемся с проблемой отсутствия связи, но

и утрачиваем веру в свою способность донести до других то, что мы хотим сказать.

Однако, как показывает исследование развития, голос, протестующий против утраты отношений, — это голос протеста против патриархата, и, даже заглушенный или вытесненный, он не исчезает полностью. Примеры, взятые из этого исследования, доказывают, что голос сопротивления можно пробудить самыми простыми вопросами: «Почему это самый ужасный кошмар?» или «Ты правда так чувствуешь?» Эти вопросы взбаламучивают поверхность и создают зазор в патриархальном нарративе.

Сам акт такого вопрошания был протестом против утраты связи — и он создавал новый резонанс. Филу, переживавшему кризис в браке, и Шейле, которая скрывала, что заботится о своих интересах, этот новый резонанс позволил высказать то, что казалось им постыдным или запретным — или же, возможно, тем, что другие все равно не услышат или не поймут. Ведь Шейла знала, что за возможность следовать своим интересам она расплачивается невозможностью говорить правду; она пожертвовала своим желанием честности в отношениях. Фил тоже знал цену своему браку: он не мог сказать жене о своих истинных чувствах, не мог открыть свое сердце и просто любить ее.

Так мы увидели, что политика патриархата стремится разрушить психологию протеста и сопротивления утрате, но что в то же время эта психология постоянно создает некий зазор, открывает возможность для политической трансформации. Проще говоря, наша способность к отношениям и потребность в них, присутствующие в зачаточной форме с самого начала, постоянно создают зазор, в котором мог бы реализоваться потенциал любви и демократии, в то время как политика патриархата все время стремится этот зазор закрыть. Теперь, когда мы это знаем, решение становится двояким: во-первых, присо-

единиться к здоровому сопротивлению и таким образом поощрять психологию, которая могла бы преобразовать политику; во-вторых, бороться, разоблачая их, с культурными и политическими факторами, которые, разрушая способность восстанавливать связь, превращают здоровое сопротивление в отчаяние и отчуждение, прокладывая путь угнетению и несправедливости.

Исход из патриархата

КЭРОЛ: Дорога шла вниз. По обе стороны рассти-
лались волнистые пески пустыни, словно в сцене
из «Лоуренса Аравийского». Только на сей раз эту
незнакомую — и в то же время не такую уж незнакомую —
территорию пересекали женщины. Но не как территорию
наших семей, культур, религий, социальных классов, цве-
та кожи или воссоединения с предками. Скорее, мы при-
шли сюда, чтобы искать примирения друг с другом, в ка-
честве дочерей — точнее, детей, потому что среди нас
были и мужчины, — Сарры и Агари, библейских прамате-
рей в авраамических религиях.

Израильтянки и палестинки, арабки и еврейки, иудей-
ки и мусульманки, женщины молодые и пожилые, рели-
гиозные и светские, женщины из поселений на Западном
берегу реки Иордан, женщины из хипстерских районов
Тель-Авива. Осенью 2017 г. мы пересекали пустыню, дер-
жа путь к шатру примирения. Мы — женщины, совершав-
шие исход из патриархата, вместе с мужчинами, присоеди-
нившимися к нам в этом Путешествии к миру.

Стояла жара. Мне было сказано подготовиться к паля-
щему зною пустыни, и я была во всем белом: цвет одеж-
ды «Женщин за мир» — движения, основанного в 2014 г. в
ответ на войну в Газе. Так больше не может продолжаться,
решила группа женщин, собравшихся в Тель-Авиве: кон-
фликт должен прекратиться. Нужен новый язык, нужно

договориться о соглашении, и, согласно Резолюции 1325 Совета Безопасности ООН, женщины должны участвовать в этом процессе на каждом его этапе¹.

Донна Киршбаум, виолончелистка, раввин, одна из организаторов марша, вручила мне бирюзовый шарф, какие носят женщины из этого движения, и такого же цвета бейсболку. Свой шарф она ловко повязала вокруг бейсболки, соорудив козырек от яростного солнца пустыни, которая ждала нас за пределами гостеприимного шатра.

«Злого зноя не страшись»² — строчка из «Цимбелина», рефреном проходящая сквозь роман «Миссис Дэллоуэй». Было и впрямь жарко, но страх, внушенный мне американскими друзьями, которые призывали меня быть осторожной и не рисковать, а также одной из моих израильских спутниц на пути из Иерусалима, вскоре развеялся. Все тормоза, удерживавшие нас от согласованных действий друг с другом, были отпущены, и вместе с этим освобождением пришло чувство радостного возбуждения.

Мы находились в зоне С — части Израиля, куда палестинцы могут въезжать без специального разрешения, в самой низкой точке на Земле: Мертвое море чуть в стороне, а впереди вдали — холмы Иордана. Тысячи женщин — от 2 до 5 тыс. палестинок, от 5 до 7 тыс. израильтянок — само по себе впечатляющее высказывание. Женщины принимали участие в этом марше именно в качестве женщин, поверх всех барьеров, чтобы добиваться мира, чтобы заставить своих политических лидеров, Аббаса и Нетаньяху, заключить соглашение между Израилем и Государством Палестина, чтобы заставить их сделать прекращение конфликта своей главной задачей.

Я ощущала не только солнечный зной, но и тепло присутствия женщин вокруг меня. Израильянки в основном

¹ UNSC Res 1325 (October 31, 2000) UN Doc S/RES/1325.

² Перевод строчки из Шекспира приводится по переводу Е. Суриц романа В. Вулф. — *Примеч. пер.*

в белом, некоторые с покрытыми головами, а палестинки в основном в платках, некоторые в традиционных одеяниях — абайях, и все очень радостные. Потому что мы были все вместе, как поется у «Битлз», объединенные общими намерениями; какими бы разными мы ни были — разного происхождения, из разных социальных групп, с разными взглядами, нас всех объединяла уверенность в том, что пришло время женщин добиваться мира.

Именно решение взять все в свои руки помогло женщинам Израиля и Палестины объединиться в качестве женщин, поверх всех границ и барьеров. «Почему женщины, почему сейчас?» — задавалась вопросом Донна Киршбаум в эссе 2014 г., которое она написала вскоре после войны в секторе Газа. Потому что возникла «настоятельная потребность в другом языке». Потребность по-другому поставить вопрос: не в чем справедливость, а как реагировать³.

Потому что женщины уже больше не могли оставаться в стороне, наблюдая, как все попытки переговоров терпят неудачу; они должны были попытаться сделать что-то *как женщины*, чтобы остановить конфликт и положить конец разрушениям. Потому что уже нельзя было не вмешаться именно *женщинам*, чтобы детей перестали приносить в жертву. Потому что именно *как женщин* нас оттесняли на обочины; потому что именно *как женщины* мы, с нашим особым опытом и особым положением, могли ввести новый голос в диалог.

С самого начала было решено, что женщины должны быть представлены во всем многообразии, и теперь, оглядываясь назад, я могу сказать, что так оно и было. Мы, женщины, добивающиеся мира, держали путь к месту примирения, шатру в пустыне, достаточно вместительно-

³ Kirshbaum D. Why Women and Why Now? // womenwagepeace, June 2, 2017. <<http://womenwagepeace.org.il/en/women-now-rabbidonna-kirshbaum-member-women-wage-peace>> (дата обращения 15.01.2018).

му, чтобы дать приют тысячам женщин, которые прибыли примириться друг с другом, будучи убеждены, что, каким бы болезненным ни было прошлое, перемены все-таки возможны. Мы, женщины, прибыли сюда все вместе, чтобы уберечь наше будущее, чтобы уберечь жизни наших общих детей.

Мы прошагали несколько километров от шатра, где нас впервые всех встретили, до шатра примирения по дороге, ведущей вниз. Я последовала примеру Донны и тоже повязала шарф вокруг бейсболки, но все равно зной был нестерпимым. Пот лил ручьем по лицу. Я заметила женщину, у которой из-под абайи выглядывали высокие каблуки, и мысленно поаплодировала ее смелости. А потом среди песчаных барханов внизу и чуть в стороне показалась верхушка шатра примирения. На самом деле это были два огромных шатра, способных вместить тысячи женщин, израильтянок и палестинок, евреек и арабов, всех, кто решил посвятить свои усилия окончанию конфликта.

Трудновыполнимая задача — сказали мои американские друзья.

Дело происходило в начале октября, в воскресенье — первый день рабочей недели в Израиле. Путешествие к миру началось на западе Израиля, возле границы с сектором Газа, затем продолжилось с юга на север и далее на восток, к Иудейской пустыне. Вечером воскресенья путешествие должно было окончиться манифестацией в Иерусалиме. Как оказалось, в парке неподалеку от резиденции премьер-министра собралось 30 тыс. человек — это как 1,14 млн человек в США в пересчете на процент от населения. В парке соорудили сцену, была заявлена программа из докладчиков и певцов. Группа Яэль Декельбаум исполнила «Молитву матерей» — песню, которую Яэль написала для Марша надежды в 2016 г., также организованного «Женщинами за мир». Все звучавшее со сцены переводилось на арабский и иврит, иногда на английский. Одна из выступав-

ших, Лиора Хадар, религиозная женщина из поселения в Самарии на севере Западного берега, сказала: «Я считаю, что перемены могут произойти, если тысячи женщин одновременно решат, что они просто не могут больше жить в условиях конфликта». Шахив Шнаан, бывший друзский депутат Кнессета, сын которого, полицейский Камиль, погиб во время теракта, сказал: «На нашу долю выпало много страданий. Израильские и палестинские семьи потеряли своих близких, и наши раны никогда не затянутся. Но я здесь, чтобы сказать: мы выбираем жизнь. Мы имеем право произнести это вслух: мы приверженцы мира». А Худа Абу-Аркуб, региональный директор «Объединения за мир на Ближнем Востоке», сказала: «Как житель Хеврона и человек, который находится в контакте с жителями Газы, я хочу сказать вам, что жители Газы тоже верят в конец вражды и призывают к миру. <...> В войнах не бывает выигравших. Мы не палестинки и не израильтянки — мы матери, которые готовы на все ради достойного будущего для своих детей».

Мы женщины... мы семьи, потерявшие близких... мы выбираем жизнь... мы приверженцы мира... мы матери, которые готовы на все ради достойного будущего для своих детей.

Да, трудновыполнимая задача, с этим не поспоришь. Но всякий раз, как мои друзья начинали объяснять мне, что ситуация безнадежна, что наивно было бы полагать, будто женщины могут тут чего-то добиться, да еще и таким способом (не предлагая никакого конкретного решения, кроме общей убежденности в том, что такое решение должно быть найдено и что женщины во всем их разнообразии должны участвовать на всех этапах процесса), я могла ответить только одно: ну, все остальное потерпело неудачу, так почему бы не попробовать такой способ? Тут у них обычно возражений не было. Почему бы и нет?

В нашем шатре в пустыне прохладный конденсат сочился с каркаса под парусиновым потолком. У нас были

вода, еда и музыка. Выступить попросили четырех женщин: меня (единственную американку среди них), палестинскую активистку, боровшуюся за мир, израильскую писательницу-еврейку и израильскую арабку-педагога. Мы говорили на разных языках, но наши голоса сплетались в единый узор примирения. Женщины, сидевшие перед невысокой площадкой, на которой расположились мы, спикеры, откликались на каждое наше слово. Мы говорили о многом, в том числе о боли, которую довелось испытать Сарре и Агари: боли, которую они причинили друг другу, — Сарра тем, что была избрана, Агарь тем, что могла, в отличие от Сарры, вынашивать детей. «Почему это всегда игра с нулевой суммой?» — спрашивала себя я, размышляя о том, как часто в Библии речь идет о тех, кто избран и кто нет, вспоминая, как Това Хартман, моя подруга, за несколько дней до того говорила об Исаве, у которого его брат Иаков, любимец матери, отобрал право первородства, о том, как Исав спросил у своего отца Исаака: «Неужели, отец мой, одно у тебя благословение?»

Слишком долго мы были в плену у мифа, что благословение может быть только одно — и его никогда не хватает на всех. Если мы решили примириться как дочери Сарры и Агари, наших иудейской и мусульманской пра-матерей, мы должны были признать не только ту боль, что они испытали, но и ту, что они причинили. Да, женщины (по большей части) не затевали войны, но они и никогда не стояли просто в стороне. Мы — матери, и, какое бы косвенное отношение мы ни имели к власти, мы тоже приложили руку к случившемуся. Мы не встали у войны на пути и не бросились ей под ноги, чтобы остановить ее.

«Я надеюсь, вы не станете писать об этом», — сказала одна женщина после моего выступления. Она была израильской еврейкой и, возможно, поэтому считала себя вправе так говорить. Ведь я тоже еврейка, а она — большая моя поклонница и задает студентам читать мои книги

на своих занятиях. «Я надеюсь, вы не станете писать то, что вы сказали о Сарре», — повторила она, беспокоясь, что Сарру станут винить во всем.

О Сарре я сказала вот что: она начала то, что потом покатилося снежным комом, по нарастающей, — она позволила случиться тому, что детей стали приносить в жертву ради высших целей. Именно Сарра заставила своего мужа, Авраама, прогнать Агарь с Исмаилом в пустыню, где они должны были, скорее всего, погибнуть, потому что, пока не вмешался Бог и не сотворил колодец в пустыне, воды там не было. Това в той самой беседе об Исаве сказала, что в Библии Сарра исчезает в тот момент, когда начинается *akedah*, «связывание», т.е. жертвоприношение, Исаака. Как только Авраам отправляется в путь, чтобы принести Исаака в жертву, Сарра исчезает из повествования, и мы ничего больше о ней не услышим вплоть до ее смерти, когда Авраам хоронит ее в Хевроне. Но в Мидраше, комментариях к Библии, говорится, что, когда Сарра узнает, что ее муж собирается принести их сына в жертву, она испускает вопль.

В *dvar torah*, размышлении о еженедельном отрывке из Торы, которое Това предложила в своей синагоге на Рош Хашана, еврейский новый год, она сказала, что в это мгновение Сарра умирает, потому что больше нет кислорода, нет воздуха. Потому что в этот миг Сарра осознает, что, пожелав пожертвовать Исмаилом, сыном Агари, чтобы ее собственный сын Исаак был любимым, избранным сыном, она сдвинула с места снежную лавину. Жертвоприношения детей продолжались, и теперь настал черед ее сына быть принесенным в жертву, тоже во имя предположительно высших целей, чтобы доказать преданность Авраама Богу, — хотя и тут, согласно Библии, Бог снова вмешивается, чтобы остановить жертвоприношения детей.

Требуя мира и противостоя войне, женщины собрались вместе в качестве женщин, чтобы сказать: «Хватит!»

Это должно прекратиться. Мы больше не собираемся по-творствовать жертвоприношению детей во имя каких бы то ни было высших целей.

Мы, женщины, добивающиеся мира, собрались вместе, чтобы помочь мужчинам противостоять войне.

С того нашего марша прошло много времени, а я по-прежнему часто открываю на компьютере или на телефоне фотографию непрерывного потока женщин, пересекающих пустыню на пути к шатру примирения. Это женщины, совершающие исход из патриархата⁴.

Почему женщины и почему сейчас? Донна Киришбаум задавалась этими вопросами в 2014 г., в год основания «Женщин за мир». К 2017 г. это было крупнейшее стихийное движение за мир в Израиле. Под сенью шатра на берегах Мертвого моря Худа Абу-Аркуб, палестинка из Хеврона, сказала, что настало время, когда «женщины должны оставить свой след, потому что голоса женщин имеют значение, потому что женщины никого не исключают, потому что женщины слишком доверились политическим лидерам, а лидеры подвели нас»⁵. Патриархат подвел женщин. Но внутри патриархата у женщин есть и свое преимущество. Обычно девочки проходят инициацию позже мальчиков, поэтому мы лучше видим природу патриархата, лучше понимаем, что это такое: голос, структура, способ говорить о реальности и видеть ее определенным образом, а не сама реальность.

Вот что имела в виду Донна, отвечая на вопросы, почему женщины и почему сейчас. Потому что инициация в культуру патриархата с его гендерными кодами и иерархической структурой требует «утраты подлинного [читай:

⁴ *Lieberman O.* Israeli, Palestinian Women Join Peace March Through Desert // CNN. October 9, 2017. <<http://www.cnn.com/2017/10/09/middleeast/israeli-palestinian-women-peace-march-desert/index.html>> (дата обращения 16.01.2018).

⁵ *Ibid.*

человеческого] голоса и разлада со всем тем, что мы в глубине души считаем истинным: что жизнь — это взаимозависимость, она невозможна без эмоциональной составляющей». И потому что «девочки сопротивляются инициации дольше, чем мальчики, — примерно на 10 лет»⁶. Я цитирую Донну — которая цитирует мое исследование.

«Призыв к миру» был доставлен членам Кнессета лично в день открытия зимней парламентской сессии 2017 г. Члены «Женщин за мир», вдохновленные верой в то, что другой путь — есть, образовали что-то вроде женского Кнессета, чтобы привнести другой голос, голос надежды, в обычно проникнутые отчаянием обсуждения конфликта.

Во время Путешествия к миру к его участникам присоединились политики регионального и государственного уровня. Мэры выступали перед объединениями женщин-активисток в своих городах, в том числе мэры таких консервативных городов, как Димона и Тверия, а также мэр Тель-Авива. Каждый понедельник женщины из движения «Женщины за мир» стали присоединяться к политикам в Кнессете, отстаивая первоочередную необходимость переговоров, которые положили бы конец конфликту.

Почему женщины? Потому что мы, женщины, знаем, что может здесь пригодиться. У девочек период отсрочки, перед тем как они будут посвящены в гендерные коды женственности, длиннее, и, как выразилась Киршбаум — американка, живущая сейчас на Ближнем Востоке, — у нас «больше времени на то, чтобы овладеть более богатым словарем и тем самым создать основу для подлинного голоса, прежде чем он будет заглушен требованиями патриархата». Потому что «мы — женщины, которые верят, что их голоса должны быть услышаны и что здесь может и долж-

⁶ *Kirshbaum D. Why Women and Why Now?*

на возникнуть по-настоящему цветущая, развитая демократическая культура»; потому что, будучи женщинами, мы «учимся прислушиваться к скрытому диалогу под внешней беседой», т.е. «учимся выявлять подлинный голос говорящего, часто погребенный под толщей высказываний, предписываемых патриархальной культурой, которая ожидает от мужчин и женщин отказа от “изначально им присущей способности к общению”»⁷. Потому что мы, женщины, позже начинаем использовать механизм диссоциации, чтобы отстраниться от своих глубинных представлений об истине. Потому что нас не учили, как мужчин, что насилие — это царский путь к уважению, выживанию и власти. Потому что мы, женщины, знаем, что это неправда.

Наоми: Потому что нас, женщин, учили слушать — и по этой причине у нас больше шансов расслышать человеческий голос, отличающийся от голоса патриархата. Но — мы не должны об этом знать!

Читая, как Кэрол описывает Путешествие к миру, я размышляю о том, что путь, которым следуют эти женщины, — это на самом деле дорожная карта, указывающая, как выбраться из патриархата. Война — это самое откровенное и жестокое проявление цикла утраты, который лежит в основе патриархата: жестокий конфликт рашатывает отношения (на уровне как общества, так и семьи), а угроза уничтожения, в свою очередь, используется для того, чтобы оправдать дальнейшее насилие, часто во имя восстановления мужской чести и защиты женщин и детей. «Женщины за мир» представили себе, каким мог бы быть выход из положения — путь к примирению, который можно проторить с помощью не споров и попыток переубеждения, а диалога и готовности слушать; не наказаний и обвинений, а общего опыта страданий и утрат. Стремясь к миру, они протестуют против утрат, неизбеж-

⁷ Ibid.

ных на войне. Тот самый конфликт, который должен был разобщить этих женщин, становится инструментом связи между ними.

Чтобы в полной мере оценить весь масштаб того, что делают «Женщины за мир», имеет смысл немного поразмыслить над теми более чем реальными препятствиями, с которыми им приходится сталкиваться на своем пути. Все члены этого движения в той или иной степени, каждый по-своему, пострадали от конфликта. Это женщины и мужчины, которые потеряли детей, братьев, сестер, друзей и возлюбленных из-за войны. Нетрудно вообразить, сколько ярости, отчаяния и глубокого недоверия должны были повлечь за собой такая утрата и такая несправедливость. На такой зыбкой и ненадежной почве путь к примирению преграждают боль и множество кажущихся непреодолимыми препятствий. Поневоле задумываешься: неужели можно проявить эмпатию к человеку или народу, ответственному за твоё страдание? Насколько вообще уместна в таком случае эмпатия? Может быть, сопротивление несправедливости требует более жесткой реакции и виновные должны быть призваны к ответу?

«Женщины за мир» учат нас тому, что мы с коллегами назвали радикальным вслушиванием⁸: умению вслушаться в самую суть того, что говорится, услышать то, в чем заложен потенциал изменения. Движущая сила такого вслушивания — любопытство, где цель — понять, а не примириться или оправдать. А понимание — это не игра с нулевой суммой: мы можем понять то, что пережил другой человек, не отказываясь от собственного опыта и не упуская из виду боль или гнев, которые могли вызвать его действия. В этом смысле вслушивание становится радикальным актом. Он может сдвинуть нас с мертвой точки

⁸ The Radical Listening Project, NYU. <<https://wp.nyu.edu/radicallisteningproject>>.

нашей собственной правоты: мы открываемся навстречу опыту и страданиям других людей. Слушая, мы впускаем в себя новый опыт, открываем для себя неизвестное, признаем то общечеловеческое, что есть во всех людях. Прокладывая путь к примирению на основе общего желания положить конец циклу утраты, «Женщины за мир» нашли способ перейти от гнева отчаяния к гневу надежды.

В октябре 2017 г., в ту неделю, когда Кэрол и женщины, требующие мира, шли через пустыню, чтобы обрести связь друг с другом через общий опыт утраты и боли, принесенных войной, женщины во всем мире стали объединяться в протесте против укрытого от взоров насилия — насилия над женщинами, нарушения их физических границ. 5 октября в *New York Times* была опубликована статья о Харви Вайнштейне, который на протяжении десятков лет подвергал женщин сексуальным домогательствам⁹. В воскресенье следующей недели актриса Алисса Милано призвала в своем Твиттере всех женщин, которые когда-либо подвергались сексуальным домогательствам или насилию, написать два слова под ее твитом: *Me too* (Я тоже).

Кампанию *MeToo* организовала в 2007 г. Тарана Берк: это было стихийное движение с целью сплотить людей из незащищенных групп населения, переживших сексуальное насилие. Как рассказала Берк изданию *Ebony*, «это было что-то вроде пароля — словечко, которым могли обмениваться те, кто пережил насилие, чтобы понять, что они не одиноки и что исцеление возможно»¹⁰. Милано написала у

⁹ Kantor J., Twohey M. Harvey Weinstein Paid Off Sexual Harassment Accusers for Decades // *New York Times*. October 5, 2017. <<https://www.nytimes.com/2017/10/05/us/harvey-weinsteinharassment-allegations.html?r=0>> (дата обращения 15.01.2018).

¹⁰ Hill Z. A Black Woman Created the ‘Me Too’ Campaign Against Sexual Assault 10 Years Ago // *Ebony*. October 18, 2017. <<http://www.ebony.com/news-views/black-woman-me-too-movementtarana-burke-alyssa-milano#ixzz54I5qwqoZ>> (дата обращения 15.01.2018).

себя в Твиттере: «Если все женщины, когда-либо подвергавшиеся сексуальным домогательствам или насилию, напишут у себя в соцсетях: Я тоже [Me too], мы сумеем наглядно показать людям масштаб проблемы»¹¹. На ее призыв откликнулись миллионы женщин — и некоторые мужчины тоже: они нарушили молчание, чтобы поведать свою историю унижения и насилия¹². Благодаря тому, что страдание оказалось общим опытом, обрел резонанс голос гневной надежды — голос, который был заглушен культурой, превозносившей могущественных мужчин и стыдившей их жертв. Чем больше женщин рассказывали о своем опыте сексуального насилия, тем больше людей находили в себе мужество вслух высказать правду. К этому протесту присоединились и некоторые мужчины: одни рассказывали о своем опыте насилия, в том числе сексуального, со стороны более могущественных мужчин; другие выражали свою поддержку под хештегом *how I will change* (как я изменю свою жизнь). Один из них написал: «Я буду призывать мужчин к ответу за сексизм. Я больше не буду мириться с таким положением вещей. Я не позволю мужчинам оскорблять женщин»¹³.

Дело Харви Вайнштейна и последовавшая за ним кампания #MeToo стали новой точкой отсчета: то, что все и так на самом деле знали, вошло в общественное созна-

¹¹ *Milano A.* If you've been sexually harassed or assaulted write 'me too' as a reply to this tweet. October 15, 2017. <https://twitter.com/alysa_milano/status/919659438700670976?lang=en> (дата обращения 15.01.2018).

¹² *Park A.* #MeToo Reaches 85 Countries With 1.7M Tweets // CBS News. October 24, 2017. <<https://www.cbsnews.com/news/o-reaches-85-countries-with-1-7-million-tweets>> (дата обращения 15.01.2018).

¹³ *Vagianos A.* In Response to #MeToo, Men Are Tweeting #HowIWill Change // Huffington Post. October 18, 2017. <https://www.huffingtonpost.com/entry/in-response-to-metoo-men-are-tweetinghowiwill-change_us_59e79bd3e4b00905bdae455d> (дата обращения 15.01.2018).

ние. Если женщин будут выслушивать, а не стыдить за то, что они говорят, если другие женщины не отвернутся от них, а наоборот, присоединятся к ним, если мужчины будут нести ответственность за поступки, которые долгое время считались несущественными, то, вполне вероятно, все вместе мы сумеем прорвать плотину молчаливого принятия этого аспекта патриархата. То, что с точки зрения патриархата являлось мужским правом, военным трофеем, привилегией высокого положения и власти, с точки зрения демократии является нарушением прав человека и злоупотреблением властью. Движение «Женщины за мир», «Марш женщин» после инаугурации Трампа и кампания #MeToo — это заявление от лица большой и разнообразной группы женщин (равно как и от лица некоторых мужчин): мы больше не собираемся играть по правилам патриархата.

В кампании #MeToo есть свои противоречия и сложности — как есть они и в движении «Женщины за мир», и в «Марше женщин». Разногласия и споры возникали на каждом шагу: как надо добиваться мира, кто может говорить от лица женщин, что следует считать домогательствами и насилием и как именно нужно отвечать на обвинения. Однако ирония состоит в том, что отсутствие конфликта и разногласий — это фирменная черта патриархата, где голос отца непререкаем. Тоталитарные режимы не выносят оппозиции и мгновенно затыкают рот несогласным, в то время как демократия процветает благодаря открытым дебатам, конфликтам и противоречиям, потому что, как хорошо известно 11-летней Тесси, конфликт «помогает отношениям продолжаться» и, только выслушав другого, ты начинаешь понимать, что он чувствует, и учишься «не задевать его чувства».

Каков наш ответ?

КЭРОЛ и Наоми: Мы живем в эпоху глобальных противоречий: в США был избран первый черный президент, впервые от одной из ведущих партий женщина баллотировалась в президенты, были узаконены однополые браки; и одновременно с этим наши политические лидеры, в том числе президент, во всеуслышание поддерживают расизм, сексизм, религиозную нетерпимость, насилие, а также отстаивают необходимость использования силы для разрешения конфликтов. Мы видели, как могущественные мужчины лишились своей власти из-за сексуального насилия по отношению к другим людям (преимущественно к женщинам) и в то же время самому могущественному из них — президенту Америки — сошло с рук ровно такое же поведение. Патриархат одновременно и под угрозой, и в зените своей власти. Учитывая все это, каков же наш ответ на заданный в начале этой книги вопрос?

Очевидно, что патриархат сохраняет свою живучесть, но теперь мы лучше понимаем, почему. Политическая борьба между демократией и патриархатом сопровождается борьбой психологической. Живучесть патриархата связана не только с борьбой за власть и состязанием между различными образами жизни и системами верований, но еще и с напряженным противоречием между нашим желанием любви и желанием избежать боли утраты. Патриархат с его гендерной бинарностью и иерархической

структурой, препятствующими полноценному, искреннему присутствию в отношениях, оказывается бастионом, защищающим нас от боли утраты. Вот в чем подвох: патриархат требует от нас пожертвовать любовью.

Два слова постоянно приходят на ум: «что-то» — безымянная сила, чье присутствие тем не менее ощутимо, сила одновременно могучая и неосязаемая, или, как сказано у Толстого, грубая, властная и таинственная, и «призрак» — мертвая тень прошлого, витающая над нами. Мы ощущаем на себе воздействие этой силы, часто не осознавая или не замечая его; мы бессознательно следуем ее повелениям. Словно Тень отца Гамлета, голос говорит с нами из сумрака и тумана, диктуя нам свою волю.

Гендер лежит в основе патриархата: гендерная бинарность и иерархическая структура определяют такой образ жизни, при котором мужчина, чтобы стать мужчиной, не должен быть женщиной или уподобляться ей, и наоборот; и при котором определенные мужчины, патриархи, находятся на самом верху иерархии, потому что они, как принято считать, выше остальных мужчин, а также женщин. Именно гендер — дихотомия «мужчина/женщина» и иерархическое устройство, которое ставит мужское выше женского, — является тем, на чем держится патриархат. Точнее, все держится на патриархальной конструкции, объясняющей, что значит быть достойным мужчиной и добропорядочной женщиной, потому что нравственность, обретающая форму мужской чести и женской добродетели, — это ключ к установлению и поддержанию патриархальных порядков. Именно во имя идеалов мужественности или женственности, во имя чести и добродетели всякая попытка восстановить отношения подвергается осуждению, а это путь от протеста к отчуждению.

Но любовь — сила природы — всегда найдет обходной путь. Не секрет, что патриархат зависит от соучастия женщин.

Своей живучестью патриархат отчасти обязан женскому молчанию и подчинению, в том числе готовности женщин жертвовать своими детьми во имя высшей цели. Он также держится — как напоминают нам психиатры Джеймс Гиллиган и Джонатан Шэй, это известно еще со времен Гомера — на подверженности мужчин чувству стыда и ярости, которые могут заставить их, как говорит Шэй, совершать несправедные дела¹. «Марш женщин» после инаугурации Трампа, путешествие к примирению «Женщин за мир», движение #MeToo, женщины, нарушившие молчание, которых журнал *Time* поместил на обложку выпуска «Человек 2017 года»², — все это женщины, которые оставили патриархат позади, а также мужчины, которые самим фактом присоединения к женскому движению вырвали мужественность из тисков гендерной бинарности и иерархии. Мы видим, как мужчины и женщины преодолевают разделяющие их барьеры (израильтяне/палестинцы, черные/белые, богатые/бедные, геи/натуралы), чтобы выразить свой протест против утрат — утрат, которые несет война, утрат в результате избрания Трампа президентом, утрат, понесенных за десятилетия насилия и расизма, неравенства и сексизма. Мы видим, как гнев надежды становится движущей силой этих движений: надежда на перемены, на то, что разрывы в демократии можно залатать и исцелить, что отношения — какими бы хрупкими они ни были, как бы ни расшатывали их все эти воззвания к мужской чести и женской добродетели — не уступят давлению господства и подчинения, насилия и молчания. Эти движения вдохновляются убеж-

¹ Gilligan J. *Violence*; Shay J. *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. N.Y.: Simon and Schuster, 1994.

² Zackereck S., Docterman E., Edwards H.S. *The Silence Breakers* // *Time*. December 18, 2017. <<http://time.com/time-person-of-the-year-2017-silence-breakers>> (дата обращения 15.01.2018).

дением, что мы, люди, по самой своей природе способны к примирению, что наш мир тяготеет к справедливости и что в конце концов гнев надежды одержит верх над гневом отчаяния.

В этот поворотный момент — когда патриархат одновременно и под угрозой, и в зените власти — мы завершаем наше исследование и оглядываемся назад: чему мы могли бы научиться у Джеки и Адама?

В первые дни после избрания Трампа в резонирующем пространстве семинара по сопротивлению несправедливости Адам, белый гетеросексуальный мужчина, готовящийся к карьере в области юриспруденции, и Джеки, гетеросексуальная женщина смешанной расы, выпускница элитного колледжа, работавшая в престижных образовательных заведениях, а ныне аспирантка, сумели выразить свой протест против пережитой ими утраты. Приняв правила патриархата и патриархальный идеал мужественности, Адам разорвал узы подлинной дружбы с Олли, своим лучшим другом с детства. Осознав, что таким образом он предал не только Олли, но и самого себя, пожертвовав любовью во имя патриархальной идеи мужественности, он написал, что ни о чем так не жалеет в своей жизни, как о разрыве с Олли.

Джеки заглушила свой честный и правдивый голос. Не сказав правды, она отреклась от самой себя и устранилась из любых отношений. В итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости она описывает свое молчание после изнасилования как «предательство всего, во что [она] верила»:

Тяжелее всего для меня было молчание после изнасилования. Оно было равносильно предательству всего, во что я верила. За год до нападения на меня я узнала, что мою подругу изнасиловал наш (бывший) общий друг. Я выступила против насильника, я приняла сторону подруги,

снабдила ее всей необходимой информацией и ходила вместе с ней к преподавателю, которому можно было довериться. Но ничего из этого я поначалу не смогла сделать, когда такое случилось со мной. Я словно тонула, захлебываясь от чувства беспомощности, от неспособности сказать правду.

Утрата голоса — это наследие травмы, потому что из-за травмы голос становится неэффективным инструментом. Протест либо отвергается, либо игнорируется, что приводит к отчаянию и отчуждению: одна из его разновидностей — распространенное у людей, переживших изнасилование, ощущение отчужденности от собственного тела, словно оно тебе не принадлежит. Но, как постепенно осознала Джеки, ее молчание было не только следствием изнасилования, но и одной из важнейших опор патриархальной культуры.

Если женщины будут продолжать хранить молчание, мы не сможем осмыслить наш общий опыт ощущения себя кем-то менее значимым. Мы не сможем вырасти над собой, не сможем научиться друг у друга, не сможем исследовать, как пересечение различных идентичностей оказывает влияние на те проблемы, с которыми мы сталкиваемся. Наше общее молчание становится тем фактором, который позволяет патриархату сохранять статус-кво.

Самый глубокий урок, который мы получили от Адама и Джеки, состоит, пожалуй, в том, что акт сопротивления — это одновременно и акт протеста, и движение в сторону исцеления разрыва. Сопротивление несправедливости — это протест против патриархата, который является антитезой демократических институтов и ценностей (права человека, право голоса); но это также и исцеление разрывов связи между людьми, это замена «отношений» — отношениями.

Открываясь (снова) навстречу тому, что, за исключением самых тяжелых случаев, мы всегда в какой-то степе-

ни знали с самого начала, — радостям общения с другими людьми, — мы снова открываемся навстречу надежде и отчаянию, если этим надеждам не суждено оправдаться. И это запускает работу механизмов защитной психологии, которые приводят к отчаянию и отчуждению, но также могут и способствовать нашему исходу из патриархата — подобно тому путешествию через пески пустыни.

В качестве семестрового проекта Адам написал и исполнил песню, посвященную Олли. Он снова вернулся к музыке — еще одна отвергнутая им любовь, — чтобы исцелить разрыв: «Мне хотелось использовать музыку как способ исцелить ту моральную рану, которую нанесло мне “развитие”, превращение из мальчика в мужчину». Он надеялся, что таким образом ему удастся «восстановить связь, хоть до какой-то степени, между разумом и чувствами», восстановить отношения с Олли; песня — это «мое признание в том, что, взрослея, я поступил со своим лучшим другом бездушно и непорядочно, потому что боялся общественного осуждения за слишком тесные отношения с геем». Воссоединившись со своей любовью к музыке и к Олли, Адам занял позицию в отношении патриархата, которая выходит за рамки того, что мы привыкли считать политическим действием: он вступил в противоборство с психологическими факторами, отвечающими за сохранение патриархальных порядков. Песня, посвященная Олли, стала знаком отказа от идеала мужественности, основанного на предательстве любви.

В своей работе Джеки пишет, как приняла решение написать письмо человеку, который ее изнасиловал. В нем она выражает весь свой гнев и говорит о том, что «оберегала его ценой собственных чувств». Насильник ответил ей, признав свой проступок и написав, что чувствует себя очень виноватым. «Моя ярость стала только сильнее», — объясняет Джеки:

До того, как я написала это письмо, мне хотелось верить, что он не вполне понимал, что он со мной сделал, но его ответ ясно показал, что это не тот случай. [Он понимал, что он ее изнасиловал.] Получив от него ответный имейл, я все думала: если он правда все понимал, то почему не извинился раньше? Почему он не пытается что-то с этим сделать, избавиться от своих наклонностей? Почему до меня по-прежнему доходят слухи о его дурном обращении с женщинами? Так я перестала молчать.

Протестуя против несправедливости насилия и против того предательства себя, которое последовало за насиллием, Джеки нарушила молчание. Она сумела найти способ снова войти в контакт с собой и с другими женщинами. Написав письмо, она напрямую обратилась к насильнику, который прежде был ее другом. На первый взгляд ее реакция на его имейл может показаться странной. Ведь он извинился перед ней и написал, что чувствует вину за то, что с ней сделал. Чего же ей еще надо?

Но если внимательно прислушаться, мы поймем, в чем заключается ее вопрос: если он «вполне понимал, что он со мной сделал», то дело тогда не в том, попросил ли он прощения или чувствовал ли он свою вину, а в том, как он вообще такое мог сделать? Как он мог пойти на насилие? Если он был не чудовищем, а вполне способным на нормальные чувства человеком, если он был в состоянии понять ее чувства, то что же произошло с ним? Что заставило его отказаться от собственной человечности, пренебречь чувствами другого человека? Как он мог не просто изнасиловать ее (за что он попросил прощения и в чем чувствовал себя виноватым), но и продолжать плохо обращаться с другим женщинами? Джеки нарушила свое молчание отчасти, как нам кажется, потому, что у нее появилось системное понимание того, что случилось с ней: дело было не в том, что Том был чудовищем, а в том, что Том совершил нечто чудовищное, потому что

«что-то» — и снова это слово! — отрезало его от человечности.

Истории Адама и Джеки, рассказанные в контексте семинара на тему сопротивления несправедливости, напоминают нам о том, что необходимо обращать внимание на внутренние структуры. Если смотреть на историю Джеки сквозь патриархальные очки, извинение Тома должно было погасить гнев Джеки, а не разжечь его с новой силой. Но если смотреть на нее с точки зрения феминизма, то понятно, почему ярость Джеки стала только сильнее: ведь Том не сделал ничего для того, чтобы исправиться, и не изменил своего поведения по отношению к женщинам. Его извинение ломаного гроша не стоило. Если бы она просто приняла его извинения, она бы установила с ним ложные отношения — и сама в глубине души отлично бы это понимала. Но если смотреть глубже, она не приняла его извинений еще и потому, что увидела, что он находится в ложных отношениях с самим собой. Именно в этом состояло открытие Адама: он раскаивался не только в том, что предал свою дружбу с Олли, но и в том, что, предав истинные отношения, предав братскую любовь, он предал тем самым самого себя. Сочинив и исполнив песню для Олли, Адам вернул себе любовь к музыке, пению и Олли, а вместе с ней и подлинные отношения с самим собой.

Перейдя от отчуждения к протесту, от патологического сопротивления к знанию, а затем и к здоровому сопротивлению ложным отношениям, Джеки пришла к политическому сопротивлению. Она восстала против «социальных ожиданий, предписывающих стиснуть зубы и перетерпеть». Бросив вызов силам, которые заставляли ее молчать, Джеки заинтересовалась системой, которая позволяет изнасилованиям продолжаться, потому что женское молчание покрывает насилие. Как же представители университетской администрации могут жить

в ладу с собой, размышляла она, если — судя по официальной статистике, свидетельствующей о высоком уровне насильственных действий сексуального характера на кампусах, — их политика практически неэффективна? По собственному опыту и по опыту других женщин она знала, что реакция университетской администрации на сообщения о насилии только усугубляла травму, потому что вносила свой вклад в вынужденное молчание. Но Джеки и сама проработала администратором в университете после окончания колледжа и до поступления в аспирантуру и знала, что администраторы не какие-то там чудовища и бесчувственные бюрократы, лишенные всего человеческого. Как они представляют себе свою деятельность, свою роль в выполнении Раздела IX³, свою реакцию на студентов, которые приходят к ним с жалобами? Как они оправдывают свое поведение? В качестве диссертационного исследования она решила заняться этими проблемами, опрашивая университетских администраторов, ответственных за снижение числа сексуальных злоупотреблений на кампусе.

«Изнасилование сделало невозможную раньше для меня вещь — оно заставило меня умолкнуть», — написала Джеки в своей итоговой работе по семинару. Эта работа начинается с посвящения: «Моим сестрам...». Она писала ее для своих младших сестер, растущих в мире, где «сексуальное насилие — это просто то, что случается, и мы должны с этим смириться», но также и для большого сестринского сообщества женщин, потому что в кабинете следователя, где хранились папки с нерасследованными изнасилованиями, она поклялась, что больше не станет молчать о случаях «гендерного неравенства и насилия».

³ Поправки к американскому Закону об образовании 1972 г., гарантирующие свободу от дискриминации по признаку пола в сфере образования. — *Примег. пер.*

Мы начали с вопроса: почему патриархат так живуч? Он привел нас к ряду открытий, позволивших связать живучесть патриархата с психологией утраты. Живучесть патриархата держится на переходе от протеста к отчаянию, а затем к отчуждению. В противном случае мы бы давно уже его свергли.

В итоге мы пришли вот к какому выводу. В той самой психологии, которая поддерживает патриархальные порядки, заложены семена сопротивления и преобразований. Поскольку мы живем в темные времена, гнев надежды становится нашим маяком, указывающим путь, который выведет нас из отчаяния.

Наоми: Для меня главным открытием стало то, что утрата нас не только разлучает, но и объединяет. Как только я это осознала, я начала понимать, что, несмотря на все силы противодействия, исцеление всегда возможно, утрата никогда не бывает невозполнимой.

Кэрл: Для меня таким открытием стало то, насколько изощренный и тонкий механизм поддерживает незыблемость патриархата. Патриархат неумолимо и бесперебойно обрушивает стыд на всех, кто пытается залатать разрывы, препятствующие демократии и любви. Патриархат наносит удар по нашей способности восстанавливать отношения, стремясь уничтожить восприимчивость к боли утраты связи, стремясь заглушить наш подлинный голос, чтобы мы не смогли поведать о своих переживаниях.

Мы все время возвращаемся к тому видеоролику на YouTube, чтобы не забывать о человеческой способности, данной нам от рождения.

Кэрл и Наоми: Таким образом, мы пришли к пониманию того, что политические перемены зависят от психологических, и наоборот. Если мы оставим в неприкосновенности психологию патриархата, мы не сумеем избавиться от его политического влияния. А если мы ничего не

сделаем с патриархальной политикой, то патриархальная психология будет казаться нам законом природы. Мужчины кажутся эмоционально беспомощными, неспособными почувствовать собственную или чужую боль; а женщины считаются существами, абсолютно лишенными «я», ангелами — а если не ангелами, то тогда шлюхами.

В процессе совместного творчества мы заметили, что стали друг для друга резонаторами, подхватывающими малейшие отзвуки, и обнаружили, что, озвучивая наши сомнения, вопросы или прозрения, мы облакаем в слова то, что раньше казалось неизъяснимым. Мы неустанно дивились тому, как мало нужно, чтобы создать резонанс и высвободить голос, задавленный молчанием или заглушенный растерянностью. Благодаря этому мы сумели распознать глобальные силы, которые противодействуют этому высвобождению на уровне мирового человеческого сообщества. Ведь если, как показывает наше исследование, существует фундаментальное глубокое противоречие между естественной человеческой реакцией на утрату и структурами, чье существование зависит от невозможности утраты, то именно здесь и развернется главное сражение.

Коротко говоря, патриархат держится на разрушении способности человека восстанавливать отношения: его иерархические структуры покоятся на утрате отношений и отказе от любви. В противоположность этому демократия, как и любовь, держится на отношениях: каждый человек обладает своим голосом и способен рассказать о своем опыте. В этом смысле голос каждого человека — ключевой элемент демократического процесса и демократических ценностей, поэтому крайне важно его слышать, поощрять и откликаться на него, не обязательно соглашаясь, но всегда с уважением. Равенство голосов — это условие, позволяющее прорабатывать конфликты в отношениях, не прибегая к грубой силе или любым другим фор-

мам доминирования. Способность создавать отношения, от природы присущая человеку, стоит сейчас на кону — в тот момент, когда мы оказались на распутье между демократией и патриархатом. И самый важный вопрос, который сейчас звучит, возможно, как никогда остро: какой путь мы выберем?

ЛИТЕРАТУРА

- Ackerman D.* The Zookeeper's Wife. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2007.
- Adelson J., Doehrman M.* The Psychodynamic Approach to Adolescence // Handbook of Adolescent Psychology / J. Adelson (ed.). N.Y.: Wiley, 1980.
- Apuleius.* Metamorphoses (second century CE) / J.A. Hanson (transl.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
- Beard M.* Women & Power: A Manifesto. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2017.
- bell hooks.* Understanding Patriarchy. Louisville: Louisville Anarchist Federation, Louisville Lending Library, 2013.
- Bosmans G., De Smedt B.* Insecure Attachment is Associated with Math Anxiety in Middle Childhood // *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 6.
- Bowlby J.* Attachment and Loss: 3 vols. N.Y.: Basic Books, 1969; 1973; 1980.
- Bowlby J.* On Knowing What You Are Not Supposed to Know and Feeling What You Are Not Supposed to Feel // *Can. J. Psychiatry*. 1979. Vol. 24. No. 5.
- Brescoll V.L., Uhlmann E.L.* Can an Angry Woman Get Ahead? Status Conferment, Gender, and Expression of Emotion in the Workplace // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19. No. 3.
- Bromberg P.M.* Treating Patients with Symptoms — and Symptoms with Patience // *Psychoanalytic Dialogues*. 2001. Vol. 11. No. 6.
- Brown L.M., Gilligan C.* Meeting at the Crossroads: Women's Psychology and Girls' Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Chu J.Y.* When Boys Become Boys: Development, Relationships, and Masculinity. N.Y.: New York University Press, 2014.
- Collins P.H.* Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment. N.Y.: Routledge, 2000.
- Collins P.H., Bilge S.* Intersectionality. Cambridge: Polity, 2016.
- Crisis of Connection: Its Roots, Consequences, and Solutions* / N. Way, A. Ali, C. Gilligan, P. Noguera (eds). N.Y.: NYU Press, 2018.
- Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement* / K. Crenshaw et al. (eds). N.Y.: The New Press, 1996.
- Damasio A.R.* Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain. N.Y.: Putnam Publishing Group, 1994.
- Damasio A.R.* The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. San Diego: Harcourt, 1999.
- Davis P.C.* Neglected Stories. N.Y.: Hill and Wang, 1998.
- De Waal F.* The Age of Empathy. N.Y.: Harmony, 2009.
- Dickinson E.* Poem 670 (1863, excerpted) // *The Complete Poems of Emily Dickinson* / T.H. Johnson (ed.). Boston, MA: Little, Brown, 1960.
- Dorney J.A.* Splitting the World Open: Connection and Disconnection Among Women Teaching Girls // Way N. et al. *Crisis of Connection: Its Roots, Consequences, and Solutions*. N.Y.: NYU Press, 2018.
- Doyle S.* America Loves Women Like Hillary Clinton — As Long As They're Not Asking For a Promotion // *Quartz*. February 25, 2016. <<https://>

- qz.com/624346/america-loves-women-like-hillary-clinton-as-longas-theyre-not-asking-for-a-promotion> (дата обращения 15.01.2018).
- Fairbairn W.R.D.* Psychoanalytic Studies of the Personality. L.: Tavistock, 1952.
- Freud S.* Mourning and Melancholia // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 20 / J. Strachey (ed. and transl.). L.: Hogarth Press, 1957 [1917].
- Freud S.* The Question of Lay Analysis // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 20 / J. Strachey (ed. and transl.). L.: Hogarth Press, 1959 [1926].
- Gilligan C.* In a Different Voice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
- Gilligan C.* Joining the Resistance. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Gilligan C.* Recovering Psyche // The Annual of Psychoanalysis. 2013. Vol. 32: Psychoanalysis and Women.
- Gilligan C.* The Birth of Pleasure. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2002.
- Gilligan C.* The Centrality of Relationship in Human Development: A Puzzle, Some Evidence, and a Theory // Development and Vulnerability in Close Relationships / K. Fisher, G. Noam (eds). New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.
- Gilligan C., Richards D.A.J.* Darkness Now Visible: Patriarchy's Resurgence and Feminist Resistance. Cambridge: Cambridge University Press (в печати).
- Gilligan C., Richards D.A.J.* The Deepening Darkness: Patriarchy, Resistance, and Democracy's Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Gilligan J.* Violence: Reflections on a National Epidemic. N.Y.: Vintage Books, 1996.
- Gilligan J.* Violence; *Shay J.* Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character. N.Y.: Simon and Schuster, 1994.
- Hallie P.* Lest Innocent Blood be Shed: The Story of the Village of Le Chambon and How Goodness Happened There. N.Y.: Harper and Row, 1979.
- Hendrick H.* Children's Emotional Well-being and Mental Health in Early Post-Second World War Britain: The Case of Unrestricted Hospital Visiting // Cultures of Child Health in Britain and the Netherlands in the Twentieth Century. 2003. No. 17.
- Hill Z.* A Black Woman Created the 'Me Too' Campaign Against Sexual Assault 10 Years Ago // *Ebony*. October 18, 2017. <<http://www.ebony.com/news-views/black-woman-me-too-movementtarana-burke-alyssa-milano#ixzz54I5qwqoZ>> (дата обращения 15.01.2018).
- Hoff Sommers C.* The War Against Boys // *The Atlantic*. May 2000. <<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2000/05/the-war-againstboys/304659>> (дата обращения 14.01.2018).
- Holmes J.* Attachment, Intimacy, Autonomy: Using Attachment Theory in Adult Psychotherapy. New Jersey: Rowman & Littlefield, 1996.
- Hrdy S.* Mothers and Others. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2011.
- Jack D.* The Anger of Hope and the Anger of Despair: How Anger Relates to Women's Depression // *Situating Sadness: Women and Depression*

- in Social Context / J.M. Stoppard, L.M. McMullen (eds). N.Y.: NYU Press, 2003.
- Jack D.C.* Silencing the Self: Women and Depression. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
- Kantor J., Twohey M.* Harvey Weinstein Paid Off Sexual Harassment Accusers for Decades // New York Times. October 5, 2017. <<https://www.nytimes.com/2017/10/05/us/harvey-weinsteinharassment-allegations.html?r=0>> (дата обращения 15.01.2018).
- Kirshbaum D.* Why Women and Why Now? // womenwagepeace, June 2, 2017. <<http://womenwagepeace.org.il/en/women-now-rabbidonna-kirshbaum-member-women-wage-peace>> (дата обращения 15.01.2018).
- Klein M.* A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive States // International Journal of Psycho-Analysis. 1935. No. 16.
- Kozlovsky R.* The Architects of Childhood: Childhood, Modern Architecture, and Reconstruction in Postwar England. N.Y.: Routledge, 2016.
- LeDoux J.E.* The Emotional Brain. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
- Lidegaard B.* Countrymen: The Untold Story of How Denmark's Jews Escaped the Nazis, of the Courage of Their Fellow Danes and of the Extraordinary Role of the SS. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2013.
- Lieberman M.D.* Social: Why Our Brains are Wired to Connect. N.Y.: Random House, 2013.
- Lieberman O.* Israeli, Palestinian Women Join Peace March Through Desert // CNN. October 9, 2017. <<http://www.cnn.com/2017/10/09/middleeast/israeli-palestinian-women-peace-march-desert/index.html>> (дата обращения 16.01.2018).
- Lori A.* Code Name: Fox // Haaretz. February 21, 2008. <<https://www.haaretz.com/1.4994531>> (дата обращения 02.05.2018).
- Machoiian L.* The Disappearing Girl: Learning the Language of Teenage Depression. N.Y.: Penguin, 2006.
- Milano A.* If you've been sexually harassed or assaulted write 'me too' as a reply to this tweet. October 15, 2017. <https://twitter.com/alyssa_milano/status/919659438700670976?lang=en> (дата обращения 15.01.2018).
- Morris M.* Pushout: The Criminalization of Black Girls in Schools. N.Y.: The New Press, 2015.
- Nolen-Hoeksema S., Girgus J.S., Seligman M.E.* Sex Differences in Depression and Explanatory Style in Children // Journal of Youth and Adolescence. 1991. Vol. 20. No. 2.
- Okimoto T.G., Brescoll V.L.* The Price of Power: Power Seeking and Backlash Against Female Politicians // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. No. 7.
- Park A.* #MeToo Reaches 85 Countries With 1.7M Tweets // CBS News. October 24, 2017. <<https://www.cbsnews.com/news/o-reaches-85-countries-with-1-7-million-tweets>> (дата обращения 15.01.2018).
- Phillips A.* Judas' Gift // London Review of Books. January 5, 2012.
- Richards D.A.J.* Women, Gays, and the Constitution: The Grounds for Feminism and Gay Rights in Culture and Law. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
- Ritchie A., Davis A.Y.* Invisible No More: Police Violence Against Black Women and Women of Color. Boston: Beacon Press, 2017.

- Roy A.* The God of Small Things. New Delhi: India Ink, 2001 [1997].
- Sands S.H.* What is Dissociated? // Dissociation: Progress in the Dissociative Disorders. 1994. No. 7.
- Shakespeare W.* The Tempest / R. Langbaum (ed.). N.Y.: Penguin, 1998.
- Shay J.* Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character. N.Y.: Simon and Schuster, 1994.
- Sidesinger T.* The Nasty Woman: Destruction and the Path to Mutual Recognition. Conference paper, "Psychology & the Other". Boston, October 13–15, 2017.
- Silencing the Self Across Cultures: Depression and Gender in the Social World / D.C. Jack, A. Ali (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Sommers C.H.* The War Against Boys // The Atlantic. May 2000. <<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2000/05/the-war-against-boys/304659>> (дата обращения 14.01.2018).
- Sophocles.* The Oedipus Cycle (429 BCE) / D. Fitts, D.R. Fitzgerald (transl.). N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1949.
- Taylor K.Y.* How We Get Free: Black Feminism and the Combahee River Collective. Chicago: Haymarket Books, 2017.
- The Diary of Anne Frank: The Revised Critical Edition Prepared by The Netherlands Institute for War Documentation / D. Barnow, H. Пааре, G. Van Der Stroom (eds), A.J. Pomerans, B.M. Мооуаарт (transl.). N.Y.: Doubleday/Random House, 2003.
- The Radical Listening Project, NYU. <<https://wp.nyu.edu/radicallistening-project>>.
- Traister R.* Hillary Clinton Is Furious. And Resigned. And Funny. And Worried // New York Magazine. May 26, 2017. <<http://nymag.com/daily/intelligencer/2017/05/hillary-clinton-lifeafter-election.html>> (дата обращения 14.01.2018).
- Umberson D., Karas Montez J.* Social Relationships and Health: A Flashpoint for Health Policy // Journal of Health and Social Behavior. 2010. Vol. 51. No. 1 (supplement).
- UNSC Res 1325 (October 31, 2000) UN Doc S/RES/1325.
- Vagianos A.* In Response to #MeToo, Men Are Tweeting #HowIWill-Change // Huffington Post. October 18, 2017. <https://www.huffingtonpost.com/entry/in-response-to-metoo-men-are-tweetinghowiwill-change_us_59e79bd3e4b00905bdae455d> (дата обращения январь 2018).
- Way N.* Deep Secrets: Boys' Friendships and the Crisis of Connection. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Woolf V.* Professions for Women // Woolf V. The Death of the Moth and Other Essays. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942 [1931].
- Zackerek S., Docterman E., Edwards H.S.* The Silence Breakers // Time. December 18, 2017. <<http://time.com/time-person-of-the-year-2017-silence-breakers>> (дата обращения 15.01.2018).
- Бирд М.* Женщины и власть: манифест. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Кляйн М.* Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний // Кляйн М. Психоаналитические труды. Т. II. Ижевск: ERGO, 2007. С. 139–177.

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили
В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/17870538>

Научное издание

Кэрол Гиллиган
Наоми Снайдер
ПОЧЕМУ ПАТРИАРХАТ
ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор АНАСТАСИЯ АРХИПОВА
Верстка: Юлия ПЕТРИНА
Корректор ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

Дизайн обложек серии: ABCdesign
ПОЛИНА ЛАУФЕР
ТАТЬЯНА БОРИСОВА
Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

В оформлении обложки использована иллюстрация
«Сожжение на костре» из книги середины XIX в.:
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Witch_Burning.jpg>

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 16.12.2019. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 7,1. Печать струйная ролевая
Тираж 1000 экз. Изд. № 2382

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59

Серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»

Готовятся к выпуску:

Питер Галисон

**Часы Эйнштейна,
карты Пуанкаре:
Империи времени**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1962-2

2020 г.

Йоран Терборн

**Города власти:
Город, нация,
народ, глобальность**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1787-1

2020 г.

Пол Фассел

**Класс: Путеводитель
по статусной системе Америки**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1999-8

2020 г.

Серия
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Готовятся к выпуску:

Роджер Скрутон

**Дураки, мошенники
и провокаторы:
Новые левые мыслители**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1788-8

2020 г.

Стив Фуллер

**Пост-правда.
Знание как борьба за власть**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-2190-8

2020 г.

Серия
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Готовятся к выпуску:

Колин Крауч

Победит ли гиг-экономика?

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-2170-0

2020 г.

Майкл Мангер

Завтра 3.0.

**Трансакционные издержки
и экономика совместного
использования**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-2191-5

2020 г.

Серия
«ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ»

Готовится к выпуску:

Дмитрий Узланер

**Объективная субъективность:
психоаналитическая теория
субъекта**

ISBN 978-5-7598-2192-2

2020 г.